

**ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

В. С. ЕФИМОВА

**ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ
СТАРΟΣЛАВЯНСКОГО
ЛЕКСИЧЕСКОГО ФОНДА**

**Москва
2021**

**THE INSTITUTE OF SLAVIC STUDIES
OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES**

VALERIYA S. EFIMOVA

**THE WAYS OF FORMING
THE OLD CHURCH SLAVONIC
LEXICAL FUND**

**Moscow
2021**

УДК 811.16

ББК 81

Е 91

Рецензенты / Reviewers

д-р филол. наук М. И. Чернышева / Dr of Philology, Prof. Margarita I. Chernysheva
канд. филол. наук И. В. Вернер / PhD in Philology Inna V. Verner

Утверждено к печати Ученым советом Института славяноведения РАН
(Протокол № 8 заседания Ученого совета
ФГБУН Института славяноведения РАН от 29.12.2020)

Е 91 В. С. Ефимова

Пути формирования старославянского лексического фонда.

М.: Институт славяноведения РАН, 2021. – 264 с.

В монографии пути формирования старославянского лексического фонда рассматриваются с применением новых методов исследования. Автор выдвигает гипотезы о переводческих установках св. Кирилла в разных сферах номинации – деривации, образовании композитов, передаче греческого суперлатива славянскими средствами и др. Уделяется внимание мало исследованным номинациям субстантивированными причастными формами и несколькословными наименованиями. Новые данные подтверждают высказывавшиеся и ранее автором монографии соображения, что существует принципиальное различие между процедурами создания композитов и образования однокорневых суффиксальных дериватов и что поморфемное калькирование особенно нуждается в переосмыслении его содержания в качестве словообразовательной процедуры в старославянском языке.

In the monograph, the ways of forming the Old Church Slavonic lexical fund are analyzed with the use of new research methods. The author puts forward a hypothesis concerning St. Cyril's translation strategies in different areas of nomination – derivation, compounding, transfer of the Greek superlatives by Slavonic means, etc. Attention is paid to poorly investigated nominations by substantivized participial forms and multi-word nominations. The new data confirm the considerations expressed earlier by the author of the monograph that there is a fundamental difference between the procedure of compounding and the procedure of formation of single-root derivatives, and that morphemic calquing as a word-formation procedure in the Old Church Slavonic needs special revision.

ISBN 978-5-7576-0448-0

DOI 10.31168/0448-0

© Институт славяноведения РАН, 2021

© В. С. Ефимова, 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ / CONTENTS

Глава I. Принципы и методы исследований старославянской лексики Chapter I. The principles and methods of the Old Church Slavonic vocabulary research.....	7
Глава II. Калькирование и суффиксация Chapter II. Calquing and suffixation	51
Глава III. Композиты Chapter III. Compounding	83
Глава IV. Номинации субстантивированными причастными формами Chapter IV. Nominations by substantivized participial forms.....	129
Глава V. Несколькословные номинации Chapter V. Multi-word nominations.....	153
Глава VI. Передача греческого суперлатива Chapter VI. Transfer of the Greek superlatives.....	187
Глава VII. Словообразовательное освоение грецизмов Chapter VII. Derivational assimilation of Graecisms.....	210
Послесловие Afterword.....	233
Сокращения Abbreviations.....	238

Литература	
Bibliography.....	242
Summary.....	260

Глава I

Принципы и методы исследований старославянской лексики

Настоящая монография – еще одна попытка заглянуть в «творческую лабораторию» славянских первоучителей свв. Кирилла и Мефодия и их учеников. В наше время уже никто даже из широкой публики не станет, кажется, возражать против мнения, что главная заслуга свв. Кирилла и Мефодия состояла не только и не столько в изобретении азбуки, подходящей для записи звуков славянской речи, сколько в создании первого литературного языка славян, служившего затем славянскому миру в течение многих веков и в результате оказавшегося языком обширного корпуса текстов разных жанров. Признание старославянского языка как общего для всех славян литературного языка имеет давнюю традицию в российской филологии (Соболевский 1891: 11; Пражский кружок 1967: 32; Толстой 1988: 34–52 и др.), хотя конкретные исследования старославянского языка в качестве литературного появились сравнительно недавно. Значительный вклад в это направление внесли труды Е. М. Верещагина, в которых старославянский язык рассматривается как литературный язык особого – средневекового – типа.

Нас в процессе создания первого литературного языка славян будет интересовать один из важнейших его аспектов (если не самый важный из его аспектов) – формирование старославянского лексического инвентаря. Какие задачи в этой области ставили перед собой свв. Кирилл и Мефодий, прибыв на славянские земли? Переводя на славянский язык греческие тексты, только ли перевод хотели они осуществить? Какие цели преследовали они и их ученики таким многообразным и так широко ими использовавшимся словотворчеством?

Несколько десятилетий тому назад вышла в свет монография Р. М. Цейтлин «Лексика старославянского языка» (Цейтлин 1977). За десятилетия этот труд стал «классическим»: редко можно встретить работу о старославянской лексике – как в России, так и за рубежом –

в которой не было бы ссылки на эту книгу (или на ее обновленное переиздание под названием «Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв.» (Цейтлин 1986)). Вместе с тем достижения палеославистики последних десятилетий – открытия и публикации массы новых древних славянских текстов и новооткрытых списков известных текстов, составление и публикация индексов к ним, публикация словарей и, особенно, Пражского словаря старославянского языка (далее SJS), начало публикации Греческо-старославянского индекса (Ř.-St. Index) – делают возможным и необходимым пересмотр принципов и методов исследования старославянской лексики, лежащих в основе труда Р. М. Цейтлин 70-х годов прошлого века.

Принципиальным для Р. М. Цейтлин был отбор источников для изучения старославянской лексики. По ее мнению, строго научным отбором являлся выбор корпуса 17 древнеболгарских рукописей X–XI вв.¹ Обычно этот набор рукописей называют либо «классическими старославянскими рукописями», либо рукописями «старославянского канона», либо (в последнее время) «(старославянский) корпус» (Кривко 2015: 1–3). Сам термин «старославянский язык» Р. М. Цейтлин определяла через фиксацию языка в этих рукописях: «старославянским называется *письменно-литературный язык, которым владели книжники культурных центров Юго-Западной (Македонской) и Восточной Болгарии конца X–XI в. и на котором написаны древнеболгарские рукописи этого времени*» (разрядка и курсив Р. М. Цейтлин) (Цейтлин 1977: 12). Данный подход к отбору источников языкового материала был вполне в духе того времени: в соответствии с господствующей в то время тенденцией предпочтительности

¹ Речь идет о следующих глаголических и кириллических рукописях: Зографское четвероевангелие, Мариинское четвероевангелие, Ассеманиево евангелие-апракос, Саввина книга (апракос), Охридские листки, Листки Ундольского, Зографский палимпсест, Боянское евангелие-апракос, Енинский апостол, Синайская псалтырь, Синайский евхологий, Синайский служебник, Клоцов сборник, Супрасльская рукопись, Хиландарские листки, Рыльские листки, Зографские листки. Тот же круг рукописей, но с добавлением в качестве 18-ой рукописи Киевских листков, был положен в основу словника изданного в 1994 г. Старославянского словаря, одним из авторов и редакторов которого была Р. М. Цейтлин (далее Словарь 1994).

синхронных описаний, Р. М. Цейтлин стремилась подвергнуть анализу возможно более древний, но доступный для исследований «синхронный срез» старославянского языка – поскольку еще более древний «синхронный срез» нам недоступен. Круг рукописей, отобранных Р. М. Цейтлин, не намного отличался от круга из 20 рукописей, определенных несколько ранее в качестве источников для словника старославянского словаря Л. Садник и Р. Айцетмюллером (Sadnik, Aitzetmüller 1955: VII–VIII).

Действительно, так как рукописи старославянского канона написаны (точнее, переписаны) книжниками Первого Болгарского царства на последнем этапе его существования и вскоре после его разрушения, можно считать, что они принадлежат к одному «синхронному срезу» языка. Трактовка понятия «старославянский язык» Р. М. Цейтлин, таким образом, оказывается близкой к трактовке понятия «древнеболгарский язык» («старобългарски език») болгарскими коллегами, которые, однако, включают в понятие «древнеболгарский язык» не только язык древнеболгарских рукописей X–XI вв., но и живой народный болгарский язык того времени. Соответственно, изданный в 1999–2009 гг. двухтомный «Старобългарски речник» (далее Речник 1999–2009) основан как на материале 21 рукописи (круг их близок к определенному Р. М. Цейтлин, Л. Садник и Р. Айцетмюллером), так и на эпиграфическом материале.

Несколько иную – хотя и довольно близкую – трактовку понятия «старославянский язык» видим у акад. Н. И. Толстого, который считал старославянский язык ранним этапом (IX–XI вв.) древнеславянского языка – общего для всех славян литературного языка, существовавшего в XI–XVII вв. в совокупности разных изводов (Толстой 1988: 34–52). Для изучения путей формирования старославянского лексического фонда мы считаем целесообразным принять именно эту трактовку понятия «старославянский язык»: материалом исследования должен быть не лексический инвентарь случайно сохранившихся рукописей старославянского канона, а лексический инвентарь литературного («книжного», «литературно-книжного») языка, реально существовавшего во второй половине IX – начале XI вв. и, начиная с первых переводов свв. Кирилла и Мефодия и включая деятельность книжников Охридской и Преславской школы, чрезвычайно динамично развивавшегося в этот период времени. Его лексический

инвентарь, базировавшийся первоначально на лексике солунского говора, с самых первых переводов непрерывно обогащался как за счет словотворчества книжников, так и за счет включения народной лексики разных славянских диалектов. Такая трактовка понятия «старославянский язык» меняет угол зрения на упомянутые древнеболгарские рукописи X–XI вв.: мы рассматриваем их как наиболее надежный, но не единственный источник материала для изучения путей формирования старославянского лексического фонда. Как мы неоднократно подчеркивали и ранее, в них зафиксирован лишь фрагмент старославянской лексической системы: не только частотность слов, но и само их наличие или отсутствие в этих рукописях обусловлено специфичностью содержания представленных в них текстов (Ефимова 1999; Ефимова 2002 и др.). Так, из текстов Св. Писания в них представлены лишь Евангелие и Псалтырь, Апостол – в очень небольших отрывках, остальной Ветхий завет (кроме Псалтыри) – фактически лишь в цитатах, агиографические и гомилетические произведения – лишь некоторые из переведенных или созданных в то время, совсем не представлены гимнографические произведения. Можно сказать, что в рукописях старославянского канона сохранилась лишь небольшая часть того огромного объема литературы, которая в действительности была переведена или написана самостоятельно на старославянском языке в IX – начале XI вв. Отсюда очевидно, что для получения адекватного представления о составе старославянского лексического фонда невозможно ограничиваться только случайно сохранившимися древнеболгарскими рукописями X–XI вв., необходимо использовать и те тексты, которые дошли до нас лишь в более поздних списках, но восходят к старославянским протографам.

Серьезным аргументом против использования для изучения старославянского языка более поздних списков является наличие в них инноваций. Однако границы круга рукописей, которые могут служить источниками языкового материала, зависят от того, какие цели преследует исследователь. Графику, фонетику и морфологию старославянского языка не следует, видимо, изучать «комплексно» даже по самому узкому кругу старославянского канона: все входящие в него рукописи отстоят, как известно, либо почти на столетие, либо более чем на столетие от своих первоначальных протографов –

рукописей первоначального перевода, и содержащиеся в них наборы инноваций в орфографии, фонетике и морфологии индивидуальны для каждой рукописи. Лексические инновации по отношению к первоначальному переводу также неизбежно присутствуют в рукописях – их можно заметить даже при сопоставлении евангельских списков внутри старославянского канона². Разумеется, в более поздних списках таких инноваций находится еще больше. Однако лексика протографов подвержена изменениям значительно меньше, чем фонетика или морфология. Еще в начале прошлого века А. И. Соболевский, основываясь на своих наблюдениях, писал, что «фонетические особенности с чрезвычайной быстротою и легкостью изменялись древними переписчиками <...> Ту же судьбу... имели и особенности морфологические. Материал, которому мы придаем значение, – словарь <...> За редкими исключениями, словарь списка совсем или почти совсем не отличается от словаря оригинала» (Соболевский 1900: 154). Подсчеты, проведенные А. А. Алексеевым, подтвердили правильность давних наблюдений Соболевского: согласно данным Алексеева, спонтанные изменения в лексике памятника при переписывании составляют около 5% всех изменений в тексте (Alekseev 1986: 435). Так называемые лексические замены представляют собой, как правило, результат осознанного редактирования текстов книжниками. Как отмечал в свое время А. М. Молдован, «выясняется, что при копировании текста рядовыми переписчиками замена лексики не практиковалась; лексическая правка была прерогативой редакторов» (Молдован 2003: 397–398). Для нас является важным то, что причины лексических замен во многих случаях поддаются выявлению в ходе исследовательской работы, и перед лексикологом-палеославистом стоит задача корректного использования лексического инвентаря более поздних списков.

Р. М. Цейтлин, определив понятие «старославянский язык» через его фиксацию в 17 древнеболгарских рукописях, уже в то время не

² Уже в статье 1991 г. нами отмечалось употребление в Ассеманиевом евангелии наречия *оудобыѣ* в качестве инновации преславских книжников (Ефимова 1991: 73). Анной А. Пичхадзе следы преславской редактур были найдены как в Ассеманиевом евангелии, так и – даже более отчетливые – в Зографском евангелии (Пичхадзе 2002: 48–50).

могла не понимать, что действительный объем старославянского лексикона был значительно больше, чем лексический инвентарь этих рукописей. «В СЯ (старославянском языке. – В. Е.) было слов во много раз больше, – писала Р. М. Цейтлин, – чем их зафиксировано в СП (старославянских памятниках. – В. Е.)» (Цейтлин 1977: 31). В конце своей исследовательской деятельности она пыталась найти пути к научно обоснованному изучению возможно большей части старославянского лексического фонда, но считала необходимым отсекал материал более поздних списков как ненадежных источников³. Придерживаясь убеждений в научности только синхронных описаний, она предложила методику восстановления незафиксированной в рукописях старославянского канона лексики, основанную на анализе предполагаемых словообразовательных пар в рамках все того же лексического инвентаря, известного по 17 древнеболгарским рукописям. Эту методику можно бы было назвать методикой «синхронного анализа словообразовательных пар»⁴. Однако применение данной методики дает возможность «восстановить» в старославянском лексиконе очень небольшое количество слов, не говоря уже о том, что данная методика, «строго научная» на первый взгляд, может в некоторых случаях приводить к ошибочным выводам⁵.

³ Р. М. Цейтлин считала себя непримиримым оппонентом позиции М. М. Копыленко, который признавал необходимость обращения к материалу более поздних списков и пытался сформулировать критерии отбора «раннедревнеславянской лексики» из словника Пражского словаря старославянского языка (SJS), в котором, как известно, представлена лексика не только старославянского канона, но и более поздних рукописей (Копыленко 1995: 5–25).

⁴ По мнению Р. М. Цейтлин, если в предполагаемой старославянской словообразовательной паре («мотивирующее – мотивированное») лексема присутствует как мотивирующая в связанном виде в левом ряду, она может быть «восстановлена» в качестве старославянской лексемы, в то время как правый ряд таких пар не может дать достаточно надежных результатов (Цейтлин 1986а; Цейтлин 1999).

⁵ Вряд ли можно согласиться с Р. М. Цейтлин, что в старославянском лексиконе можно реконструировать («восстановить») прилагательные *нравьнъ* или *цъвьнъ* на основании факта употребления в древнеболгарских рукописях

Итак, по нашему убеждению, лексиколог-палеославист не может себе позволить оставить вне поля зрения большую часть старославянского лексического фонда, игнорируя лексическое богатство текстов, сохранившихся только в более поздних списках со старославянских протографов. Принципы использования лексики более поздних списков для получения адекватного представления о лексическом инвентаре старославянского языка были предложены нами около двух десятилетий тому назад (Ефимова 2002). Наш подход к реконструкции звеньев как лексической, так и словообразовательной систем старославянского языка определяется положением, что она принципиально может быть осуществлена только с большей или меньшей степенью вероятности. Лексика более поздних списков со старославянских протографов и «церковнославянских» рукописей, незафиксированная в рукописях старославянского канона, рассматривается нами как потенциально старославянская и верифицируется затем в ходе сопоставительных исследований лексического материала возможно более широкого круга списков разных изводов. Наличие слова в разных местах более поздних списков разных произведений и, особенно, списков разных изводов (русского, сербского, среднеболгарского) уменьшает возможность рассматривать его как внесенное в процессе движения текста по спискам и указывает на большую вероятность принадлежности его к старославянскому лексикону (Ефимова

X–XI вв. слов *нравъ*, *зълонравънъ*, *подобонравънъ* и слов *цѣна* и *многоцѣнънъ* (Цейтлин 1986а: 116). Такие слова как *зълонравънъ*, *подобонравънъ*, *многоцѣнънъ* могли быть образованы способом не чистого сложения, а сложения с суффиксацией (и даже второе более вероятно), т. е. для образования слов *зълонравънъ*, *подобонравънъ*, *многоцѣнънъ* не обязательно присутствие в лексическом инвентаре языка прилагательных *нравънъ* или *цѣнънъ*, достаточно наличия в нем существительных *нравъ* и *цѣна*. Более существенно в данном случае то, что прил. *нравънъ* встречается в древнерусском списке XI в. со старославянского протографа Слов Григория Назианзина (о чем Р. М. Цейтлин не упоминает), однако значение ‘добродетельный’ у прил. *нравънъ* в этом тексте не вписывается в предполагаемые словообразовательные отношения мотивации: **нравънъ* *→ *зълонравънъ* ‘дурного нрава, безнравственный’; **нравънъ* *→ *подобонравънъ* ‘подобного образа жизни’.

2002: 465–466). Удачей для исследователя можно считать сохранение произведения в списках разных изводов. Так, например, «Шестоднев» Иоанна Экзарха Болгарского, не сохранившийся в списке эпохи старославянского языка, дошел до нашего времени как в сербском списке 1263 г. (издан Р. Айцетмюллером – Aitzetmüller 1958–1971), так и в списках ранней русской редакции, восходящих к древнеболгарскому протографу, но не связанных с сербским списком 1263 г. (издан Г. С. Баранковой (Баранкова 1998), в основу издания положен список XV в.). Наличие слова как в сербском, так и в русских списках Шестоднева свидетельствует о довольно высокой степени вероятности принадлежности его к лексическому инвентарю Иоанна Экзарха. С еще большей долей уверенности можно отнести его к старославянскому лексическому фонду, если оно будет обнаружено в других произведениях, восходящих к старославянским протографам. Таким образом, чем дальше мы будем продвигаться в деле изучения огромного и пока еще очень мало исследованного рукописного древнеславянского наследия, тем с большей надежностью будет восстанавливаться старославянский лексический фонд. Тем самым мы не отрицаем заслуги Р. М. Цейтлин в изучении старославянской лексики, но следует признать, что сейчас лексиколог-палеославист «вооружен» словарями, изданными памятниками письменности и индексами к ним гораздо лучше, чем во времена ее активной деятельности.

Достижения палеославистической лексикографии открыли возможность применения и нового, предложенного и описанного нами в статье 2011 г., метода изучения старославянского лексического фонда – метода «от греческой лексемы к старославянской», т. е. метода сопоставления греческой лексики со старославянской, при котором «отправным пунктом» является греческая лексема (Ефимова 2011: 323–330). Традиционно, со времен А. Х. Востокова, издавшего Остромирово евангелие с параллельным греческим текстом в 1845 г., палеослависты используют в своих исследованиях «греческую Vorlage». Путь сопоставления при этом всегда был «от славянской лексемы к греческой», т. е. исследователь выяснял, какое слово греческого оригинала переводит славянское слово, что и породило не совсем логичный, но общепринятый термин «греческое соответствие». (Поскольку перевод осуществлялся с греческого языка на славянский,

логичнее было бы соответствием считать славянское слово, а не греческое.) Метод сопоставления «от славянской лексемы к греческой» дает, конечно, возможность уточнить (а иногда и узнать) значение старославянского слова, но не дает представления о путях формирования старославянского лексического фонда, в то время как используемый нами метод исследования «от греческой лексемы к старославянской» позволяет проследить пути пополнения старославянского лексического инвентаря по древним славянским рукописям, начиная от подлежащей переводу конкретной греческой лексемы.

Покажем в качестве примера распределение по памятникам древнеславянской письменности переводов греческих композитов *εὐλαβής*, *εὐσεβής*, *θεοσεβής*, *εὐλάβεια*, *εὐσέβεια*, *θεοσέβεια* с корнями *-λαβ-* и *-σεβ-* во вторых компонентах. Изначальная семантика корней *-λαβ-* и *-σεβ-* совершенно различна⁶, однако развитие значений слов с этими корнями в греческом шло к практически одинаковой семантике в значениях данных композитов – ‘набожность, благочестивость’. Ср.:

εὐλαβής:

ѣѣтнѣѣ – Л 2:25 Мар Сав, Остр и др. (вар. *εὐσεβής*);

ѣѣтнѣѣ – Л 2:25 Зогр (вар. *εὐσεβής*);

богочѣѣтнѣѣ – Л 2:25 Ас (вар. *εὐσεβής*);

говѣѣннѣѣ – Деян 2:5 Гильф;

вѣѣрънѣѣ – Супр 81,6;

благоговѣѣрънѣѣ – Деян 2:5 Охр, Струм; Деян 8:2 Гильф;

Деян 22:12 Христ, Мат (вар. *εὐσεβής*); Изб.1073 90d15 (subst.);

⁶ Корень *-λαβ-* находим в гл. *λαμβάνω* ‘брать, хватать’ (туда же и *ἡ λαβή* ‘ручка, рукоятка’, ‘взятие, получение’, и ‘удобный случай’), однако в *εὐλαβής* значение развилось от ‘осторожного’ до ‘богобоязненного’; корень *-σεβ-* находим в гл. *σέβομαι* (реже в активном залоге *σέβω*) ‘страшиться’, ‘почитать’, а отсюда ‘быть благочестивым’. Анализ на довольно обширном материале из СлРЯ XI–XVII (т. е. в том числе и на материале относительно поздних рукописей) подобным образом развившейся семантической соотносительности композитов с первыми компонентами *благо-* и *бого-*, представляющих собой перевод или возможный перевод греческих композитов с первыми компонентами *εὐ-* и *θεο-*, можно найти в работе М. И. Чернышевой (Чернышева 2015: 29–33).

БЛАГОГОВѢННЗ – Деян 2:5 Шиш;
 БЛАГОУЪСТЫНЗ – Изб.1073 47b14–15; Изб.1073 137b19–20;
 БЛАГОУЪСТНЕВЗ – Изб.1073 52a5; Изб.1073 73c 20–21 (subst.) и др.;
 б/гр. Сл.наВерб. (Климентa Охридскогo?); б/гр Супр 426,17;
 БОГОУЪСТНЕВЗ – Супр 529,1 (superl. εὐλαβέστατος);
 ДОБРОГОВѢННЗ – Супр 270,22.

εὐσεβής

УЪСТНЕВЗ – Л 2:25 Мар Сав, Остр и др. (вар. εὐλαβής);
 УЪТНЕВЗ – Л 2:25 Зоґр (вар. εὐλαβής);
 БЛАГЗ – Евх 13a 22;
 БЛАГОВѢРЬНЗ – Деян 22:12 Христ, Мат (вар. εὐλαβής); Супр 26,21;
 Изб 1073 90d20 (subst.); Изб 1073 197d19; 189c1–2 (subst.);
 БЛАГОУЪСТЫНЗ – Супр 341,34; Супр 506,18; Хил 2bβ6–7;
 Изб.1073 1262–3 (subst.); Изб 1073 83d4 (subst.);
 б/гр. Похв.Кл.Рим. (Климентa Охридскогo?);
 БЛАГОУЪСТЫНѢ adv. εὐσεβῶς – Изб.1073 14c15–16;
 БЛАГОУЪСТНЕВЗ – Изб.1073 27b28–29; Изб.1073 55a19 (subst.);
 ДОБРОВѢРЬНЗ – Изб.1073 27b3;
 ДОБРОУЪСТЫНЗ – Супр 207,28; Супр 214,15–16; Хил 2bβ 1;
 б/гр. Сл.Захар. (Климентa Охридскогo?);
 ДОБРОУЪСТНЕВЗ – Супр 222,7–8;
 Супр 281,13–14 (superl. εὐσεβέστατος).

θεοσεβής

БОГОУЪТЫЦЬ – И 9,31 Зоґр, Мар, Ас, Остр и др.; Иов 1,1 Григ, Зах;
 Иов 1,8 Григ, Зах; Иов 2,3 Григ, Зах;
 БОГОУЪСТНЕВЗ – Супр 8, 29;
 б/гр. – Супр 539,23; Супр 541,22; Супр 552,12; Супр 564,9–19;
 Супр 564,13; Сл.Захар. (Климентa Охридскогo?);
 БОГОУЪСТНЕВѢ adv. б/гр. – Супр 539,20–21; Сл.Захар. (Климентa
 Охридскогo?).

εὐλάβεια

ГОВѢННІЕ – Евх 92a 2; 98b 1; Клоц 9b 22;
 Евр 5,7 Христ, Струм (говѣяннїе Охр Шиш);
 Евр 12,28 Христ, Слепч, Струм (говѣяннїе Шиш);

Служ XIII–XV 229,8; НомУст 10а 5; 14 б 9–10; 27б 4; 28а 25;
 Супр 67,27; 285,12; 458,24; 492,18;
 говѣнно жнтне – Евх 87а 14; вѣра говѣнна Евх 19а 9;
 доврость – Супр 365,7; 386,2;
 вѣздържанне – Супр 364,30; 405,21–22; 408,14;
 сѣмѣслѣ – ‘разумность, мудрость’ Супр 360,17–18;
 сѣмьѣнне – ‘страх Божий’ Супр 354,22;
 благовѣрне – 1 Тим 2,2 Христ, Охр, Слепч, Струм, Шиш
 (вар. *εὐσέβεια*);
 благобоуанне – Евр 5,7 Мат; Евр 12,28 Мат;
 благочѣстне – Изб.1073 137с27;
 доброговѣнне – Супр 252,14;
 доброговѣннѣ *ἐν εὐλαβείᾳ* – Супр 252,14
 (*ἀνὴρ ὀνομαστός ἐν εὐλαβείᾳ* – мѣжа нменнта н доброговѣнна);
 благоговѣнне – Служ XV 43,3–4; Служ XV 147,1–2; Служ XV
 121,7.

εὐσέβεια

чѣсть – Клоц 1а 25–26;
 вѣрнѣ (Gen. *εὐσεβείας*) – НомУст 17б22
 (*λόγῳ εὐσεβείας* – словомъ вѣрнѣмъ);
 благовѣрне – 1Тим 2:2 Христ, Охр, Охр, Слепч, Струм, Шиш
 (вар. *εὐλάβεια*); Ис 11:2 Зах; Притч 1:7 Зах;
 благовѣрствѣнне – Ис 11:2 Григ; Притч 1:7 Григ;
 благочѣстне – 1Тим 2:2 Мат; Супр 357,10; Супр 326,5 (ср. чѣсть
 в Клоц 1а 25–26); Изб.1073 43б14; Изб.1073 72а27; Изб.1073
 194а29 и др.; б/гр. Похв.Дм.Солун. (Климент Охридского?)
 доброчѣстне – Супр 217,13.

θεοσέβεια

богочѣстне – 1Тим 2:10 Христ, Слепч, Шиш; НомУст 31а 20;
 Супр 98,16; Супр 324,25–26; Хил 2бѣ 22–23; Изб.1073 47а12–
 13; Изб.1073 192с4; б/гр. – Супр 559,5; Супр 559,8; 560,20;
 Сл.Захар. (Климент Охридского?).
 благочѣстне – 1Тим 2:10 Мат; ГомВейк 109,10–11.

Благодаря такой презентации материала «от греческой лексемы к старославянской» по памятникам древнеславянской письменности

(далеко еще не полной!) мы можем видеть приоритеты выбора способов номинации, свойственные славянским книжникам на разных этапах становления старославянского лексического фонда, вскрывать механизмы номинации в процессах перевода и последующего редактирования текстов и тем самым выявлять номинационную стратегию славянских книжников. На начальном этапе приоритет выбора имеет «простое» славянское слово (*simplex*), которое используется путем приближения семантического объема славянского слова к семантическому объему греческого слова при наличии общих сем в их значениях: *благъ, вѣрънъ, говѣннъ, ѣсть, добрость, сзмзислз, говѣннѣ*. По мере становления старославянского лексикона приоритетом становится стремление к морфологической точности перевода. Появляются кальки греческих композитов, в большей или меньшей мере отражающие их морфологическую и семантическую структуру и характеризующие узус книжников Преславской и Охридской школы письменности (последний изучен значительно хуже, см. ниже). В Слове на вербное воскресенье в Клоцовом сборнике перевод *μετὰ τῆς εὐσεβείας* сохраняется как *сз ѣстыѣ* (Клоц 1а25–26), тогда как в Супрасльской рукописи уже видим кальку композита (*сз благоѣстннмъ*). В качестве первого компонента в композитах вместо благо- появляется добро-: *доброговѣннъ, добровѣрънъ, доброѣстынъ, доброѣстнвъ, доброѣстнѣ*. Очевидными становятся более поздние инновации в евангельском и апостольском тексте⁷. Явную инновацию видим в Ассеманиевом евангелии в Л 2:25 при переводе *εὐλαβῆς* (вар. *εὐσεβῆς*) как *богоѣстнвъ*, так как в большинстве старших списков Евангелия в Л 2:25 сохранился перевод *ѣстнвъ* (ср.: *ι ἴκκз сз правзденъ н ѣстнвъ*. Мар, Сав, Остр, Добр, Добрм, Бан, Врач и др. – *ѣстнвъ* в Зогр). В Деян 2:5 перевод *εὐλαβῆς* в списке Апостола Гильфердинга сохраняется как *говѣннъ*, тогда как Охридском и Струмицком списке видим композит *благовѣрънъ*, в Шишатовском – *благоговѣннъ*. Видим также

⁷ Тут следует учитывать, что текст Апостола известен нам в основном по более поздним спискам (начиная с XII в.): в «старославянский канон» входят лишь несколько перекоп в составе Синайского евология (главным образом, в «новой» его части, найденной в 1975 г. на Синае) и очень плохо сохранившаяся (расчитанная фактически лишь в небольших отрывках) рукопись Енинского апостола (список скорее начала XII, чем XI в.).

характерные для языка преславских книжников морфологические черты – суффикс *-iv-* прилагательных, суффикс *-ě-* у наречий. Видны «синонимические перекрещивания» слов, а также употребления их в самостоятельных (т. е. не переводных) произведениях и самостоятельных вставках при отсутствии греческого текста в оригинале, свидетельствующие об «укоренении» слов в старославянском лексиконе. Результаты применения данного метода сопоставления греческой и старославянской лексики не противоречат прежним наблюдениям палеославистов, но значительно расширяют конкретный материал и уточняют наши представления о путях формирования старославянского лексикона, проясняют пути вхождения в него каждого слова.

В настоящей монографии данные, полученные благодаря применению метода «от греческой лексемы к старославянской» и которыми мы оперируем в следующих главах, базируются, главным образом, на материалах, собранных самим автором, однако по мере выхода в Праге Греческо-старославянского индекса (*R.-St. Index*), издаваемого Отделом палеославистики и византинологии Славянского института АН ЧР, этот метод будет все более доступен палеославистам⁸.

Применение метода исследования «от греческой лексемы к старославянской» открывает дорогу изучению старославянской лексики в тезаурусных греческо-старославянских группах. Этот метод был нами описан в статье, опубликованной в 2014 г. (Ефимова 2014), и применен на практике при изучении старославянских наименований лиц (Ефимова 2011а: 126–196), но он может быть использован при исследовании и других сегментов старославянского лексикона. Тезаурусный принцип группировки старославянской лексики впервые был предложен Т. И. Вендиной в монографии 2002 г., в которой по словнику Словаря 1994 г., содержащему лексику старославянского канона, автор сформировала группы наименований лиц с целью изучения мотивированной лексики (т. е. лексики, производной на уровне старославянского языка) (Вендина 2002). Предложенный нами метод

⁸ Обладая не только старославянской, но и греческо-старославянской картотекой, сотрудники Отдела палеославистики и византинологии Славянского института АН ЧР фактически уже давно использовали в своей практической работе такой путь подбора синонимов в словарных статьях SJS.

изучения старославянской лексики внутри тезаурусных греческо-старославянских групп преследует другие цели и, соответственно, использует другие принципы исследования. Целью применения данного метода является объяснение номинационной стратегии славянских книжников, т. е. объяснение приоритетов выбора книжниками способов номинации, поэтому анализу подвергается в равной мере и старославянский, и греческий материал. Тезаурусные группы формируются из синонимичных и близких по значению старославянских и греческих слов, в них включаются как греческие соответствия старославянских слов, так и старославянские соответствия греческих слов. В результате в одной тезаурусной греческо-старославянской группе оказываются синонимичные и близкие по значению старославянские и греческие слова разной формальной и семантической структуры, разного происхождения, разной частотности в текстах, вошедшие в старославянский лексический инвентарь при разных обстоятельствах.

Взаимоотношения между лексемами в разных тезаурусных группах оказываются разными. Например, в группе наименований «властвующих и управляющих» наблюдается преобладание «старых», почерпнутых из народной славянской речи, лексем (владыка, кзньсь, цѣсарѣ, воєвода), каждая из которых используется для перевода целого ряда греческих лексем и демонстрирует высокую частотность. Много и новообразований, некоторые из которых вошли в старославянский лексический инвентарь уже при переводе Евангелия и были созданы, видимо, самими переводчиками (т. е. свв. Кириллом и Мефодием). Другие новообразования появляются несколько позже и обязаны своим существованием, возможно, словотворчеству преславских книжников. Однако новообразования по большей части малочастотны.

Так, слово владыка используется для перевода целого ряда греческих слов разной морфемной структуры и разных – хотя и близких – значений: ἡγεμῶν, δεσπότης, ἡγουμένος, κρατῶν; для перевода также целого ряда греческих слов используется «старый» германизм кзньсь: ἄρχων, βασιλεύς, ἡγεμῶν, τύραννος, μεγιστάν, κόμης, а «старый» латинизм цѣсарѣ в более общем значении ‘правитель, владыка’ переводит греческие ἄρχων, βασιλεύς, κύριος, при номинации же кесаря, римского императора – καῖσαρ, βασιλεύς, αὐτοκράτωρ, δεσπότης, τύραννος. Эти, почерпнутые из народной речи, наименования – владыка, кзньсь,

цѣсарѣ – употребляются и в переводе Евангелия (в том числе уже и Евангелия-апракоса), и в переводе Псалтыри. В переводе Евангелия-тетра появляется сложение праславянского происхождения *воєвода*, которое в старославянских текстах выступает чаще в своем вторичном значении ‘правитель, владыка’ при передаче греческих *ἡγεμών, ἡγούμενος, ἄρχων, στρατηγός*. Слова *владыка, князь, цѣсарѣ, воєвода* высокочастотны, в то время как их синоним *властель* употребляется крайне мало, хотя, видимо, это – одна из немногих старославянских лексем с суффиксом *-tel'(ь)*, относящихся к праславянскому лексическому фонду.

Высокочастотны также архаичное сложение *господь*, которое в некоторых случаях имеет значение ‘господин, хозяин’, и образованное от него с суффиксом *-in(ь)* сущ. *господннз*. Эти слова переводят ряд греческих лексем – *κύριος, δεσπότης, οἰκοδεσπότης* – с разными оттенками в значениях. Также целый ряд греческих слов с разными оттенками значений и различной морфемной структуры – *ὁ πρῶτος, ὁ προεστῶς, ἄρχων, ἀρχηγός, ἀφηγούμενος* – переводит «старое» существительное с суффиксом *-in(a)* *старѣншна*, образованное от основы косвенных падежей компаратива *старѣн*.

Гораздо менее частотными оказываются в этой тезаурусной группе наименования лиц с продуктивными суффиксами *-ьnik(ь)* и *-tel'(ь)*: *прнставьннкз* (*ἐπίτροπος, οἰκονόμος*), *сзвѣтъннкз* ‘член Совета’ (*βουλευτής*), *стронтеѣль* (*κηδεμών, οἰκονόμος*) в значении ‘управитель’, а также *мжчнтель*, которое вошло в старославянский лексический инвентарь при переводе Евангелия как словообразовательно мотивированное в значении ‘мучитель, палач’ (для передачи греч. *βασανιστής*), но в относительно более поздних переводах могло приобретать (переносное) значение ‘владыка, властелин’ при переводе *ἡγεμών* или *τύραννος*. Еще менее частотны кальки с греческого – двукорневые композиты, хотя по количеству лексем они занимают в этой группе значительное место: *мнродръжнтель* (*κοσμοκράτωρ*), *самовластьць* (*αὐτοκράτωρ*), *самодръжнтель* (*αὐτοκράτωρ*), *самодръжьць* (*αὐτοκράτωρ*), *четвертьо-властѣннкз* (*τετραάρχης*), *четвертьовластьць* (*τετραάρχης*).

Слова *прнставьннкз* (*ἐπίτροπος, οἰκονόμος*) и *сзвѣтъннкз* (*βουλευτής*) вошли в старославянский лексический инвентарь уже при переводе Евангелия и, возможно, образованы самими переводчиками (т. е. свв. Кириллом и Мефодием), хотя и не являются кальками с греческого, так

как их морфемно-семантическая структура не аналогична структурам их греческих соответствий. Не аналогична морфемно-семантическая структура структурам греческих соответствий и у слова *στροντέλ* (*κηδεμών, οἰκονόμος*), хотя оно тоже могло быть новообразованием, но, видимо, несколько более поздним – возможно, преславских книжников, так как появляется в Супрасльской рукописи и других произведениях, связанных с Преславской школой.

Относительно высокую частотность демонстрируют два книжных грецизма *нгѣмонз* (*ἡγεμών*) и *нгоуменз* (*ἡγούμενος*), хотя вообще грецизмы в этой тезаурусной группе малочастотны. Представлены они, главным образом, наименованиями имперских чиновников разных рангов: *тетрархз/тетраархз* (*τετραάρχης*), *антнпатз* (*ἀνθύπατος*), *комнсз* (*κόμης*), *антнграфенсз* (*ἀντιγραφεύς*), *доместнкз* (*δομέστικος*), *магнстрнннз* (*μαγιστριανός*), *палатнн* и *палатннз* (*παλατῖνος*).

С другой стороны, греч. *ἡγεμών* переводится не только словом праславянского происхождения *владзика*, но и другими словами разной морфемной структуры и разного происхождения: словами праславянского происхождения *воевода* и *вождь* в значении ‘правитель, владыка’, «старым» германизмом *кзнась*, грецизмом *нгѣмонз*, словом с продуктивным суффиксом *-tel'(b)* *мжчнтелъ*, созданным, возможно, самими переводчиками Евангелия. Греч. *δεσπότης* переводится не только словом *владзика*, но и другими словами праславянского происхождения: *господь*, *господннз*, *творць*; *Gen. τοῦ δεσπότηου* переводится образованным от *властелъ* прилагательным *властельскз*. Переводится греч. *δεσπότης* также и словом с продуктивным суффиксом *-tel'(b)* *знжднтелъ* (Супр 484,27), созданным, возможно, самими книжниками. Греческое соответствие слова *владзика* *ἡγούμενος* передается не только им, но и «старым» сложением *воевода*, и грецизмом *нгоуменз*. И т. д.

Мы видим в этой тезаурусной группе и конкуренцию разных способов номинации, отраженной в конкуренции словоупотреблений. Грецизмы составляют конкуренцию – хотя и слабую – «старым» лексемам, почерпнутым из народной речи: *ἡγεμών* переводится как *владзика*, *воевода*, *вождь*, *кзнась*, но также и грецизмом *нгѣмонз*; грецизм *нгоуменз* конкурирует в передаче греч. *ἡγούμενος* со «старыми» лексемами *владзика* и *воевода*. Кальки с греческого *четврѣтовластьннкз* и *четврѣтовластьць* конкурируют с грецизмом *тетрархз/тетраархз*. Кальки с греч. *αὐτοκράτωρ* *самовластьць*, *самодръжнтелъ*, *самодръжьць*

конкурируют между собой и со «старым» латинизмом *цѣсарѣ*. Со «старыми» лексемами конкурируют новообразования: греч. *δεσπότης* передается как «старым» *творѣць*, так и новым *знжднтѣль*. Более позднее новообразование *стронтеѣль* конкурирует в передаче греч. *οἰκονόμος* с новообразованием *прнстваьнкъ*.

Вывод из анализа взаимоотношений слов в этой тезаурусной группе выглядит довольно неожиданным: наряду с тенденцией к созданию новой лексики у переводчиков было явное стремление обходиться – там, где это было уместно – лексикой «старой». «Старые» слова не только более частотны (причем в значительной степени), но и используются, как правило, для передачи нескольких греческих соответствий, т. е. используется широкий семантический спектр «старых» слов, почерпнутых книжниками из народной славянской речи (Ефимова 2014: 413–416).

Номинационная стратегия славянских книжников – один из основных объектов исследования в настоящей монографии, и в следующих главах, посвященных конкретным способам пополнения старославянского лексического фонда, мы стараемся выявлять влияние номинационной стратегии свв. Кирилла и Мефодия, их учеников и последователей на его формирование. Поставив перед собой задачу перевода на славянский язык Св. Писания и других произведений, созданных на богатейшем греческом литературном языке эпохи Византийской империи, наши первые славянские переводчики столкнулись с необходимостью разработки определенных принципов перевода. Из двух солунских братьев «лингвистическим лидером» принято считать св. Кирилла (хотя, конечно, его старший брат Мефодий должен был по меньшей мере разделять взгляды и идеи младшего брата), поэтому далее в монографии мы будем говорить условно о «переводческих установках св. Кирилла». Исследованию переводческих установок св. Кирилла особенно много внимания уделил в свое время Е. М. Верещагин (Верещагин 1971; Верещагин 1972; Верещагин 1997; Верещагин 2001; Верещагин 2012 и др.), на некоторых переводческих установках св. Кирилла остановимся и мы в следующих главах монографии. Забегая немного вперед скажем, что, стараясь рассматривать номинационную стратегию славянских книжников в динамике, мы начинаем выявление переводческих установок св. Кирилла

в области номинации по первым переводам (евангельский текст и текст Псалтыри) и прослеживаем затем по несколько более поздним переводам следование этим установкам, их трансформацию или выбор других приоритетов учениками и последователями солунских братьев.

Для перевода с греческого языка на славянский сначала самых нужных для богослужения текстов, а затем и текстов разных жанров требовались равноценные греческим языковые средства, и в первую очередь лексический инвентарь. Очевидно (и конкретные материалы в следующих главах это наглядно демонстрируют и подтверждают), что народная славянская речь того времени не располагала инвентарем лексем, соответствующим богатству лексического инвентаря греческого языка переводимых оригиналов: и славянский дискурс был далек от разработанного лексикона, присущего литературным языкам, и даже многие предметы, понятия и явления (то есть денотаты греческих лексем) не были известны или были мало известны славянам того времени. Как показывает материал следующих глав, свв. Кирилл и Мефодий, а затем и их ученики и последователи решали задачу формирования старославянского лексического инвентаря следующими путями: 1) использовались слова народной славянской речи; 2) оставалось непереуведенным некоторое количество грецизмов (которые, однако, довольно быстро подвергались фонетической и морфологической адаптации); 3) масса слов создавалась самими переводчиками и редакторами славянских переводов⁹. Как видим, лексический инвентарь старославянского языка имел два основных источника: народную славянскую речь того времени и словотворчество самих книжников.

Таким образом, для выявления номинационной стратегии славянских книжников необходимо прежде всего разграничить старославянский лексический фонд на старую славянскую лексику, почерпнутую книжниками из народной славянской речи того времени, и новую старославянскую лексику, которую создавали сами книжники

⁹ Укажем также на некоторые предыдущие наши исследования, выявляющие эти основные пути формирования старославянского лексического фонда: Ефимова 2007: 196–244; Ефимова 2009: 349–35; Ефимова 2011а; Ефимова 2012.

в процессе переводов – главным образом, с греческого и отчасти латинского языка. Вместе с тем такое разграничение старославянского лексического фонда связано с немалыми проблемами, рассмотрению которых посвящен ряд наших статей (Ефимова 2009: 349–356; Ефимова 2013: 29–42; Ефимова 2014а: 187–196).

К слою старой славянской лексики в старославянском лексическом фонде мы относим лексические единицы, взятые книжниками в старославянский инвентарь из народной славянской речи того времени «в готовом виде». Исследователь должен выявить в старославянском лексиконе этот пласт лексики, отделив ее от книжной. Трудность такого разделения лексики на народную и книжную обусловлена тем, что книжники, создавая новые слова, использовали старые славянские словообразовательные модели, и по большей части эти новообразования хорошо словообразовательно мотивированы на славянской почве. Идентификация конкретной лексемы с морфемной структурой, состоящей из славянского «строительного материала», представляет собой каждый раз задачу разной степени сложности, решение которой требует иногда учета многих факторов.

Относительно легко идентифицируются как относящиеся к слою старой славянской лексики в старославянском лексическом фонде слова, чья морфемная структура указывает на их *п р а с л а в я н с к у ю* *д р е в н о с т ь*. Прежде всего это слова, непроемные на уровне старославянского языка (т. е. на уровне старославянского языка не выделяющие ни суффиксов, ни префиксов, и, следовательно, для старославянского языка словообразовательно немотивированные, «первообразные»). Начиная с самых первых переводов такие слова широко использовались книжниками и для конкретных предметных номинаций в обыденной сфере, и для абстрактных номинаций, и для номинаций лиц. Например, для предметных номинаций: *ἡ οἰκία* – домъ (Мт 8:14 Зогр, Мар, Ас, Сав; Пс 100:7 Син – ЭССЯ 5: 73), *τὸ σῆμα* – дна (Мк 2:21 Зогр, Мар – ЭССЯ 5: 31, 218), *ὁ ἀσκός* – мѣхъ (Мк 2:22 Зогр, Мар; Пс 32:7 Син – ЭССЯ 18: 158), *τὸ ἄλευρον* – мѣка (Л 13:21 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр – ЭССЯ 20: 136) и мн. др.; для абстрактных номинаций: *ἡ ἀνάγκη* – бѣда (Л 21:23 Зогр, Мар; Пс 24:17 – ЭССЯ 2:54–55), *ἡ αἰτία* – вна (И 18:38 Зогр, Мар, Ас, Сав – ESJS 18: 1062–1063), *ὁ λοιμός* – моръ (Л 21:11 Зогр, Мар – ЭССЯ 19: 251), *ἡ κόλασις* – мѣка Мт 25:46 Зогр, Мар, Ас, Сав – ЭССЯ 20: 138),

и мн. др.; для номинаций лиц: *κωφός* – *глогхз(зин)* (Мк 7:37 Зогр, Мар, Ас, Сав – ЭССЯ 6: 146–147), *ἄλαλος* – *нѣмз(зин)* (Мк 7:37 Зогр, Мар, Ас, Сав, Боян – ЭССЯ 25: 101–102), *τυφλός* – *слѣпз(зин)* (Мт 11:5 Зогр, Мар, Ас, Остр – ESJS 14: 837), *ὀρφανός* – *снрз(зин)* (Пс 9:35 – ESJS 14: 818), *ξηρός* – *соухз(зин)* ‘калека, имеющий омертвевшую часть тела’ (И 5:3 Зогр, Мар, Ас – ESJS 15: 900), и мн. др. В некоторых случаях такие слова все еще членимы, но значение аффиксов уже затемнено. Например: *ὁ ἄνεμος* – *вѣтрз* (Мт 14:30 Зогр, Мар, Ас, Сав; Пс 1:4; Пс 17:43 – ESJS 17: 1056), *τὸ ἄριστον* – *овѣдз* (Мт 22:4 Мар, Ас, Ват, Остр – ЭССЯ 26: 183), *ἡ ἐκδίκησις* – *мьсть* Л 18:7 Зогр, Мар, Ас, Сав; Пс 93:1 – ЭССЯ 21: 173), и мн. др.

В глубокую праславянскую (и индоевропейскую) древность уходит корнями способ номинации предмета по его характерному и постоянному признаку. Отсюда в старославянском лексическом фонде достаточно много слов, используемых в старославянских текстах и в качестве прилагательных, и в качестве существительных – таких, по выражению Р. Ласса, «messages from the past» (Lass 1997: 14). Например, *снрз(зин)* встречается и в значении ‘сирота’ (Пс 67:6 Син), и в значении ‘пустой, лишенный смысла’ (Супр 335,22); *злз(зин)* – и в значении ‘плохой, дурной’ (Мт 12:35), и в значении ‘плохой человек’ (Мт 5:45), а в форме ср. р. ед. и мн. ч. *злз*, *злзѧ* также и в значении ‘зло, злое дело’ (Мт 5:39; Мт 12:35; Пс 20:12), и т. д. и т. п. Ср:

Пс 67:5: *ταραχθήσονται ἀπὸ προσώπου αὐτοῦ τοῦ πατρὸς τῶν ὀρφανῶν καὶ κριτοῦ τῶν χηρῶν*¹⁰

– *сѣмѣтѣтѣ сѧ отъ лица его . ѿца снрзѣкѣ . " сѣдыѧ въдовнѣ . Син.*

Супр 335,22: *Ὅντως ἡ συναγωγὴ ὑμῶν ἄνθρωπος καὶ ἐπ' ὀρφαναῖς ταῖς λέξεσιν ἀφρόνως μόνη καθημένη.*

– *по нстннѣ сѣбравшзѣ (вм. сѣборзѣ вашѣ) . без мѣжства . н вѣ снрѣкѣ словесекѣ без оума ѣдннѣ . ;*

Мт 12:35: *καὶ ὁ πονηρὸς ἄνθρωπος ἐκ τοῦ πονηροῦ θησαυροῦ ἐκβάλλει πονηρά.*

– *ѣ злзѣ ѣкѣ отъ злзѧаго сѣкровншта ѣзноснтѣ злзѧѣ . Зогр, Мар, Ас, Остр;*

¹⁰ Греческий текст здесь и далее дается по изданиям: Robinson, Pierpont 2005; Merk 1984; Rahlfs 1952; PG; Заимов, Капалдо 1982–1983; Frček 1933–1939; Симеонов сборник 2015; Минчева 1978; Aitzetmüller 1958–1971; *Μηναῖα* 1888.

Мт 5:39: ἐγὼ δὲ λέγω ὑμῖν μὴ ἀντιστῆναι τῷ πονηρῷ.
– azz ГЛѢ ВМЗВ . НЕ ПРОТНВНТН СѦ ЗЗЛОУ . Зогр, Мар;

Пс 20:12: ὅτι ἔκλιναν εἰς σὲ κακά
– оуклоннша на тя ззлаѣ . Син.

На праславянскую древность слова указывает также наличие в его морфемной структуре непродуктивных и малопродуктивных аффиксов¹¹, так как славянские книжники, создавая новую лексику, использовали определенные суффиксы, которые благодаря этому стали в старославянском языке продуктивными – и это будет продемонстрировано в следующих главах. Слова с непродуктивными и малопродуктивными аффиксами также широко использовались книжниками и для конкретных предметных номинаций в обыденной сфере, и для абстрактных номинаций, и для номинаций лиц. Например, для предметных номинаций: ἡ κολυμβήθρα – кпль (И 5:7 Зогр, Мар, Ас) с суф. *-ěľь*, ἡ πίστις – масть (Пс 62:6) с суф. *-ть*, ἡ νομή – пажнь (Пс 73:1) с префиксом *pa-* и суф. *-ть*, и мн. др.; для абстрактных номинаций: ὁ πόλεμος – брань (Мк 13:7) с суф. *-нь*, ἡ ἀπώλεια – гзыбъль (Мт 26:8 Зогр, Мар, Ас, Сав) с суф. *-ěľь*, ἡ δικαιοσύνη – правъда (Мт 6:33 Зогр, Мар, Ас, Сав) с суф. *-ьda*, и мн. др.; для номинаций лиц: ὁ ἡγεμών – владзика (Мт 10:18 Зогр, Мар, Ас) с суф. *-yka* (ESJS 18: 1066–1067), ὁ κριτής – ждн(н) (Л 18:2 Зогр, Мар, Ас, Сав; Пс 74:8) с суф. *-ьji*, ὁ μεσίτης – ходатан (Супр 358,30) с суф. *-ataj(ь)*, и мн. др.

Одним из критериев, говорящих в пользу принадлежности слова к слою старой славянской лексики, почерпнутой книжниками из народной славянской речи, можно считать характер денотата слова: старые славянские слова по большей части номинируют понятия, явления, предметы и их свойства, знакомые славянам по их обыденной жизни. Однако этот критерий не абсолютен: как мы уже неоднократно старались показать в своих работах, под влиянием языка греческих оригиналов славянские книжники создавали новые книжные слова также и для описания бытовых ситуаций, для номинации земледельцев, жнецов, пастухов, охотников и рыболовов (Ефимова

¹¹ О словах с непродуктивными и малопродуктивными аффиксами в старославянском лексическом фонде см. (Ефимова 2006: 170–182; 184–186; 293–297).

2012а: 147–149; Ефимова 2014а: 187–196). Таким образом, в старославянских текстах можно видеть номинации, «скроенные» под влиянием своих греческих соответствий: сущ. *θεριστής* (с суффиксом *-της*) → *жытєѣ* и *жытєѣннѣ*, а субстантивированное причастие *ὁ θερίζων* → *жынян*; *ποιμήν* передавалось словами *пастырь* или *пастухъ* праславянского происхождения, в то время как субстантивированные причастия *ὁ βόσκων* и *ὁ ποιμαίνων* → *пасын*; сущ. *ἄλιεύς* передавалось существительными *рыбарь*, *рыбнѣз* и *ловыць*, в то время как субстантивированные причастия *ὁ ἀλιεύων* и *ὁ θηρεύων* → *лован*, а *ὁ θηρεύσας* → *оуловѣн*.

Безусловно к старой славянской лексике относится ряд композитов, уже нечленимых на уровне старославянского языка, словообразовательно немотивированных, типа *чловѣкъ*, *потыпѣга*, *господь*. К старым, хотя и прозрачным с словообразовательной точки зрения композитам дописьменной эпохи обычно относят и такие, как *братоучадъ* ‘племянник’, *воевода* ‘правитель, владыка’ (первоначально ‘полководец’), *лѣторасъ* ‘побег, отросток’, *лнстопадъ* ‘месяц октябрь’ (Bláhová 1996: 262). Старые композиты дописьменной эпохи в старославянском лексическом фонде весьма немногочисленны, и для них характерно отсутствие в морфемной структуре продуктивных суффиксов¹². Как будет показано в Главе III, при образовании новых композитов переводческая установка св. Кирилла была на использование суффиксации продуктивными суффиксами, указывающими на частеречную принадлежность композита адъективам либо субстантивам. Композиты же, относящиеся к слою старой славянской лексики, не демонстрируют использования суффиксации в словообразовательной процедуре. Те из них, которые образованы по базовой структурной модели [основа-слово (simplex)], могут вычленять в своей морфемной структуре малопродуктивные суффиксы (например, *лѣторасъ*) или суффиксы, являющиеся таковыми только с этимологической точки зрения (например, *масопоустъ* – ESJS 12: 735), но эти суффиксы принадлежат готовому второму компоненту композита.

¹² В недавней статье С. М. Толстой приведен исчерпывающий список сложных слов в словнике ЭССЯ (включая 41-й том), который показывает, что отсутствие использования суффиксации в процедуре сложения было вообще характерно для праславянского сложения (Толстая (в печати)).

Тем не менее, отсутствие суффиксации само по себе еще не может служить основанием для отнесения старославянского композита к слою старой славянской лексики. Хотя основной переводческой установкой св. Кирилла при создании новых композитов и было применение суффиксации продуктивными суффиксами, но и сам св. Кирилл, и его ученики и последователи использовали также и старые, в том числе архаичные, славянские модели. Таким образом, по образцу старого *лѣторасъ* (переводит греч. *βλαστός, βλάστημα, κλάδος* в Быт 49:9 Григ, Зах; Супр 300,20–21; Супр 321,15; и др. – модель [StN-cop-N]¹³) образуется с тем же вторым компонентом *новорасъ* (Пс 127:3 – модель [StA-cop-N]), калька с греч. *νεόφυτον*. По образцу старого *прѣлюбоудѣн* (модель [StN-cop-StV])¹⁴ с тем же вторым компонентом образуются композит *ззлоудѣн* (модель [StA-cop-StV]) – калька либо с греч. *κακοῦργος* в Л 23:32, Л 23:33, либо с греч. *κακοποιός* в И 18:30¹⁵, а также *добродѣн* (модель [StA-cop-StV]), калька с греч. *ἀγαθοποιός* в 1Пет 2:14, и др.

Показательно, что Р. М. Цейтлин, как опытный лексиколог старославянского языка хорошо представлявшая себе основные тенденции формирования его лексического инвентаря, относила к «старым славянским сложениям» бессуффиксальные композиты *златоустъ, нночадъ, маловѣръ, невѣгласъ, подовьнзвѣръ, простовласъ, соухорѣкъ, тажжкосръдъ, коудоснаъ, коудоумъ, четвѣрногъ, богомѣдръ, вельлѣпъ,*

¹³ В формулах здесь и далее используем обычные обозначения: А – адъектив, N – имя (субстантив), V – глагол, Adv – адverb, Part – причастие, St – основа, Suf – суффикс, Fl – флексия, cop – соединительный элемент.

¹⁴ Слово *прѣлюбоудѣн* может употребляться и в качестве прилагательного, и в качестве существительного: переводит греч. *μοιχαλῖς* в качестве прилагательного в Мт 16:4, Мк 8:38; греч. *μοιχός* в качестве существительного в Л 18:11; Пс 49:18.

¹⁵ Р. М. Цейтлин причисляла *ззлоудѣн* к исконным славянским словам (Цейтлин 1977: 248). Э. Благова, однако, считала его калькой с греч. *κακοποιός* или *κακοῦργος*, вошедшей в старославянский лексический инвентарь на самом раннем этапе его формирования, при переводе Евангелия-апракоса (Bláhová 1996: 269). В свое время в приватной беседе А. Ф. Журавлев поддержал точку зрения Р. М. Цейтлин, но более убедительным нам представляется мнение Э. Благовой.

взторопръвъз, любонншь, тръсватъ (Цейтлин 1977: 280). Однако старыми славянскими сложениями в этом перечне являются только невѣгласъ, соухорѣкъз, коудосназ, коудоумз и, возможно, простовласъ, что нам уже приходилось отмечать. Остальные композиты этого перечня, судя и как по соответствию семантики их корней семантике корней греческих соответствий, так и по их общим значениям, относящимся к сфере понятий христианской веры, следует считать кальками с греческого, образованными книжниками по архаичным славянским моделям. Ср.: златооустъ – χρυσόστομος, нноуѣдъз – μονογενής, маловѣръз – ὀλιγόπιστος, подобьнзвѣръз – ἀξίόπιστος, тажькосерѣдъз – βαρυκάρδιος, четвѣрногъз – τετράπους, богомѣдръз – θεόσοφος, вельѣпъз – μεγαλοπρεπής, взторопръвъз – δευτερόπρωτος, любонншь – φιλόπτωχος, тръсватъ – τρισάγιος (Ефимова 2013: 33–35).

Относящейся к слою старой славянской лексики в старославянском лексическом фонде мы считаем не только славянскую лексику славянских диалектов, но также и старые заимствования, проникшие в славянскую речь до эпохи кирилло-мефодиевских переводов: заимствованные устным путем грецизмы типа сѣбота (ESJS 14: 859–860), старые латинизмы типа цѣсарь (ESJS 2: 93), старые германизмы типа мѣто (ESJS 9: 510), заимствованные целым словом из древнебулгарского тюркизмы типа самзунн (ESJS 13: 793). Проблеме выявления старых заимствований в старославянском лексиконе было посвящено довольно много работ. В последние годы интерес к латинским, романским, германским заимствованиям и калькам (главным образом, семантическим)¹⁶ возрос в связи с активным продвижением, особенно в работах А. М. Пентковского (Пентковский 2014; Пентковский 2015; Пентковский 2016; Пентковский 2019), гипотезы о совершении богослужения в архиепископии Мефодия по латинскому обряду. Гипотеза, однако, не выглядит правдоподобной (Турилов 2015: 134–135). Во всяком случае, совсем неправдоподобным выглядит предположение о таких заимствованиях и калькированиях в процессе самих (кирилло)-мефодиевских переводов, совершаемых, якобы, соратниками Мефодия

¹⁶ Список таких – как давно установленных, так и предполагаемых – заимствований и калек, относящихся к пласту древнейшей славянской христианской терминологии, дан в работе Р. Н. Кривко (Кривко 2020: 68–76).

с латинского параллельно с переводами с греческого в моравский период становления старославянского языка. Представляется, что место в старославянском лексиконе таких заимствований и калек было точно определено А. Мейе в его высказывании по поводу гипотезы В. А. Погорелова о латинском влиянии на славянский перевод Евангелия (Погорелов 1925) уже почти сто лет тому назад: «En somme, il est facile de reconnaître des influences latines, et d'assez nombreuses et variées, sur le vocabulaire de l'Église slave. Mais ces influences avaient eu leur effet sur la langue même. Les traducteurs ne les manifestent que parce qu'ils ont utilisé la langue telle qu'ils la trouvaient. En traduisant, ils n'ont subi d'autre action que celle des originaux grecs qu'ils faisaient passer en slave» (Meillet 1926: 41)¹⁷.

Особенно много внимания всегда уделялось палеославистами изучению тюркизмов¹⁸. Наличие в тексте тюркизмов – как собственно тюркизмов, так и тюркизмов «словообразовательных», т. е. славянских образований с использованием тюркского по происхождению суффикса *-ъčij(i)/-bčij(i)*¹⁹ – обычно принято считать приметой деятельности преславских книжников²⁰. Уже в начале XX в. В. А. Погорелов

¹⁷ Современное представление о формировании в VIII – первой половине IX вв. самого раннего, «докирилломефодиевского», пласта древнейшей славянской христианской терминологии под влиянием средневековой латыни, др.-в.-нем. языка и романских идиомов, которое происходило не в процессе письменных переводов, а преимущественно в ходе устного контакта, дает обзор этого вопроса в недавней работе Р. Н. Кривко (Кривко 2020: 58–65).

¹⁸ Укажем на некоторые: Rusek, Raczewa 1980; Rusek 1991; Rusek, Raczewa 1991; Reinhart 1995; Rusek 1996; Делева 1997; Райнхарт 2006; Dybo 2010; Славова 2010: 112–125; 142–153; Дыбо 2011 и др.

¹⁹ Впервые, видимо, на тюркское происхождение суффикса *-ъčij(i)/-bčij(i)* как восходящего к тюркск. *-dži* указал В. И. Ягич, считавший его переосмысленным в народном сознании («volksetymologisch») как часть глагола *чи-нити* (Jagić 1898: 522). Эта гипотеза была затем поддержана многими палеославистами (Погорелов 1914: 12; Мейе 1951: 412; Vaillant 1974: 329 и др.).

²⁰ В опубликованной недавно обзорной статье о «преславских лексических маркерах» Я. Милтенова в качестве «преславских маркеров» также прежде всего указываются тюркизмы («заемки от езика на прабългарите» (Милтенов 2020: 68–69). Нельзя, разумеется, не принимать во внимание

в своем исследовании показал, что довольно широкое распространение слов «с окончанием *-чи*» в церковнославянских памятниках обязано протографам эпохи царя Симеона (Погорелов 1914: 13–16). Тюркизмы могли попадать в тексты как при осуществлении в Преславском книжном центре нового, самостоятельного перевода, так и при редактировании ранее переведенных текстов его книжниками. В последнем случае лексические замены в переведенных ранее текстах следует, видимо, рассматривать в рамках изучения общей тенденции корректировки старославянских переводов, обусловленной стремлением к возможно лучшему восприятию аудио- и видеокодов текстов слушателями (т. е. паствой) или читателями²¹. Очевидно, что в отличие от грецизмов, считавшихся преславскими книжниками непонятными реципиентам (слушателям или читателям – жителям Восточной Болгарии) словами, требующими замены, тюркизмы представлялись им словами народной речи²². Показательно, что тюркизмы вводились преславскими книжниками в тексты при наличии в старославянском лексическом фонде слов с тем же значением, вошедших в него в более ранних переводах и уже в нем «укорененных»: *кзынгъзунн* при наличии *кзынъжынкъ*²³, *самъзунн* при наличии *кзынасъ*, и т. п.

мнение Р. Станкова, высказанное им на конференции «Палеославистика: лексикология и лексикография. К 100-летию Р. М. Цейтлин. Москва, 6–7 октября 2020 г.», что тюркизмы (протоболгаризмы) не могут служить маркерами, так как были распространены не только в Северо-Восточной Болгарии, однако нельзя отрицать и того факта, что наличие тюркизмов заметно отличает тексты, надежно связанные с Преславской школой письменности. Конечно, вопрос остается открытым и требует серьезного изучения.

²¹ Корректировку гомилетических текстов с точки зрения обеспечения возможно лучшего восприятия их аудио- и видеокодов мы попытались рассмотреть в статье (Ефимова 2013а).

²² Отметим и мнение Р. М. Цейтлин о славянских образованиях с суффиксом *-ъčij(i)/-ьčij(i)*: «Есть основания полагать, что в язык СП (старославянских памятников. – В.Е.) эти слова вошли непосредственно из живой речи и связаны с восточнoболгарским ареалом» (Цейтлин 1977: 124).

²³ А. С. Львов, на основании того, что *кзынгъзунн* употребляется в Ассеманиевом евангелии, признавал его словом первоначального перевода (Львов 1966: 163–168; Львов 1971: 30–31) – вопреки мнению В. Ягича, считавшего,

Наибольшую трудность при разделении старославянского лексического фонда на старую славянскую и новую книжную лексику представляет идентификация по этому параметру слов с продуктивными аффиксами. Именно лексика с продуктивными аффиксами всегда была в центре внимания палеославистов-лексикологов: за последние десятилетия было издано и продолжает издаваться множество работ, посвященных как старославянской лексике с определенными продуктивными аффиксами, так и лексике с продуктивными аффиксами в каком-либо определенном произведении, созданном в эпоху старославянского языка (в последнем случае, главным образом, по более поздним спискам со старославянских протографов)²⁴. Однако, насколько нам известно, в этих работах никогда не ставился вопрос о разделении лексики с продуктивными аффиксами на старую славянскую, заимствованную книжниками из народной славянской речи, и новую, образованную самими книжниками по употребляющимся в народной речи того времени словообразовательным моделям. Все известные нам работы направлены, главным образом, на выяснение значений определенных аффиксов, классификацию слов с определенными аффиксами по разным параметрам (в основном, семантическим) и т. п., вследствие чего исследования не выходят за рамки словообразовательного анализа. Но для различения старой и новой старославянской лексики собственно словообразовательный анализ не может дать никаких результатов, так как в большинстве случаев новые слова, образованные самими книжниками, хорошо словообразовательно мотивированы на славянской почве. Р. Вечерка вообще считал, что однозначно отделить праславянский слой от собственно старославянских

напротив, что первоначальное в евангельском тексте слово *кзѣнѣнѣкъ* было очень рано заменено на *кзѣнѣѣнѣн* (Jagić 1913: 289). Очевидно, что, как мы уже отмечали в (Ефимова 2011а: 172–173), Львов не был прав: наличие слова *кзѣнѣѣнѣн* в Ассеманиевом евангелии хорошо объясняется как одна из правок евангельского текста преславскими книжниками и наблюдается в одном ряду с другими характерными для преславских книжников языковыми чертами в этом списке Евангелия (см. выше примечание 2).

²⁴ Укажем лишь на некоторые: Шатковски 1987; Прикрилова 1997; Příkrylová 2001; Андријевска 2003; Досева 2003; Поп-Атанасова, Костовска 2005; Досева 2012; Илиева 2012; Мострова 2012 и мн. др.

неологизмов среди дериватов с продуктивными словообразовательными аффиксами, невозможно: «Odlišit v derivátech tvořených produktivními odvozovacími afixy jednoznačně lexikální vrstvu praslovanskou od specificky staroslověnských neologismů však nelze» (Večerka 2006: 236). Однако разделение старославянского инвентаря на старые славянские слова и новые образования чрезвычайно важно не только для исследований старославянской лексики, но и для исторического языкознания вообще, поэтому перед старославянской лексикологией стоит задача поиска путей для осуществления такого разграничения.

Работа по идентификации лексики с продуктивными аффиксами как относящейся либо к старой славянской, либо к новой книжной помимо собственно словообразовательного анализа слов с определенными аффиксами требует также выполнения индивидуальных разысканий для каждого конкретного слова, включающих анализ соотношений значений слова со значениями его греческих соответствий, соотношений со славянскими синонимами, синонимами греческих соответствий, определение обстоятельств вхождения слова в старославянский лексический инвентарь. Последнее требует, как правило, кропотливого сопоставительного анализа текстов по более ранним и более поздним спискам в соотношении с греческими оригиналами. Материал следующих глав показывает, что свв. Кирилл и Мефодий и их ближайшие ученики, стремясь, несомненно, к созданию лексического инвентаря старославянского языка как языка литературного, намеренно использовали прием образования новых слов путем деривации из славянского «строительного материала» (корней и аффиксов как значащих частей слов). Такие новые слова были хотя и незнакомы реципиентам старославянских текстов (слушателей или читателей), но понятны им, а, как нам уже приходилось отмечать это и ранее, слова в текстах на первом славянском литературном языке по замыслу первых славянских переводчиков должны были быть понятны реципиентам, хотя в то же время иметь по возможности книжный вид, формируя «высокий регистр» языка (Ефимова 2012: 31–43; Ефимова 2014а: 187–196). При этом свв. Солунские братья, а затем и, следуя переводческим установкам св. Кирилла, их последователи использовали для образования новых слов определенные славянские аффиксы, в то время как другие славянские аффиксы по каким-то причинам ими не использовались. Некоторые из славянских аффиксов

именно благодаря этому стали в старославянском языке продуктивными, тогда как другие аффиксы оказались непродуктивными или малопродуктивными. Так, например, по каким-то причинам не использовался св. Кириллом и его ближайшими учениками для образования наименований лиц продуктивный в праславянском языке суффикс *-ць*. Не только не образовывались новые слова с этим суффиксом, но не использовались и уже существовавшие в праславянском лексиконе слова: из целого ряда праславянских наименований с суффиксом *-ць* **pogoniць*, **rodiць*, **vodiць*, **běgaць*, **jьgraць*, **kopaць*, **kovaць*, **тъkaць*, **vъraць*, указанных Ф. Славским (Sławski 1974: 102), в евангельском переводе встречается только *врачь* (возможно даже, что ко времени кирилло-мефодиевских переводов суффикс *-ць* в этом слове уже «стерся», т. е. не воспринимался как значащая часть слова). Однако в древнечешском переводе Библии находим старые славянские наименования лиц с суффиксом *-ць*: *dyelicz* в Дражд – *dělič* в Олом (Л 12:14 – ср. *дѣлантѣлѣ* в кирилло-мефодиевском переводе); *kopacz* в Дражд – *kopač* в Олом (Мк 12:1; Мк 12:2; Мк 12:7; Мк 12:9 – ср. *тажатеѣлѣ* в кирилло-мефодиевском переводе), *rofiewacz* в Дражд (Мт 13:3 – ср. *сѣян* в кирилло-мефодиевском переводе), *roffiewacz* в Дражд – *rozševač* в Олом (Мк 4:3 – ср. *сѣян* в кирилло-мефодиевском переводе)²⁵, и др. Не встречаются в евангельском переводе и наименования лиц с продуктивным в праславянском языке суффиксом *-(a)tajь*. Слова с суффиксами *-ць* и *-(a)tajь* «всплывают» иногда в несколько более поздних переводах и в более поздних списках со старославянских протографов, в последнем случае представляя собой, видимо, замены кирилло-мефодиевских слов на народные. Несколько слов с этими суффиксами встречаются в рукописях старославянского канона: в Супрасльской рукописи находим слово *кото́рнчь*²⁶, а также несколько слов с суффиксом *-(a)tajь* –

²⁵ Материал Драждянской (Дрезденской) и Оломоуцкой Библии берется по изданию: Staročeská bible Drážďanská a Olomoucká. I. Evangelia. Praha, 1981.

²⁶ Слово *кото́рнчь* переводит в Супрасльской рукописи форму компаратива *μαχιώτερος* в значении суперлатива (см. главу VI), употребленную субстантивно: *ἐφοβεῖτο γὰρ τοὺς τόπους ἐκείνους μαθὼν, ὅτι θρασύτεροι καὶ μαχιώτεροι τυγχάνουσιν ἐν αὐτοῖς.* – боѡше бо са тѣхъ мѣстъ слъшавъ ѡко

ходатан, нсходатан, поводатан, позоратан. Более частотное ходатан встречается также в Клоцовом сборнике и Синайском евхологии. Слово которнчъ обнаруживается также в Изборнике 1073 г. (Изб.1073 205b17), там же встречаем и слово зазорнчъ (Изб.1073 211a10–11); в списке XI в. 13 Слов Григория Богослова обнаруживается слово погоннчъ (Срезн II: 1015). Употребление слова погоннчъ в переводе книги Исход В. Желязкова связывает с деятельностью преславских книжников, для узуса которых было характерно употребление слов народной речи (Желязкова 2014). В Мстиславовом евангелии XI/XII в. видим замену кирилло-мефодиевского *вннаѣвъ* на *копачь*. Ср.:

Л 13:7: εἶπεν δὲ πρὸς τὸν ἀμπελουρῶν

– рече же кз *вннаѣвън* . Зоґр, Мар

– рече же кз *копачьмѣ* . Мст 88в 15.

С другой стороны, есть основания полагать, что суффикс *-tel'(ь)* обрел продуктивность в славянских языках благодаря деятельности славянских книжников в соответствии с переводческими установками св. Кирилла²⁷. В евангельском тексте кирилло-мефодиевского перевода уже употребляется 17 наименований лиц с суффикс *-tel'(ь)*. В рукописях же старославянского канона Р. М. Цейтлин насчитывала 72 слова с суффиксом *-tel'(ь)*, причем среди них 27 гапаксов (Цейтлин 1977: 105), т. е. количество слов с суффиксом *-tel'(ь)* многократно умножается в сравнении с количеством их в Евангелии. Учитывая то, что в современных болгарских говорах наименования с суффиксом *-tel* редки и появились там под влиянием литературного языка (Тетовска-Троева 1988: 115–116), невозможно предположить, что многочисленные в старославянских текстах наименования лиц с суффиксом *-tel'(ь)* в большей своей части были почерпнуты книжниками из народной славянской речи того времени. Очевидно, что уже

дръзн н *ко̀торнчн* сѣтъ въ ѿнхъ . Супр 46,16. Словари SJS и Словарь 1994 для *ко̀торнчъ* дают значение ‘сварливый’, не подходящее, однако, для этого контекста. Речь идет здесь, конечно, об обитающих в тех местах разбойниках (т. е. о людях «воинственных», а не «сварливых»).

²⁷ Ф. Славски приводит довольно большой перечень слов с суффиксом *-tel'(ь)* (Sławski 1976: 50–53), однако у нас как раз нет уверенности в том, что большая часть этих слов имеет праславянское, а не книжное происхождение.

в евангельском тексте слова с суффиксом *-tel'(ь)* (во всяком случае, большая их часть) появляются в соответствии с переводческими установками св. Кирилла: рассмотрение обстоятельств вхождения их в старославянский лексический инвентарь показывает, что для многих наименований, встречающихся уже в евангельском тексте, можно предполагать происхождение в результате словотворчества переводчиков. Это такие слова, как *крѣстнтелѣ*, *мѣштелѣ*, *жытелѣ* и *жытелѣнннѣ*, *свѣдѣтелѣ*, *дѣлнтелѣ*, *нскоуснтелѣ*, *прѣдѣтелѣ*, возможно, *дѣлателѣ* и даже, возможно, *роднтелѣ*, не говоря уже о снабженных этим суффиксом композитах – бесспорных кальках с греческого, которые могли быть созданы только самими переводчиками: *εὐεργέτης* – *благодѣтелѣ* (Л 22:25), *νομοδιδάσκαλος* – *законооучнтелѣ* (Л 5:17), *ψευδομαρτυς* – *лжесвѣдѣтелѣ* (Мт 19:18) (Ефимова 2011а: 63–72). Следовательно, есть основание считать, что суффикс *-tel'(ь)*, ограниченный, видимо, в своем распространении в народной речи того времени, стал в старославянском языке продуктивным благодаря авторитету евангельского текста.

Можно предполагать также, что уже на самом раннем этапе становления старославянского языка увеличил свою продуктивность и суффикс *-(ьн)ik(ь)*: согласно данным Р. М. Цейтлин, в евангельском переводе употребляется 38 слов с этим суффиксом, а в Супрасльской рукописи уже 78, причем 47 из них – гапаксы (Цейтлин 1977: 95). Косвенным подтверждением предположения о значительном увеличении продуктивности суффикса *-(ьн)ik(ь)* в результате деятельности свв. Кирилла и Мефодия и их ближайших учеников по переводу евангельского текста может служить, как кажется, сравнение лексики старославянского перевода Евангелия с выполненным с латинского языка древнечешским переводом. Сравнение старославянских и древнейших древнечешских списков – Драждянского (конца XIV в.) и Оломоуцкого (начала XV в.) – показывает, что на месте старославянских наименований лиц с суффиксами *-(ьн)ik(ь)* и *-tel'(ь)* в древнечешских списках использованы слова совсем иной морфемной структуры, причем среди последних часто видим старые славянские слова (Ефимова 2013: 38–40). Это говорит о том, что далеко не всегда новые слова создавались первыми славянскими переводчиками только для номинации предметов и понятий, неизвестных ранее славянскому населению, и хотя в распоряжении переводчиков во многих

случаях имелись слова с нужным значением в народной славянской речи, они считали необходимым создавать новые слова «высокого регистра», имеющие книжный вид.

Авторитет евангельского текста был велик, и потому нет ничего удивительного в том, что слова, созданные переводчиками Евангелия и вошедшие при его переводе в старославянский лексический инвентарь, «укоренялись» в нем и продолжали использоваться книжниками в других переводах. Однако, несмотря на это, некоторые образования с продуктивными суффиксами так и остались словами евангельского текста и практически не встречаются за его пределами, что, надо полагать, подтверждает их искусственное происхождение. Таковы, например, образованные с помощью суффикса *-bnik(ь)* наименования лиц *trъzъynkъz* и *pъnъajъynkъz* со значением 'меняла'. Оба этих слова редко используются за пределами евангельского текста, и даже в самом евангельском тексте наблюдается тенденция к их замене по спискам и при цитации (Ефимова 2011а: 177–179).

Говоря о принципах и методах исследования старославянского лексического фонда, невозможно обойти стороной проблему традиционного деления его на «охридизмы» и «преславизмы». Поскольку в списках библейских книг в одном и том же месте Евангелия, Псалтыри, Апостола, перикоп из Ветхого Завета могут употребляться синонимы, эти так называемые дублиеты сразу привлекли и продолжают привлекать к себе внимание палеославистов. С течением времени менялись вдохновляющие ученых цели их исследований, менялось представление об объекте исследований и, соответственно, менялась терминология, но основная идея деления старославянской лексики на первоначальную и более позднюю в зависимости от времени и места написания древних славянских рукописей, а также в зависимости от предполагаемого времени и места создания сохранившегося в них перевода, оставалась и остается до сих пор.

Первые попытки такого деления находим уже в штудиях П. Й. Шафарика. В работе 1858 г. «Über den Ursprung und die Heimat des Glagolitismus» Шафарик пытался доказать большую древность глаголических рукописей в сравнении с кириллическими на основании замен встречающихся в глаголических рукописях слов паннонского (по его мнению) происхождения другими словами в кириллических

списках (Шафарик 1861: 29). Что же касается принципа деления старославянской лексики на «охридизмы» и «преславизмы» в современном его понимании, то он, несомненно, восходит к трудам В. Ягича. К 1902 г. В. Ягичем был составлен знаменитый свод лексических дублетов, опубликованный в работе «Zum Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache» (Jagić 1902)²⁸. Ягича интересовали процессы, свидетельствующие о внутренней эволюции старославянского языка («церковнославянского» языка в его терминологии: «eine gewisse Evolution innerhalb der kirchenslavischen Sprache»), и потому он рассматривал дублеты с точки зрения, во-первых, характерности их для более ранних и более поздних памятников письменности или, во-вторых, в качестве синонимов «того же времени» («gleichzeitige Synonymen»). Возникновение вариантов более позднего времени объяснялось им стремлением частично к большей точности, частично к большей понятности языка («Varianten späterer Zeit, deren Auftreten zum Theil in dem Bestreben nach grösserer Genauigkeit, zum Theil aber auch in der dadurch erzielten grösserer Verständlichkeit seinen Erklärungsgrund findet»). И в последнем случае варианты могли иметь диалектное происхождение («Wo das letztere der Fall war, dort sollte man allerdings dem secund Ausdruck einen localen Hintergrund zuschreiben») (Jagić 1902: 68). Таким образом, появление слов «правого ряда» в своде дублетов рассматривалось Ягичем как результат стремления «zum Theil in dem Bestreben nach grösserer Genauigkeit, zum Theil aber auch in der dadurch erzielten grösserer Verständlichkeit», а использование диалектной лексики представляло собой лишь один из способов достижения этого «лучшего понимания». В полном согласии с мыслями Ягича мы полагаем, что лексические замены в богослужебных текстах (а также и в других ранних славянских переводах) следует рассматривать в рамках изучения общей тенденции корректировки старославянских переводов, объясняемой стремлением книжников к возможно лучшему восприятию аудио- и видеокодов текстов слушателями (т. е. паствой) или читателями – как это уже отмечалось нами выше по отношению к тюркизмам, представлявшихся книжникам словами народной речи (см. выше, с. 32).

²⁸ Эта работа более известна в расширенном и дополненном варианте издания 1913 г. (Jagić 1913).

Однако и современники Ягича, и последующие поколения палеославистов «подхватили» только часть позиции Ягича по этому вопросу, а именно его идею о возможном диалектном происхождении дублетов («вторых членов» синонимических пар). Современники Ягича руководствовались распространившимися в то время в среде российских ученых представлениями о том, что в Болгарии в конце IX – начале X вв. при дворе царя Симеона приближенными к нему книжниками была проведена редакция книг Св. Писания, связанная с созданием толковой версии. Слова же «правого ряда» в своде дублетов Ягича стали считаться лексическими приметами этой толковой редакции, а также и других переводов, предположительно осуществленных в Преславе при дворе царя Симеона. Так, например, изучив текст «Беседы» Пресвитера Козьмы, М. Г. Попруженко приходит к заключению, что «его (т. е. Козьмы Пресвитера. – В. Е.) цитаты из Св. Писания должны быть признаны в полной мере интересными, как указанный выше материал для детального определения и установления так называемой симеоновской редакции текста Св. Писания. С этой целью я привел выше из сочинения Козьмы весь запас цитат его из Св. Писания. Не сомневаясь, что он может быть использован при работах восстановления симеоновской редакции текста Св. Писания, я привожу из них ниже некоторые разночтения» (Попруженко 1911: 197). Особенно горячим сторонником гипотезы «симеоновской редакции» книг Св. Писания был В. А. Погорелов, который уже в работах 1901–1902 гг. на основании, главным образом, употребления в текстах определенной лексики пришел к выводу о проведении толковой редакции книг Св. Писания как части целенаправленного предприятия, к которому он относил также появление целого ряда переводов, в том числе и Слов Григория Богослова (указывая сп. XI в.), и Пандектов Антиоха, а также и Супрасльской рукописи, и Изборника 1073 г. (Погорелов 1901: XI–XXIX; Погорелов 1902: 20). Следует отметить все же, что основной целью фундаментальных трудов российских ученых конца XIX – начала XX вв. был поиск не «симеоновской редакции», а первоначальных кирилло-мефодиевских переводов, как бы вычленение их из текстов известных к тому времени рукописей (Евсеев 1897; Евсеев 1905; Михайлов 1908; Михайлов 1912).

Целью специальных исследований «симеоновская редакция» стала с конца 70-х годов XX в. Начало этим многочисленным трудам

положили статьи И. Добрева (Добрев 1978; Добрев 1979; Добрев 1983), а затем интерес к такому направлению исследований закрепили работы Т. Славовой, И. Карачоровой и П. Пенева, собранные в выпуске 1989 г. известного издания БАН «Кирило-Методиевски студии» (Славова 1989; Карачорова 1989; Пенев 1989). «Симеоновскую редакцию» в современной палеославистике с тех пор принято называть «преславской редакцией», при этом некоторые особенности языка, наблюдаемые в текстах, имеющих предположительное отношение к деятельности преславских книжников, принято называть «преславизмами». Под «преславизмами» обычно понимаются и морфологические, и синтаксические особенности языка, но главным образом – особая лексика (во многом совпадающая с «правым рядом» в своде дублетов Ягича), выявляемая путем сопоставления одних и тех же стихов в более ранних и более поздних списках библейских книг и подтверждаемая лексическим инвентарем текстов, которые достаточно надежно связываются палеославистами с деятельностью книжников Преславской школы письменности (т. е. книжников, приближенных ко двору царя Симеона, и их соратников), – Изборника 1073 г. («Симеонова сборника»), произведений Иоанна Экзарха Болгарского и нек. др., а из рукописей старославянского канона – прежде всего Супрасльской рукописи, с лексическим инвентарем которой поверял эту особую лексику еще В. А. Погорелов²⁹. Путем выявления в тексте рукописи наличия или отсутствия «преславизмов» определяется принадлежность его к Преславской школе письменности, и особенно широко такая методика используется в исследованиях многих болгарских коллег. Таким образом, методика определения места и времени создания или редакции текста путем выявления в нем наличия или отсутствия преславизмов применяется до сих пор фактически в том же виде, в каком она использовалась еще во времена Погорелова. Однако, на наш взгляд, очевидно, что эта методика

²⁹ Несомненно, что Супрасльская рукопись несет на себе следы деятельности преславских книжников – от самостоятельных переводов в одних ее частях до редактирования других частей. Однако о степени влияния преславских книжников на отдельные части существуют разные мнения. См., например, Благова 1966; Добрев 1978; Дограмаджиева 1980; Благова 1980; Дунков 1985; Дунков 1990; Мирчева 1997; Мирчева 2011 и др.

нуждается в существенном уточнении и дальнейшей разработке с учетом разной тестовой значимости конкретных «преславизмов», о чем мы писали в работе 2016 г. (Ефимова 2016).

То, что с появлением центра письменности в Преславе старославянский язык начинает развиваться в другой диалектной среде, признается всеми палеославистами, хотя у разных исследователей это утверждение принимает или более категоричную, или более «мягкую» форму. Так, А. Вайан писал даже о двух литературных языках – древнемакедонском и древнеболгарском (хотя и «без резко разграниченного противопоставления») (Вайан 1952: 17–18). Д. Иванова-Мирчева, всячески подчеркивавшая единство старославянского языка (в ее терминологии «старобългарски език»), все же считала, что «по-старият тип книжовен език се е развивал в една диалектна среда – западнобългарската, преславският тип книжовен език се е развивал в източнобългарската диалектна среда» (Иванова-Мирчева 1987: 185). Таким образом, традиционно в старославянской лексикологии «преславизмы» противопоставлялись «охридизмам», при этом акцентировалось, что различия имеют именно диалектную природу (см., например, Львов 1966: 284). Однако при ближайшем рассмотрении «преславизм» может оказаться вовсе не «преславизмом» в смысле принадлежности к региональной лексике. В современной палеославистике термин «преславизм» употребляется в качестве общепринятого и якобы общепонятного термина, номинация которым определенных языковых фактов (в том числе и лексических) не требует каких-либо разъяснений. В лучшем случае дается ссылка на работу (работы), в которой (в которых) какое-либо слово (или явление) зачисляется в разряд преславизмов. Между тем история палеославистики и, в частности, история старославянской лексикологии сложилась так, что в понятии «преславизм» переплелись два понятия – лексическая замена (или лексический эквивалент) в более поздних списках и лексический северовостоноболгарский диалектизм, и эта «путаница» уходит корнями в самое начало XX века, к своду лексических дублетов Ягича. Не удивительно поэтому радикальная позиция в отношении деления старославянской лексики на «охридизмы» и «преславизмы» Р. Станкова. Уже в работах 90-х годов прошлого века он писал, что «терминами “преславизм” и “охридизм” можно пользоваться лишь в текстологическом, но никак не в лексикологи-

ческом смысле, да и то по отношению к текстологии богослужебных текстов» (Станков 1991: 89; Станков 1994: 64). Еще более радикально-критичную точку зрения на деление старославянской лексики по этому принципу высказал Станков в своей недавней работе о лексике Хроники Георгия Амартола: «“преславской” лексики вовсе нет, как нет и редакции богослужебных книг...» (Станков 2018: 140).

Однако, как мы постарались показать в работе (Ефимова 2016), отказываться от использования преславизмов в качестве теста для определения места и времени создания славянских переводных и непереводных текстов, сохранившихся в древнейших славянских рукописях, не представляется целесообразным, но корректное проведение этой процедуры должно учитывать множество разнообразных факторов, и в первую очередь разную тестовую значимость конкретных преславизмов. Мы считаем очевидным, что преславизмы с разными лингвистическими параметрами – с точки зрения этимологии, диалектологии, социолингвистики, психолингвистики, теории словообразования и т. д. – должны иметь и разную тестовую значимость.

В настоящее время в корпус слов, обычно относимых палеославистами к «преславизмам», включаются как северовосточноболгарские диалектизмы, так и народная лексика общеславянского распространения (которая обнаруживается в этом корпусе даже чаще, чем северовосточноболгарские диалектизмы), и слова, созданные из славянских морфем по славянским словообразовательным моделям самими книжниками. В работе 2016 г. мы отмечали, что наибольшую тестовую значимость среди преславизмов должны иметь северовосточноболгарские диалектизмы (в том числе и тюркизмы, которые, как было упомянуто выше, преславским книжникам казались, видимо, словами народной речи)³⁰. Вместе с тем идентификация слов как

³⁰ В недавней своей обзорной статье о «преславских лексических маркерах» Я. Милтенев тоже пишет о разной «ценности» преславизмов: «не всички споменавани в предходни изследвания езикови предпочитания на старобългарските книжовници имат еднаква *ценност* (курсив автора. – В. Е.) за изводите – те са само ориентири: едни имат по-голяма тежест, други по-малка, трети служат за допълнение» (Милтенев 2020: 66). При этом автор далее указывает «преславские маркеры», и прежде всего тюркизмы («заемки от езика на прабългарите»). На протоболгаризмы в качестве

северовостоноболгарских диалектизмов тысячелетней давности представляет собой непростую задачу, иногда требующую целого исследования в отношении какого-либо конкретного слова, что и было показано нами на примере слова ѡрнѣ (Ефимова 2016: 227–230). Гораздо меньшую тестовую значимость имеют слова, созданные самими книжниками, так как в отношении большинства из них невозможно доказать, что они были созданы именно преславскими книжниками. «Не работает» (во всяком случае, на данном этапе палеославистических исследований) для выявления преславизмов и примета наличия в композитах первого компонента добр(о), сложения с которым считаются в старославянском инвентаре более новым лексическим слоем по сравнению с их синонимами с компонентом благ(о) (Цейтлин 1977: 234–235). Например, в переводе книги пророка Иезекииля с толкованиями, который издатели текста книги по рукописи F.I.461 считают целиком преславским (Тасева, Йовчева 2003: 55), Т. Илиева обнаруживает целый ряд калек-композитов, не встречающихся (по ее наблюдениям) в письменности за пределами этого текста: благонствѣканнѣ, благосзмѣсантн, благооумнѣ, благоуствованнѣ, велнокдарованнѣ, велькрнѣ, ззлосзмѣсантн, лзжевраженнѣ, любодѣнчѣ, новосзгражденѣ, глѣбоуствѣнѣ, позднѣоуаззѣчѣнѣ (Илиева 2013). Как видим, в списке присутствуют четыре неизвестных ранее исследователям композита с компонентами благ-, благо и ни одного с компонентом добр- или добрo. Очевидно, что тестовая значимость таких преславизмов весьма ограничена, так как они созданы по моделям, используемым не только преславскими книжниками. И все же среди слов, созданных самими книжниками, можно найти слова с большой тестовой значимостью. К приметам узуса преславских книжников можно отнести образование книжных отадъективных наречий с суффиксом -ѣ (типа бесчѣстнѣ, боголѣпнѣ, доброобразнѣ и мн. др.), неизвестное кирилло-мефодиевским переводам, но особенно характерное для языка Иоанна Экзарха Болгарского. В произведениях других преславских книжников такие наречия соседствуют с отадъективными наречиями на -o, причем иногда образованными от той же мотивирующей основы и с теми же значениями (Ефимова 1999a: 43–

маркеров Милтенов указывал и в более ранних своих работах – например, в (Милтенов 2008: 42–43).

56). Также к приметам узуса преславских книжников можно отнести употребление некоторых прилагательных с суффиксом *-iv-*. Например, перевод греч. *δίκαιος* ‘праведный, справедливый’ и (в субстантивном употреблении) ‘праведник’ прилагательным с этим суффиксом *правьднвзн* – в то время как в кирилло-мефодиевских переводах известен почти исключительно перевод *правьднъз(зн)* или *правьдннкъз* (Ефимова, Желязкова 2014: 11–12).

Термин «охридизм», вполне обычный в работах до конца прошлого века, в настоящее время, кажется, выходит из употребления (за редкими исключениями – см., например, Жикова 2015), так как на данном этапе исследований его значение для палеославистов равно значению «не-преславизм» (т. е. слово не маркировано как преславское). Понятие «непреславская лексика» пытались обозначать терминами «кирилло-мефодиевская лексика» или «архаичная лексика», но в данном случае следует согласиться с Я. Милтеновым в том, что эти термины, в случае использования их для номинации непреславской лексики, имеют свои недостатки (Милтенов 2020: 64). Возможно, термин «охридизм» имеет право на существование в прямом своем значении (т. е. действительно противоположный термину «преславизм»), однако лексический узус Охридской школы письменности и, в частности, узус главного ее представителя – Климента Охридского, до сих пор изучен очень плохо.

Еще совсем недавно в палеославистике господствовало мнение, что в Охридской школе письменности сохранялся архаичный тип старославянского языка, тогда как в Преславской школе, в северо-восточнoболгарской диалектной среде, развивался новый его тип – несмотря на то, что некоторые исследователи уже давно отмечали в своих работах близость лексического узуса книжников Охридской и Преславской школы письменности (Гъльбов 1966: 440–456; Станчев, Попов 1988: 103; Христова 1994: 29)³¹. Возможно, такие представления об узусе Охридской школы были обусловлены отсутствием до

³¹ В исследовании лексики Похвального слова Кириллу и Мефодию Мария Спасова предполагала даже возможное авторство сразу трех писателей, принадлежавших и к Охридской, и к Преславской школе – как Климента Охридского, так и Константина Преславского, и Иоанна Эжарха Болгарского (Спасова 1996: 74).

недавнего времени в научном обороте достаточного количества текстов, ассоциируемых с Охридской школой. Но именно в последние десятилетия в активный научный оборот было введено большое количество списков текстов, изначально созданных в рамках Охридской школы, и проведен ряд исследований³². К сожалению, большинство произведений Охридской школы дошло до нашего времени только в поздних списках – либо XII–XIV вв., либо совсем поздних. Это делает особенно актуальной задачу исследования старославянского лексического инвентаря на принципах, изложенных в начале настоящей главы. Мы не можем со стопроцентной гарантией восстановить лексический инвентарь утраченного старославянского протографа, но мы можем восстановить в нем слова с большей или меньшей степенью вероятности и на этой основе проследить тенденции в эволюции старославянского лексического инвентаря, сопоставив тенденции в Преславской и Охридской школе.

В статье (Ефимова 2018) мы пытались показать, что старославянский лексический инвентарь эволюционировал не только в Преславской, но и в Охридской школе письменности, демонстрируя в своей эволюции сходные явления, хотя можно отметить уже на данном этапе исследований и некоторые различия. Для выявления этих тенденций плодотворной представляется прежде всего та дифференциация старославянского лексического инвентаря, о которой шла речь выше в настоящей главе, т. е. дифференциация лексического инвентаря на лексику, почерпнутую книжниками из народной славянской речи того времени, и новую, собственно старославянскую, лексику, так или иначе создаваемую самими книжниками.

Как уже было отмечено нами выше, свв. Кирилл и Мефодий и их ученики и последователи, руководствуясь целью создания лексического инвентаря «высокого регистра», создавали новые книжные слова для номинации и реалий, незнакомых или малознакомых славянам

³² Перечислим здесь некоторые из наиболее значимых изданий и исследований: Ангелов 1970; 1977; 1973; Станчев, Попов 1988; Федоскина 2000; Флоря, Турилов, Иванов 2000; Темчин 2004; Темчин 2004а; Йовчева 2004; Поп-Атанасова, Костовска 2005; Крашенинникова 2006; Турилов, Мошкова 2006; Свети Климент 2008; Мирчева 2010; Турилов 2010; Кривко 2015; Верещагин 2015.

того времени, и номинации обыденных ситуаций, предметов и явлений. В еще большей мере образование «высокого регистра» лексического инвентаря зависит от накопления в нем семантически сложных определений, так как выразительные возможности любого литературного языка характеризуются прежде всего степенью разработанности в нем слоя лексики, употребляемой в качестве разного рода определений³³. Представляется, что при сопоставлении тенденций эволюции лексического инвентаря в Преславской и Охридской школе следует обратить внимание именно на лексику «высокого регистра», являющуюся плодом словотворчества самих книжников.

Круг книжников обеих школ не мог быть слишком большим, круг же книжников-творцов был поистине элитарен. Словотворчество книжников в рамках Охридской и Преславской школы показывает много сходного, так как книжники обеих школ следовали основным переводческим установкам св. Кирилла. Это сходство проявляется в выборе и использовании способов словообразования и словообразовательных моделей, продуктивных аффиксальных словообразовательных морфем, в принципах калькирования, принципах образования новых композитов. Книжники в рамках обеих школ в своем словотворчестве продолжали использовать не вообще все суффиксы, которые были в славянской народной речи, а те из них, которые св. Кириллом были как бы «назначены» быть продуктивными в старославянском языке: *-bnikъ*, *-telъ*, *-ьсь*, *-ije*, *-ьstvo*, *-ьнъ*; для передачи греческого суперлатива и прилагательных с суперлативным значением продолжали использовать не только прилагательные в положительной степени, но и способ сложения с префиксом *прѣ-* и с первым компонентом *трѣ-* (последний в соответствии с греческим *τρι-*); продолжали использовать способ субстантивного употребления прилагательных и причастий для создания новых номинаций предметов (в широком смысле слова, в том числе и лиц) и явлений, а также способ создания несколькихсловных наименований; при создании новых композитов в соответствии с переводческой установкой св. Кирилла приме-

³³ Уже давно Бэзиллом Бернштейном было показано, что одним из основных показателей, отличающих язык разработанный, интеллектуальный от языка обыденного, является использование необщепотребительных прилагательных и наречий (Bernstein 1974: 77, 101–115, 126).

нялась суффиксация продуктивными суффиксами, хотя иногда использовались и архаичные модели. Мера этих предпочтений еще подлежит изучению – ср., например, столь частотное у Климента *βογογλας*.

Довольно большой инвентарь семантически сложных определений, созданных свв. Кириллом и Мефодием и их ближайшими учениками в начальный период и, особенно, в моравский период становления старославянского языка, унаследовался и продолжал использоваться в рамках Охридской и Преславской школ: *βεζναγαλλνз* (*ἀναρχος*), *благодѣтънз* (*κεχαριτομένος, τῆς χάριτος, εὐεργέτης, εὐχάριτος*), *благодатьнз* (*κεχαριτομένος, τῆς χάριτος, εὐεργέτης, εὐχάριτος*), *благожканынз* (*εὐώδης*), *ненздреченз* (*ἄφατος, ἄρρητος, ἀπόρρητος, ἀνεκδιήγητος*), *ненздреченьнз* (*ἄφατος, ἀνέκφραστος, ἀπόρρητος, ἄφραστος*), *нензглаголанз* (*ἄφατος, ἀνεκλάλητος, ἄρρητος, ἀπόρρητος, ἄφραστος*), *нензглаголаньнз* (*ἀλλάλητος, ἀνέκφραστος, ἄρρητος, ἄφατος*), *прѣвьчынз* (*προαιώνιος*), *сзбезнаγαалънз* (*συνάναρχος*), *сзгласьно* (*συμφώνως, σύμφωνα*), *сзпрѣстоалънз* (*σύνθρονος*). Однако значительное количество семантически сложных определений было создано, очевидно, позже, но в то же время они являются как бы «общими» для Охридской и Преславской школы: *благочьстнвз* (*εὐσεβής, εὐλαβής*), *богоначалънз* (*θεαρχικός*), *всьемнрънз* (*παγκόσμιος*), *жнвоносънз* (*ζωοφόρος*), *неподвжнмз* (*ἀκίνητος*), *несѣкомз* (*ἀλατόμητος*), *прѣвозданз* (*πρωτόπλαστος, πρωτόκτιστος*) и др.³⁴

Все же в словотворчестве книжников Охридской и Преславской школы можно отметить некоторые различия. Однако разные способы номинации не обуславливаются жестко, а различия проявляются в приоритете выбора, в «номинационной стратегии» книжников, что подтверждает очень тесную связь книжников обеих школ. Приметой языка преславских книжников можно считать приоритет в употреблении и образовании новых прилагательных с суффиксом *-iv-* и, особенно, с его расширенным вариантом *-ьliv-*. Только в Шестодневе Иоанна Экзарха мы насчитываем употребление до 37 прилагательных с суффиксами *-iv-* и *-ьliv-*, верифицированных по двум древнейшим спискам – сербскому 1263 г. и русскому XV в.: *блѣднвз*, *богноснвз*, *бзистроскочнвз*, *велнкотворнвз*, *взсорнвз*, *гнѣвьнвз*, *добропослоушьнвз*, *ззлогостнвз*, *ззлотворнвз*, *клопотнвз*, *кзичнвз*, *любнвз*, *лѣннвз*, *мнолостнвз*, *малъчалънвз*, *мзиснвз*, *нечьстнвз*, *плодотворнвз*,

³⁴ Примеры см. в статье (Ефимова 2018).

подражнеѡ, поспѣшнеѡ, правѣднеѡ, прѣнаѡнеѡ, прѣнѡнеѡ, прѣготнеѡ, прѣснеѡ, размѣсанеѡ, разоумнеѡ, расѣдѣланеѡ, спѣшнеѡ, страшнеѡ, татнеѡ, трѣпѣланеѡ, тѣшнеѡ, оужастнеѡ, цѣтѣноснеѡ, часѣблюднеѡ, чѣлѣколюбнеѡ. В то же время в списках произведений Климента Охридского такие прилагательные чрезвычайно редки, причем употребляемые Климентом прилагательные мно҃стнеѡ, немно҃стнеѡ, прѣмнлостнеѡ, неѡзлѣбнеѡ унаследованы им из инвентаря ранних, «кирилло-мефодиевских этапов» становления старославянского языка, а благочѣстнеѡ, длѣготрѣпѣланеѡ, прѣзѣрѣланеѡ являются «общими» для Охридской и Преславской школы.

Как мы уже упоминали выше, к приметам узуса преславских книжников можно отнести образование книжных отаѣдѣктивных наречий с суффиксом -ѣ. В списках сочинений Климента Охридского, при довольно большом количестве семантически сложных наречий на -ѡ, такие наречия с суффиксом -ѣ почти не встречаются, а там, где их все же находим, можно предполагать более позднюю инновацию. Показательны «пары» наречий, образованных от одной и той же основы: у Климента Охридского употребляются наречия на -ѡ, а у Иоанна Экзарха и других книжников Преславской школы – наречия с суффиксом -ѣ.³⁵ Так, у Климента Охридского многократно, во многих произведениях, причем в списках разных изводов встречается наречие ѣдннѡгласнеѡ. У Иоанна Экзарха в Шестодневе находим ѣдннѡгласнеѡ с суффиксом -ѣ, причем имеем тот самый удачный случай, когда это наречие находится в том же самом контексте и в сербском, и в русском списке³⁶:

снма црѣквен свѣтлѡвкрашаеми правѡвѣрѣно ѣдннѡгласнеѡ трѣѣстоје пѣнѣ боу възслаѣштз Герм.сб.1358г. 71а (Похвальное слово арх. Михаилу и Гавриилу);

διὰ τοῦτο καὶ συμφώνως τὸν λόγον προφέρουσι

– сего цѣща н ѣдннѡгласнеѡ слово нѣноснта . Шест 10д 28

– сего рѣа н ѣдннѡгласнеѡ слово нѣноснта . Шест-Бар 11а 3.

³⁵ Примеры см. в статье (Ефимова 2018).

³⁶ У Айцетмюллера в Т. VII наречие ошибочно указано в статье на прилагательное как Loc. (Aitzetmüller 1975: 451).

Представляется, что такие наречия имеют не меньшую тестовую значимость при отнесении текста к Охридской либо Преславской школе, чем пары слов народной речи типа радн – дѣлма, на которые обычно ссылаются.

Глава II Калькирование и суффиксация

Как уже отмечалось в предыдущей главе, важнейшим источником формирования старославянского лексического фонда, способного к адекватной передаче лексического богатства переводимых греческих текстов, служило собственное словотворчество славянских книжников. В данной главе мы постараемся показать, что главными «инструментами» этого словотворчества – в соответствии с переводческими установками св. Кирилла – были калькирование разного рода и использование суффиксации определенными суффиксами. Нельзя сказать, что старославянское калькирование не изучалось ранее палеославистами – о нем написана масса работ. То же можно сказать и о старославянских суффиксах. Однако взаимосвязь и взаимозависимость этих «инструментов» словотворчества славянских книжников ускользала, как кажется, от внимания исследователей.

Старославянский язык в качестве литературного языка средневекового типа создавался в особых социолингвистических условиях узким элитарным кругом книжников – прежде всего, самими свв. Кириллом и Мефодием, а также их учениками и последователями. Греческий язык в этом процессе занимал совершенно уникальное положение. Не вызывает сомнений, что не только сами свв. Кирилл и Мефодий, но и другие члены круга славянских книжников IX–X вв. свободно владели византийским греческим, что не могло не отражаться на характере их словотворчества. Влияние греческого языка обнаруживается на всех языковых уровнях старославянского, в связи с чем в начале 90-х годов прошлого века М. И. Чернышева предлагала ввести в палеославистику термин «византизм», объединяющий все виды влияния византийского греческого на язык славянских переводов – как эпохи «классического старославянского», так и несколько более поздних (Чернышева 1991).

Типологически греческий и славянский (в совокупности диалектов) языки времени кирилло-мефодиевских переводов были довольно близки во многих отношениях. В сфере номинации эта близость в

достаточной мере обнаруживается в деривации, в образовании композитов (где как греческий, так и славянский язык базируются в основном на сложении основ), в субстантивном употреблении адъективов. Все же было немало и различий в их грамматическом строе, которые потребовали от св. Кирилла выработки определенных переводческих установок. Одним из таких различий являлось наличие в греческом так называемого артикля в отсутствие такового в славянском, и это различие во многом обусловило переводческие установки св. Кирилла в калькировании и суффиксации.

Калькирование является наиболее ярким и давно замеченным палеославистами проявлением влияния греческого языка на формирование старославянского лексического фонда. Уже в конце XIX в. В. Ягичем в его работе о славянских композитах было сказано довольно много о старославянских кальках с греческого (Jagić 1898–1899). В XX в. старославянские кальки продолжали оставаться в центре внимания палеославистов (Цейтлин 1975; Цейтлин 1977; Минчева 1995; Верещагин 1997 и др.), при этом изучение калек с греческого чаще проводилось по несколько более поздним древнеславянским рукописям (Вялкина 1964; Вялкина 1966; Копыленко 1973; Moszyński 1974; Чернышева 1984; Чернышева 1987; Чернышева 2008 и др.). В 1958 г. в монографии К. Шуманна была дана классификация старославянских калек (Schumann 1958), повторенная в несколько модифицированной форме (но построенная на тех же принципах) в монографии Н. Молнара (Molnár 1985). Классификации Шуманна и Молнара до сих пор пользуются авторитетом у палеославистов.

Мы считаем, что по отношению к процессу формирования старославянского лексического фонда принципиальные различия имеют три основных вида калькирования: семантические кальки, фразеологические кальки, поморфемные кальки.

Семантическое калькирование новой лексической единицы старославянского лексикона не создавало, расширяя семантический объем уже существовавшего «в готовом виде» слова славянской народной речи. Процедура расширения семантического объема славянского слова была возможна благодаря наличию «точек соприкосновения» в его семантической структуре и семантической структуре переводимого им греческого слова, т. е. наличию в их семантических структурах хотя бы одной общей семемы. Видимо, наиболее

«знаменитый» случай семантического калькирования – получение словом слово семантического объема греч. λόγος. Таким же образом слово *внна* получает от греч. αἰτία значение ‘причина’, *лежатн* получает от греч. κεῖσθαι значение ‘находиться, иметь место’, а также и ‘быть предназначенным’ и т. п. Разумеется, расширение семантического объема уже существовавших славянских слов имело огромное значение для формирования старославянского лексического фонда, создавая новые возможности для адекватной передачи семантического богатства лексики переводимых греческих текстов, но все же об образовании новой лексической единицы в этом случае говорить не целесообразно, так как славянское слово употреблялось книжниками и в новом значении, и в старых значениях, сохраняя свою целостность. Это сохранение целостности слова всегда ощущалось лексикографами, и в старославянских словарях новое значение, появившееся в результате расширения семантического объема, дается в словарных статьях как одно из значений слова. Например, слово *отць* в процессе переводов приобрело целый ряд новых значений: ‘Бог-Отец’, ‘игумен’, ‘учитель церкви’, ‘монах’, ‘ветхозаветный патриарх’, но основным осталось старое значение славянского термина родства. Следует отметить, что не все палеослависты называют феномен расширения семантического объема славянского слова в старославянском языке «калькированием». Так, Е. М. Верещагин предпочитает писать не о «семантическом калькировании», а о «транспозиции», рассматривая ее с точки зрения терминотворчества: «в случае терминотворческой транспозиции слово, ставшее термином, <...> имеет внешне противоречивые характеристики: его семантика, конечно, модифицируется, но в то же время не порывает с исходной» (Верещагин 1997: 18–19). Р. Вечерка также пишет не о «семантическом калькировании», а об «эксцессивной семантической идентификации» (*excessive semantic identification*) (Večerka 1997: 368).

Создавало новые лексические единицы фразеологическое калькирование, однако, как правило, эти лексические единицы представляют собой несколькословные наименования¹. М. М. Копыленко начал изучать фразеологические кальки с греческого на материале древнерусских рукописей – в том числе и на материале

¹ О старославянских несколькословных наименованиях см. в Главе V.

несколько более поздних древнерусских списков со старославянских протографов – еще в 70-х годах прошлого века. Копыленко разделил фразеологические кальки на фразеологические кальки-гнезда и индивидуальные фразеологические кальки. К первым он отнес кальки с определенными глаголами, каждый из которых образовывал целый ряд словосочетаний с заимствованной греческой сочетаемостью. Например, с глаголом исплънити: *πληροῦν θυσίαν* – «исплънити жрътву», *ἀναπληροῦν τετραώδιον* – «исплънити четверопѣсна», *ἀναπληροῦν τὸ μέτρον* – «исплънити мѣру», *ἀναπληροῦν θέλημα* – «исплънити волю» и т. п. К индивидуальным фразеологическим калькам он отнес буквальные переводы греческих словосочетаний с претерпевшими семантические изменения глаголами, типа *τιθέναι ὄνομα* – «положити имя» ‘назвать’, *βαστάζειν νόσοι* – «въздвигнути недугы» ‘терпеть болезни (муки) за кого-либо’ и т. п. (Копыленко 1973: 147–149).

Обычно в поле зрения славистов попадают закрепившиеся в узусе славянских языков буквальные переводы греческих фразеологических сочетаний из широко употребительных богослужебных текстов: *οἱ πτωχοὶ τῷ πνεύματι* – ншнн доухомъ (Мт 5:3), *οἱ καθαροὶ τῇ καρδίᾳ* – чнстнн срѣдцьмъ (Мт 5:8), *οἱ εὐθεῖς τῇ καρδίᾳ* – правн срѣдцьмъ (Пс 63:11) и т. п. (ср. совр. русск. *нищие духом, чистые сердцем*²). В свою очередь такие фразеологические сочетания восходят иногда к древнееврейским выражениям (Ефимова, Желязкова 2014а: 43). Однако фразеологические кальки, буквалистски переводящие греческие выражения, закреплялись в узусе языка далеко не всегда – как и вообще результаты словотворчества славянских книжников. Многие фразеологические кальки, встречающиеся в толкованиях на книги Св. Писания, агиографической, гомилетической литературе и т. п., остаются единожды употребленными, составляя так называемые «темные места», прочтение которых требует определенных исследовательских

² Изданный несколько лет тому назад «Фразеологический словарь старославянского языка» под ред. С. Г. Шулежковой (Шулежкова 2011) фиксирует старославянские словосочетания, получившие устойчивость в их последующей жизни в веках. Несомненно, такие издания имеют культурно-познавательную ценность для студентов и широкой общественности, однако они мало имеют отношения к исследованиям старославянского фразеологического калькирования.

усилий. Так, например, «неуклюжим» и на первый взгляд непонятным кажется перевод первого же предложения «Слова на вербное воскресенье», сохранившегося в Супрасльской рукописи:

Ἐκ θαυμάτων ἐπὶ τὰ θαύματα τοῦ κυρίου βαδίσωμεν, ἀδελφοί, καὶ φθάσωμεν, ὡς ἐκ δυνάμεως εἰς δύναμιν
 – отъ ѳоудесъ къ ѳоудесемъ господьнемъ коднмъ братнѣ . н дондѣмъ акъи отъ слъзи на слѣж . Супр 318,12–14, глава № 28,

где φθάσωμεν, ὡς ἐκ δυνάμεως εἰς δύναμιν ‘преуспеем по возможности’, содержащее фразеологизм ὡς ἐκ δυνάμεως εἰς δύναμιν, буквалистски переведено как дондѣмъ акъи отъ слъзи на слѣж.

Одним из основных способов создания новых старославянских лексических единиц – однословных наименований (т. е. слов) служило славянским книжникам поморфемное калькирование. И именно поморфемное калькирование особенно нуждается, как нам представляется, в переосмыслении его содержания в качестве словообразовательной процедуры в старославянском языке – с учетом творческой позиции св. Кирилла, а затем и других славянских книжников, а также, следовательно, и в пересмотре методов изучения этого вида калькирования. Мы будем продолжать пользоваться термином «поморфемное калькирование» (Верещагин 1997: 19–21; 41), хотя, как будет ясно из последующего изложения, это калькирование не всегда было полностью «поморфемным».

Начнем рассмотрение этого вопроса с обсуждения общепризнанных, пользующихся до сих пор доверием палеославистов классификаций К. Шуманна и Н. Молнара и посмотрим статистические данные. В то время как словник «Старославянского словаря (по рукописям X–XI веков)», учитывающий все слова, включая служебные, встречающиеся в рукописях старославянского канона, насчитывает около 10 000 единиц (Словарь 1994), К. Шуманн числит в своей монографии 1 096 разного рода калек, из них 176 приходится на евангельский текст (Schumann 1958)³. Не много ли калек? Н. Молнар идет еще дальше: верифицируя лексический инвентарь исключительно евангельского

³ Круг рукописей, вовлекаемых в анализ К. Шуманном, даже уже, чем в указанном словаре.

текста, он зачисляет в своей результирующей монографии в разного рода кальки 290 слов (Molnár 1985). Посмотрим, однако, что считают старославянскими кальками К. Шуманн и Н. Молнар (сохраним для точности их терминологию непереуведенной). К. Шуманн зачисляет в кальки (Lehnprägungen) Lehnübersetzungen, Lehnübertragungen, Lehnbedeutungen, Lehnwendungen, Lehnsyntax, Teillehnwörter. Н. Молнар делит кальки (calques) на real structural calques, semicalques, calque neologisms (pseudocalques), semantic calques, phraseological calques, syntactic (morphological) calques, phenomenological calques. В практическом же применении этих классификаций почти любое слово, являющееся результатом словотворчества славянских книжников, подпадает у К. Шуманна и Н. Молнара под какую-нибудь из их рубрик в качестве кальки. В поморфемных кальках у Молнара (в его терминологии «real structural calques») оказываются такие слова как дльжньнкъ ~ ὁ ὀφειλέτης, законьнкъ ~ ὁ νομικός, засѣдьнкъ ~ ὁ ἐγκάθετος, кзннгзунн и кзннжньнкъ ~ ὁ γραμματεὺς, наставьнкъ и оунтєль ~ ὁ ἐπιστάτης (ὁ καθηγητής, ὁ διδάσκαλος), нпждьнкъ ~ ὁ βιαστής, пѣнажньнкъ ~ ὁ κερματιστής и др. (Molnár 1985: 144–145; 163–164; 165–166; 193–195; 213–214; 229; 264–265). Не удивительно поэтому, что идентификация Н. Молнаром многих старославянских слов как калек вызывала у палеославистов недоумение⁴.

Методика, лежащая в основе классификаций как Шуманна, так и Молнара, – это методика сопоставления калькируемого слова языка-источника и калькированного слова языка-реципиента, разработанная предыдущими поколениями европейских лингвистов. Однако эта методика сопоставления внутри пар слов не может быть применена по отношению к материалу старославянского языка безоговорочно, без учета его специфики. Формирование старославянского лексического фонда происходило в эпоху, когда старославянский язык еще не существовал, а только рождался в процессе переводов с греческого. Продуктивность словообразовательных процедур в рождающемся языке была слишком масштабна, чтобы установление факта калькирования основывать на рассмотрении изолированных пар, состоящих из слова славянского перевода, как бы вырванного из общего словообразова-

⁴ См., например, скорее отрицательную, чем положительную рецензию на монографию Н. Молнара в «Slavonic and East European review» (Leeming 1986).

тельного контекста, и его соответствия в греческом оригинале: формальное соответствие морфемных структур старославянского слова и его греческого соответствия (или одного из его греческих соответствий) еще не является основанием считать старославянское слово калькой. И в тех случаях, когда морфемные структуры греческого и старославянского слова демонстрируют сходство, старославянское слово, скорее всего, на самом деле было образовано независимо от греческого. Покажем это наглядно на одном из конкретных примеров:

ἐνταφιαστῆς → погребнѣль (Быт 50:2 Григ; Супр 455,25)

Морфемный состав ст.-слав. погребнѣль и греческого соответствия *ἐνταφιαστῆς* формально сходен: префикс *po-* соответствует префиксу *ἐν-*, суффикс *-itell(ь)* – суффиксу *-της*. При этом очевидно, что погребнѣль – продукт словотворчества книжников, о чем свидетельствует – в том числе – и поздняя модификация суффикса *-itell(ь)*. Однако внимательное рассмотрение номинационных процессов в старославянском и греческом словообразовательных гнездах, результатом которых явились «пара» наименований *ἐνταφιαστῆς* – погребнѣль, в которой погребнѣль на первый взгляд – казалось бы – калькирует *ἐνταφιαστῆς*, показывает, что погребнѣль образовано независимо от греческого слова, по продуктивной модели от глагола погретн. Ср.:

[*θάπτειν* ‘хоронить’] → *τάφος* ‘похороны’ → *τάφιος* ‘связанный с погребением’ → *ἐνταφιάζειν* ‘готовить к похоронам’ → *ἐνταφιαστῆς* ‘могильщик’;

[**grebti* ‘копать; грести’] → погретн (форма наст. вр. погребѣж) ‘похоронить’ → погребнѣль ‘могильщик’.

Как мы уже отмечали в ряде работ, старославянское поморфемное калькирование необходимо изучать в рамках исследований старославянской словообразовательной системы, рассматривая его как специфический способ словообразования (Ефимова 2007а; Ефимова 2015 и др.).

Дальнейшим изложением материала мы попытаемся доказать утверждение, что в отношении применения калькирования в старославянских словообразовательных процедурах существует принципиальное различие между процедурами образования славянскими

книжниками композитов и образования однокорневых суффиксальных дериватов с помощью продуктивных в старославянском языке суффиксов по регулярным словообразовательным моделям⁵. Основная масса старославянских композитов также оформлена продуктивными суффиксами (-*ьj(e)*, -*ьstv(o)*, -*tel'(ь)*, -*ьnik(ь)*, -*ьc(ь)*, -*ьn-*, -*iv-* и под.), т. е. классифицирующими морфемами, указывающими на их частеречную принадлежность, в то время как подлежащие переводу греческие композиты во многих случаях (если не в большинстве случаев) таких суффиксов не имеют. Например:

θεομάχος

богоборць (Супр 87,13–14; Супр 480,18–19) ‘богоборец’ и
богоборьнкъ (Гр.Наз.ХІ в.) ‘богоборец’,

богоборьнъ (Супр 188,19 и др.), боготорьнъ (Супр 504,15–16),
богосварьнъ (Супр 396,8) и богоратьнъ (Изб.1073 14с10–11;
Изб.1073 130b16) ‘богоборческий’;

ἑξαπτέρουος

шестокрнлатъ (Евх 4а17–18) и
шестокрнльнъ (Супр 458,6; Супр 458,15) ‘шестикрылый’,
шестокрнлатъць (Супр 463,18–19) ‘серафим’.

В следующей главе, посвященной специально старославянским композитам, будет показано, что такое использование суффиксации при образовании композитов было одной из переводческих установок св. Кирилла. Все же при создании старославянского композита,

⁵ Отметим кстати, что в ряде работ о старославянских кальках обобщающего характера авторы либо начинают с описания калек-композитов, уделяя им основное внимание, либо описанием композитов и ограничиваются. Именно композитам была посвящена работа В. Ягича (Jagić 1898–1899). Именно композиты являются предметом исследования в работах Л. В. Вялкиной (Вялкина 1964; Вялкина 1966), Л. Мошиньского (Moszyński 1974), М. Тиховой (Тихова 1976), Р. М. Цейтлин (Цейтлин 1975; Цейтлин 1977). Предполагаем, что в таком фокусировании внимания на композитах срабатывала интуиция этих крупных лингвистов-палеославистов.

помимо использования славянских классифицирующих (т. е. словообразовательных и словоизменительных) морфем, книжники переводили, как правило, две корневые морфемы композита греческого, т. е. две греческие знаменательные морфемы, указывающие на понятия. И именно соположение двух корневых знаменательных морфем, диктуемое греческим образцом, показывает, что новое старославянское слово было создано не только с использованием возможностей и механизма старославянской словообразовательной системы, но в подражание греческому слову, его двукорневой морфологической структуре, с тем самым «поморфемным переводом», которое и есть калькирование.

Однако следует ли рассматривать в качестве калек однокорневые суффиксальные дериваты, образованные славянскими книжниками с помощью продуктивных в старославянском языке суффиксов по регулярным словообразовательным моделям и хорошо мотивированные на славянской почве? В отличие от создания нового старославянского композита, когда книжники следовали греческому образцу в переводе двух соположенных знаменательных морфем, указывающих на понятия, при создании однокорневого суффиксального деривата славянский корень с близкой к значению греческого слова семантикой снабжался только словообразовательным суффиксом с соответствующей флексией, т. е. морфемами классифицирующими, а не знаменательными. Действительно, как будет показано ниже на материале, при сопоставлении старославянских слов и их греческих соответствий наблюдается некоторый параллелизм греческих и старославянских суффиксов, однако такой параллелизм говорит о типологическом сходстве греческого и славянского языков того времени в сфере суффиксации и никак не говорит о калькировании в изолированных «парах», состоящих из слова языка-источника и слова языка-реципиента. Так, например, суффикс *-tel'(ь)* настолько часто использовался славянскими книжниками при создании новых слов со значением лица для перевода греческих слов с суффиксом *-της*, что он стал как бы аналогом этого греческого суффикса, что отмечала Р. М. Цейтлин (Цейтлин 1977: 105). Однако суффикс *-tel'(ь)* оставался при этом морфемой классифицирующей, а не знаменательной, и для передачи греческих слов с суффиксом *-της* со значением

лица славянские книжники образовывали наименования лиц и с другими суффиксами. Например, с суффиксом *-(ъ)ik(ъ)*:

μαθητής → оученинкъ;

βουλευτής → свѣтъыннкъ (Мк 15:43 Зогр, Мар, Ас, Остр;

Л 23:50 Зогр, Мар);

κερματιστής → пѣнажъннкъ (И 2:14 Зогр, Мар, Ас, Остр);

κολλυβιστής → тръжъннкъ (И 2:15 Зогр, Мар, Остр; Мт 21:12 Мар;

Мк 11:15 Зогр, Мар);

ληστής → развонннкъ (Мт 26:55 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр и др.)

и др.

С другой стороны, наименования лиц с суффиксом *-tel(ъ)* образовывались книжниками и для передачи греческих слов без суффиксов или с другими суффиксами. Ср.:

διδάσκαλος → оучнтелѣ;

φύλαξ → храннтелѣ (Евх 62b18; Клоц 11b13; Супр 96,29 и др.);

μάρτυς → свѣдѣтелѣ (Мт 26:65 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр;

Пс 26:12 и др.);

γονεύς → роднтелѣ (Л 21:16 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр и др.);

ἱερεύς → чнстнтелѣ (Супр 219,30; Супр 232,13)

и др.

Посмотрим, однако, к чему ведет анализ материала у авторов, опирающихся до сих пор на упомянутые выше общепризнанные классификации старославянских калек. Например, одну из своих статей болгарская исследовательница Т. Илиева посвящает калькам в тексте книги Иезекииль по рукописи F.I.461, называя рассматриваемое явление то «калькированием», то «поморфемным переводом» (Илиева 2013). Зачисление автором в кальки старославянских двукорневых композитов, переводящих греческие двукорневые композиты, не может вызвать возражений: *благодѣтелѣ* – *εὐεργέτης*; *всеснальнъ* – *παντοδύναμος*; *глубооустънъ* – *βαθύχειλος*; *звѣрожденъ* – *θηριάλωτος*; *нноплеменьнъ* – *ἄλλόφυλος*; *мзногомѣжънъ* – *πολύανδριος*; *мзногообразънъ* – *πολύμορφος*; *мзногосзвршенъ* – *πολυτελής*; *поздъноѡззицьнъ* – *βαρύγλωσσος*; *чловѣколюбъць* – *φιάνθρωπος*. Как видим, здесь семантика каждого из двух корней старославянских лексем достаточно точно отвечает семантике соответствующих корней греческих лексем, при

том, что – и в этом сказывается следование переводческой установке св. Кирилла, наше предположение о существовании которой будет доказываться в следующей главе, – все старославянские лексемы снабжены суффиксами, указывающими на их частеречную принадлежность, тогда как греческие лексемы (за исключением *εὐεργέτης*) таких суффиксов не имеют. Однако следует ли считать неполными кальками («непълните поморфемни преводи») «старобългарски книжовни думи, възникнали чрез деривация или композиция по определен старобългарски словообразователен модел без точно предаване член за член, а само с частична опора в гръцкия образец <...>: весльннкъ *κωπηλάτης*; дѣлатель *γεωργός*; прѣвъньць *πρωτότοκος*; садн-тель *φουουργός*; насажденне *φουουργία*; погоубленне, погзбленне, погзбленне *πανωλεθρία*; сзгражденне *οικοδομία*; рзвенне *ζηλοτυπία*; сзтворенне *δημιουργία*; благожнтне *εὐημερία*, *εὐπραξία*; пьрнвз *φιλόνεικος*; рвьннвз *ζηλοτυπῶν*; сзпротнвнне *ἀντιλογία*; коумнрство *εἰδωλολατρεία*» (Илиева 2013: 3)? Как видим, все эти старославянские слова, переводящие греческие двукорневые композиты, представляют собой однокорневые дериваты (за исключением благожнтне) с продуктивными суффиксами, причем каждое из них хорошо словообразовательно мотивировано на славянской почве. С нашей точки зрения, массу подобных однокорневых старославянских дериватов с продуктивными суффиксами нет никаких оснований зачислять в поморфемные кальки: славянские книжники не калькировали подлежащие переводу греческие слова, а использовали для образования подходящих для перевода новых старославянских слов возможности словообразовательной системы своего родного языка⁶.

Как правило, такие старославянские новообразования нет никаких оснований идентифицировать и как «кальки-неологизмы», или как «псевдокальки», или как «калькоиды». Классификация слова как «кальки-неологизма» («псевдокальки», «калькоида») предполагает тот случай, когда в языке-реципиенте создается слово для передачи некоего понятия по причине отсутствия в нем соответствующего слова. Действительно, наличие в старославянском лексиконе большого количества

⁶ О реализации возможностей словообразовательной системы языка с точки зрения современной теории словообразования много писал И. С. Улуханов, см. особенно (Улуханов 1996).

новых книжных слов, номинирующих незнакомые ранее славянам понятия, – одна из характерных его черт. Однако изучение старославянского лексикона показывает, что далеко не всегда побудительной причиной для словотворчества у славянских книжников было именно отсутствие слова. Как мы уже отмечали в предыдущей главе, во многих случаях они создавали новое книжное слово при наличии в народной славянской речи того времени слова с нужным значением. Не только для перевода новой для славян терминологии, но и при описании бытовых ситуаций, для номинации земледельцев, жнецов, пастухов, охотников и рыболовов создавались новые книжные слова.

Посмотрим, например, на вышеприведенный список слов, которые Т. Илиева считает неполными кальками с греческого («непълните поморфемни преводи»). В нем видим четыре наименования лиц, из них два – дѣлатель и саднтель – образованы с суффиксом *-tel'(b)*, а по значению относятся к слою бытовой лексики: дѣлатель переводит *γεωργός* ‘земледелец’, саднтель – *φυτουργός* ‘садовник’. Обратимся к текстам. Слово саднтель употреблено в толковании на книгу пророка Иезекииля:

ТК Иез 31:18: Ἐπειδὴ γὰρ, φησὶν, οὐκ ἐβουλήθης ὁμοιωθῆναι τοῖς ἄμα σοι φυτευθεῖσι ξύλοις, ἀλλὰ τῷ φυτουργῷ μετὰ τούτων τῶν ξύλων, τῶν ταῦτά σοι πεφρονηκότων, προστάττω σε ἀπορρίψῃαι...

– елма же не хотѣ тзченъ быти дрѣвесѣ . съ нмнже нногда вѣсаженъ бы . нѣ самомѣ саднтелю тзченъ съ творшн . съ тѣмн дрѣвесы съндешн . яко тоже съмыслншѣ еже н ты .

В паре саднтель ~ *φυτουργός* нет не только структурного поморфемного соответствия, но эти наименования, при одинаковом значении в тексте, словообразовательно мотивированы совершенно по-разному и независимо друг от друга: *φυτουργός* – двукорневой композит, саднтель – дериват с суффиксом *-tel'(b)* от глагола саднтн ‘сажать (растения)’. В распоряжении преславских книжников, переводивших толкования на книги Ветхого Завета, для передачи понятия ‘садовник’ имелись слова народной речи. Во-первых, это – слово праславянского происхождения и общеславянского распространения *ратан* (Sławski 1976: 53; ЭССЯ 32: 209–211). Слово *ратан* часто встречается в текстах, восходящих к старославянским протографам и, в

частности, в списках с произведений одного из самых авторитетных писателей Преславской школы письменности Иоанна Экзарха Болгарского. Первоначально праславянским словом **ratajъ* номинировался человек, который, как пишет Л. В. Куркина, занимался черканьем почвы деревянной клюкой ради получения мелкой борозды (Куркина 2011: 160–162), однако тексты Иоанна Экзарха показывают, что в X в. это слово имело уже более широкое значение, им номинировался человек, выполняющий разнообразные земледельческие работы. Имело это слово в том числе и значение ‘садовник’ – ср. пример из «Шестоднева»:

Γεωργοὶ δὲ, οἱ περὶ τὰ σπέρματα καὶ τὰς τῶν φυτῶν θεραπείας ποιοῦμενοι, πάσας ἐντεῦθεν εὐρίσκουσι τὰς εὐχαίρας τῶν ἔργων.

– РАТАН же нже сѣмена сѣютъ . н садъи садешен . н всн трощающеесе . ѿ тѣхъ знаменен обрѣтаютъ . Шест 148d6–7.

Кроме того, в распоряжении преславских книжников было и слово праславянского происхождения и общеславянского распространения **korašъ*, которым также номинировался человек, занимающийся разнообразными земледельческими работами (Sławski 1974: 102; ЭССЯ 11: 12–13). Как уже отмечалось в предыдущей главе, слово *koraš* употребляется в выполненном с латинского языка старочешском переводе Евангелия (Staročeská bible). В Мстиславовом евангелии (древнерусский список XI/XII в.) в Л 13:7 встречаем замену кирилло-мефодиевского *вннаръ* на *копачъ* (Мст 88в15). По всей видимости, *саднтелъ*, как и большинство других старославянских наименований с суффиксом *-tel'(ъ)*, – новообразование, книжное слово, результат словотворчества преславских книжников, переводивших толкования на книги Ветхого Завета. Такое предположение подтверждается тем, что наименования с суффиксом *-tel'(ъ)* не характерны для болгарских народных говоров, и, как пишет М. Тетовска-Троева в обобщающей монографии об отглагольных наименованиях лица в болгарских говорах, употребляются в них под влиянием литературного языка (Тетовска-Троева 1988: 115–116). Преславские книжники реализовывали возможности словообразовательной системы старославянского языка и обогащали новый литературный язык синонимами – книжными словами с продуктивными суффиксами, но, как и многие

другие старославянские наименования с суффиксом *-tel'(b)*, слово саднтелѣ нет оснований считать какой бы то ни было калькой.

Нет оснований считать какой бы то ни было калькой и слово дѣлателѣ. Это слово вряд ли являлось праславянским, хотя ЭССЯ и включает его в праславянский лексический фонд (ЭССЯ 4: 231)⁷. В статье 2014 г. (Ефимова 2014а) мы постарались показать, что слово дѣлателѣ (которое в евангельском тексте переводит не только двукорневой композит *γεωργός*, но и гораздо более близкий по морфемной структуре греческий отглагольный дериват *ἐργάτης*) является, скорее всего, результатом словотворчества переводчиков Евангелия. Вместе с тем так же, как и слово саднтелѣ, нет оснований считать его ни калькой, ни «калькой-неологизмом», так как оно образовано по регулярной модели, хорошо словообразовательно мотивировано на славянской почве, а слова общеславянского распространения ратан, копать, имеющие подходящие значения и действительно унаследованные народной речью того времени из праславянского лексического фонда, имелись в распоряжении переводчиков Евангелия.

Существует еще один очень серьезный, на наш взгляд, аргумент в пользу того, чтобы однокорневые дериваты, образованные славянскими книжниками по регулярным словообразовательным моделям с продуктивными суффиксами и словообразовательно мотивированные на славянской почве не рассматривать в качестве поморфемных калек. Помимо того, что продуктивные суффиксы являлись морфемами классифицирующими, а не знаменательными, и, следовательно, при создании нового старославянского слова в этих случаях для славянского книжника было важно только общее значение переводимого греческого слова, а не его морфемная структура, мы предполагаем, что св. Кирилл отводил старославянской суффиксации особую роль, на которой были основаны его важнейшие переводческие установки.

⁷ Это слово высокочастотно по меркам старославянского языка. Словарь 1994 указывает для него больше 100 употреблений (Словарь 1994: 204), и, видимо, распространенность этого слова в древних славянских рукописях и довольно широкий спектр его значений послужили этимологам основанием для того, чтобы считать его праславянским. Редактор ряда выпусков ЭССЯ А. Ф. Журавлев, однако, в приватной беседе высказал сомнения насчет «некнижного» характера этого слова.

Далее путем анализа старославянского материала мы постараемся показать, что по замыслу св. Кирилла использование продуктивных старославянских суффиксов не было предназначено для калькирования греческих суффиксов (которых иногда *просто не было* у передаваемых старославянскими однокорневыми дериватами греческих слов), но роль старославянской суффиксации состояла во многих случаях в компенсации греческого артикля, выступавшего в языке греческих оригиналов в качестве субстантивизатора.

Как отмечалось в начале главы, греческий и славянский языки времени кирилло-мефодиевских переводов типологически были довольно близки во многих отношениях, в том числе и в сфере суффиксации, и в субстантивном употреблении адъективов. Выявление переводческих установок св. Кирилла в употреблении суффиксации и субстантивном употреблении адъективов начнем с анализа в этом направлении евангельского текста и текста Псалтыри, задача переводов которых предстала перед свв. Кириллом и Мефодием прежде всего.

В сфере суффиксации нельзя не отметить некоторой аналогичности, которая, однако, объясняется не калькированием, а типологической близостью греческого и старославянского языков того времени в этой сфере. Так, отглагольные существительные ср. р. с суффиксом *-ьj(e)* (т. е. с комплексами *-ньj(e)*, *-еньj(e)*) довольно часто переводят греческие отглагольные существительные с суффиксами *-μος*, *-μα*, *-σις* (Chantraine 1933: 132–147; 175–190; 275–289). Ср. переводы существительных с суффиксом *-μος*:

ἀλαλαγμός – вскланковеннє Пс 26:6 Син; Пс 46:6 Син –
вскланцаннє Пс 32:3 Син; Пс 150:5 Син;

ἀσπασμός – цѣлованнє Л 1:44 Зогр, Мар, Ас, Сав, Ват; Л 1:41 Зогр,
Мар, Ас, Сав; Л 1:29 Зогр, Мар, Ас, Ват; Мт 23:7 Мар, Ват; Мк
12:38 Зогр, Мар; Л 11:43 Зогр, Мар;

βάπτισμός – крѣщеннє Мк 7:4 Зогр, Мар; Мк 7:8 Зогр, Мар;

διωγμός – нзгзнаннє Мк 10:30 Зогр, Мар;

διαλογισμός – помышление Мт 15:19 Зогр, Мар; Мк 7:21 Зогр, Мар; Л 2:35 Зогр, Мар; Л 9:46 Зогр, Мар; Л 24:38 Мар, Ас; Пс 39:6 Син; Пс 55:6 Син; Пс 91:6 Син; Пс 93:11 Син;

διαμερισμός – раздѣление Л 12:51 Зогр, Мар
и др.

Ср. переводы существительных с суффиксом -μα:

ἀγαλλίαμα – радование Пс 47:3 Син; Пс 118:111 Син;

αἴτημα – прошение Л 23:24 Зогр, Мар; Пс 19:6; Пс 36:4 Син; Пс 105:15 Син;

ἀλάλαγμα – всклицание Пс 43:13 Син;

ἀμάρτημα – сзгрѣшение Мк 3:28 Зогр, Мар;

βάπτισμα – крещение Мк 1:4 Зогр, Мар, Ас, Сав, Ват; Мк 10:38 и 39 Зогр, Мар, Ас, Сав, Ват; Л 3:3 Зогр, Мар, Ас, Сав, Ват; Мт 3:7 Ас, Ват, Остр; Мк 11: 30 Зогр, Мар; Л 7:29 Зогр, Мар; Л 12:50 Зогр, Мар; Л 20:4 Зогр, Мар; Мт 20:22 Мар; Мт 20:23 Мар; Мт 21:25 Мар;

δικαίωμα – оправдание Л 1:6 Зогр, Мар, Ас; Пс 17:23 Син; Пс 18:9 Син; Пс 49:16 Син; Пс 88:32 Син; Пс 104:45 Син; Пс 118:27 Син; Пс 118:33 Син; Пс 118:56 Син; Пс 118:83 Син; Пс 118:94 Син и др.

Ср. переводы существительных с суффиксом -σις:

ἀγαλλίασις – радование Пс 41:5 Син (веселіе в Л 1:14 Зогр, Мар, Ват; Пс 125:2 Син);

ἀγάπησις – възлюбление Пс 108:5 Син;

ἀνάβλεψις – прозрѣніе Л 4:19 Мар, Ас, Сав; Л 7:21 Зогр, Мар;

ἀνάμνησις – възпоминание Пс 37:1 Син; Пс 69:1 Син;

ἀνάστασις – възкрѣшение И 11:24 Зогр, Мар, Ват, Остр – възкрѣсеніе в Ас; И 11:25 Зогр, Мар, Сав, Ват, Остр – възкрѣсеніе в Ас; Мк 12:8 Зогр, Мар; Пс 65:1 Син и др.;

ἀντάμειψις – въздаяніе Пс 118:112 Син;

ἀπάντησις – сзрѣтеннѣ Мт 25:6 Зоґр, Мар, Ас, Сав, Ват, Остр;

ἀποκάλυψις – окрзвеннѣ Л 2:32 Зоґр, Мар, Ас, Сав, Остр, СинН;
и др.

Уже на этой стадии становления старославянского языка складывается соответствие старославянского суффикса *-stv(o)*, ставшего впоследствии очень продуктивным в образовании книжной старославянской лексики, греческому суффиксу *-(α)*. Ср.:

ἀπιστία – невѣрство Мт 17:20 Мар, Ас; Мт 13:58 Мар; Мк 6:6 Мар;

ἐξουσία – владзичѣство Л 20:20 Зоґр, Мар;

ἡγεμονία – владзичѣство Л 3:1 Зоґр, Мар, Ас, Сав;

μαρτυρία – сзвѣдѣтельство Мк 14:59 Зоґр, Мар; И 5:31 Зоґр, Мар, Ас; И 19:35 Зоґр, Мар, Ас и др.

παρθενία – дѣвство Л 2:36 Зоґр, Мар, Ас, Сав;

παροιμία – прншьльство Пс 118:54 Син;

προφητεία – пророчьство Мт 13:14 Зоґр, Мар.

Некоторый параллелизм суффиксов *-της* и *-tel'(b)* в номинациях лиц, о котором упоминалось выше, более характерен для несколько более поздних переводов. На ранней стадии становления старославянского языка слова с суффиксом *-της* переводились словами и с другими суффиксами: с суффиксом *-ik(ъ)* (также в составе составного суффикса *-(bn)ik(ъ)*) даже чаще, чем словами с суффиксом *-tel'(b)*. Таким образом, в евангельском и псалтырном тексте соответствия комплекса *-(bn)ik(ъ)* суффиксу *-της* встречаются чаще, чем соответствия суффиксу *-της* суффикса *-tel'(b)*. Ср.:

-της → -(bn)ik(ъ)

βιαστής – нѣждьннкъ Мт 11:12 Зоґр, Мар, Ас, Остр, ноуждьннкъ в Сав, Ват, Мст 192в, бѣдъннкъ в Мст 35а;

βουλευτής – Мк 15:43 Зоґр, Мар, Ас, Остр, Мст;

ἐκδικητής – мьстьннкъ Пс 8:3 Син;

ἐπιστάτης – наставьннкз Л 8:45 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр, Мст;
Л 17:13 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр, Мст;

καθηγητής – наставьннкз Мт 23:10 Мар, Ас, Ват, Остр, Мст;

κερματιστής – пѣнажньнкз И 2:14 Зогр, Мар, Ас, Остр, Мст;

κολλυβιστής – трзжньнкз И 2:15 Зогр, Мар, Остр, Мст
(προδααη в Ас);

ληστής – ρазвонннкз И 10:1 Зогр, Мар, Ас и мн.др.;

μαθητής – оученнкз Л 7:11 Зогр, Мар, Ас и мн.др.;

ὄφειλέτης – длзжньнкз Мт 6:12 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр, Мст;
Л 11:4 Зогр, Мар, Сав, Остр, Мст 82б (длзжньнзи в Мст 177в);

προσκυνητής – поклоньннкз И 4:23 Мар, Ас, Ват, Остр, Мст;

συκοφάντης – клеветьннкз Пс 71:4 Син;

συστασιαστής (вариант στασιαστής) – ковьннкз Мк 15:7 Зогр, Мар;

τραπέζιτης – трзжньнкз Мт 25:27 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр, Мст;

ὑπερασπιστής – заштньннкз Пс 17:31 Син; Пс 27:7 Син; Пс 58:12
Син; Пс 83:10 Син; Пс 113:17 Син; Пс 113:18 Син; Пс 113:19 Син;

χρεοφειλέτης – длзжньнкз Л 7:41 Зогр, Мар, Ас, Остр, Мст.

-της → -tel'(b)

βαπτιστής – крѣстнтелѣ Мт 11:11 Зогр, Мар, Ас, Сав; Мт 14:8 Зогр,
Мар; Мк 6:25 Зогр, Мар, Ас и др.;

βασανιστής – мѣхнтелѣ Мт 18:34 Мар, Ас, Сав;

ἐργάτης – дѣлателѣ Мт 20:1 Мар, Ас, Сав; Мт 20:2 Мар, Ас, Остр;
Мт 20:8 Мар, Ас, Сав; Л 13:27 Зогр, Мар, Ас, Сав; Мт 9:37 Зогр,
Мар;

εὐεργέτης – благодателѣ Л 22:25 Мар – благодѣтелѣ Л 22:25 Зогр;

θεριστής – жателѣ Мт 13:39 Зогр, Мар (жателѣне в Ас);

κριτής – сѣднтелѣ Пс 7:12 Син;

λυτρωτής – нзбавнтелѣ Пс 18:15 Син; Пс 77:35 Син;

μεριστής – дѣлнтелѣ Л 12:14 Мар;

πολίτης – жнтелѣ Л 15:15 Зогр, Мар, Ас, Сав;

προδότης – прѣдатеѣ Л 6:16 Зогр, Мар;

ρύστης – нзбавнтелѣ Пс 17:3 Син; Пс 17:49 Син; Пс 69:6 Син;

σκεπαστής – покровнтелѣ Пс 70:6 Син;

ὑπερασπιστής – зашнтнтелѣ Пс 26:1 Син; Пс 27:8 Син; Пс 30:3 Син;
Пс 36:39 Син; Пс 70:3 Син.

Типологическая близость греческого и славянского языков того времени сказывалась и в субстантивном употреблении адъективов. Номинации субстантивно употребленными адъективами широко распространены в греческих оригиналах старославянских текстов. Такая черта греческих текстов Св. Писания и другой раннехристианской литературы во многом была обусловлена существованием в греческом языке артикля. Функции артикля в греческом языке рассматриваемой эпохи обычно связывают так или иначе с выражением категории определенности / неопределенности⁸. Но также одной из основных функций греческого артикля являлась функция субстантивизатора – не только адъективов, но также инфинитивов, несколькословных выражений и даже целых предложений (Blass, Debrunner 1961: 138–140). С точки зрения теории номинации важно, что в греческом

⁸ Проведенное в свое время Н. И. Толстым тщательное исследование обстоятельств употребления полных и кратких форм старославянских прилагательных на материале евангельских текстов подтвердило предположение, высказывавшееся палеославистами начиная с XIX в., что «компенсацией» этой функции греческого артикля при переводе на старославянский являлось употребление полных форм, так как использованием полной формы выражалась определенность (Толстой 1957). Однако большое количество отклонений от принципа использования полной формы для выражения определенности (resp. краткой формы – неопределенности) указывает, что это положение действовало в старославянском языке не как жесткий закон, а, скорее, как тенденция.

языке употребление артикля с адъективом превращало последний в субстантив.

Субстантивное употребление адъективов в византийском греческом оказалось близким к одному из способов номинации в славянской народной речи: почти любое славянское прилагательное, способное обозначать характерный и постоянный признак предмета, могло именовать по нему предмет. Как мы уже отмечали в предыдущей главе, данный способ номинации уходит корнями в глубокую праславянскую древность, так как среди этих прилагательных встречается довольно много «messages from the past» – лексем с древней структурой общеименной суффиксации. Явно были заимствованы из славянской народной речи такие наименования лиц, как *глоухзин*, *нѣмзин*, *слѣпзин*, *снрзин*, *богатзин* и т. п. Например:

Мк 7:37: Καλῶς πάντα πεποίηκεν· καὶ τοὺς κωφοὺς ποιεῖ ἀκούειν, καὶ τοὺς ἀλάλους λαλεῖν.

– добръ всѣ творитъ . и *глоухзина* творитъ слзшати . и *нѣмзина* глѣти . Зоґр, Мар, Ас, Сав;

Мк 8:23: Καὶ ἐπιλαβόμενος τῆς χειρὸς τοῦ τυφλοῦ, ἐξήγαγεν αὐτὸν ἔξω τῆς κώμης·

– и нмз за ржкж *слѣпаго* . и нзведе н взнз из всн . Зоґр (слѣпаго в Мар).

Реже встречаются номинации такого типа абстрактные и предметные. Как правило, адъективы субстантивируются в этом случае – как в греческом, так и в старославянском – в ср. р. (ед. и мн. числа):

Мк 7:23: πάντα ταῦτα τὰ πονηρὰ ἔσωθεν ἐκπορεύεται

– всѣ сн *ззлаѣ* . из жрни исходятъ . Зоґр – всѣ сн *ззла* ... Мар;

Мк 4:5: Ἄλλο δὲ ἔπεσεν ἐπὶ τὸ πετρῶδες

– а другое паде на *каменьнѣмь* . Мар (в Зоґр утрачено).

Славянскими книжниками путем субстантивации адъективов был создан довольно значительный пласт новой славянской лексики. Например, в наименованиях лиц: *ἀδικος* – *неправьдынз* (т. е. ‘неправедный человек’), *ἀσεβής* – *нечьстнвз* (т. е. ‘нечестивый, безбожный человек’), *εὐσεβής* – *благочьстнвз* (т. е. ‘благочестивый, набожный человек’) и мн. др.

Как видим, оба языка – как греческий, так и старославянский – имели возможность номинации и путем использования суффиксальных существительных, и путем субстантивного употребления адъективов. Тем не менее, начиная с первых переводов – Евангелия и Псалтыри – в старославянских текстах наблюдается преобладание суффиксальных существительных над субстантивно употребленными адъективами по сравнению с греческими оригиналами, особенно в номинациях лиц. При этом активизировались суффиксы, получившие свою продуктивность в ходе становления старославянского языка, и прежде всего суффикс *-ik(ъ)* (в том числе в составе суффикса *-(ъn)ik(ъ)*).

Почему в старославянских текстах суффиксальные существительные получили преобладание над субстантивно употребленными адъективами по сравнению с греческими оригиналами чаще всего именно в номинациях лиц? Потому что субстантивизаторская функция артикля в греческих оригиналах старославянских текстов проявлялась чаще всего именно в номинациях лиц.

Посмотрим на греческий текст Евангелия и Псалтыри. Многочисленные предметные и абстрактные номинации представлены в нем, главным образом, либо словами общеименной суффиксации (т. е. без характерных для собственно существительных суффиксов), но употребляющимися *только в качестве существительных*, либо существительными с характерными для существительных суффиксами. В славянском переводе мы видим такую же определенность в частеречной принадлежности переводящих слов: слова общеименной суффиксации, употребляющиеся, как правило, только в качестве существительных, либо существительные с характерными для существительных суффиксами. Ср., например, следующие предметные номинации:

τὸ ἄλευρον – мѣка Мт 13:33 Зогр, Мар; Л 13:21 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр;

ἡ ἄμπελος – внно Пс 79:9 Син; Пс 104:33 Син;

ὁ ἄνεμος – вѣтръ Мт 14:30 Зогр, Мар, Ас, Сав; Мт 7:25; Мт 11:7; Пс 1:4; Пс 17:43; Пс 34:5 и др.;

τὸ ἄριστον – обѣдѣ Мт 22:4 Мар, Ас, Ват, Остр; Л 11:38 Зогр, Мар; Л 14:12 Зогр, Мар; Л 14:15 Мар;

ὁ ἀσκός – мѣхъ Мк 2:22 Зогр, Мар; Л 5:37 Зогр, Мар; Мт 9:17 Мар; Пс 32:7 Син; Пс 77:13 Син; Пс 118:83 Син;

ἡ ἀστραπή⁹ – млзнын Л 10:18 Зогр, Мар, Ас, Сав; Пс 76:19 Син и др.;

ὁ, ἡ βάτος – кѣпнна Мк 12:26 Зогр, Мар; Л 6:44 Зогр, Мар; Л 20:37 Зогр, Мар;

τὸ βλέφαρον – вѣжда Пс 10:4 Син – вѣко Пс 131:4 Син;

ἡ θυσία (‘обряд’, позднее ‘жертва’) – жрътва Л 2:24 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр; Пс 95:8 Син и др.;

ἡ οἰκία – домъ Мт 8:13 Зогр, Мар; Мт 8:14 Зогр, Мар, Ас, Сав; Мт 9:23 Зогр, Мар, Ас (храмнна в Сав); Пс 100:7 Син; Пс 127:3 Син и др.;

τὸ σχίσμα¹⁰ – днра Мт 9:16 Мар; Мк 2:21 Зогр, Мар и мн. др.;

следующие абстрактные номинации:

ἡ αἰτία – внна Мт 19:3; Мт 19:10; И 18:38 Зогр, Мар, Ас, Сав;

ἡ ἀνάγκη – бѣда Л 21:23 Зогр, Мар; Пс 24:17; Пс 30:8; 106:6 и др. – нѣжда Л 14:18 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр;

ὁ λοιμός – моръ Л 21:11 Зогр, Мар;

ἡ ἀπώλεια – гзыбѣль Мт 26:8 Зогр, Мар, Ас, Сав – пагоуба Мт 7:13 Зогр, Мар, Ас – погзыбѣль Пс 87:12 Син;

ἡ ἐκδίκησις – мьсть Л 18:7 Зогр, Мар, Ас, Сав; Пс 93:1 – мьщеннѣ в Л 21:22 Зогр, Мар;

⁹ Слово ἀστραπή в греческом употреблялось в качестве существительного. Этимологически слово представляло собой, видимо, древнее сложение ἀστήρ + корень *ok^w- (Chantraine 1968: 128); возможно, слово принадлежало субстратному слою (Beekes 2010: 156).

¹⁰ Образование от глагола σχίζω (Chantraine 1977: 1081).

ἡ εὐθύτης – правизин Пс 9:9 Син; Пс 16:2 Син – правость Пс 44:7 Син; Пс 66:5 Син и др. – правота (во мн.ч.) Пс 36:37 Син; Пс 74:3 Син;

ἡ κόλασις – мжка Мт 25:46 Зогр, Мар, Ас, Сав;

ἡ λαμπρότης – свѣтълота Пс 109:3 Син – свѣтълость Пс 89:17 Син;

ἡ πικρία – горесть Пс 9:28 Син
и мн. др.

Среди предметных номинаций в евангельском и псалтырном тексте редко встречаются такие как τὸ ἡδύοσμον, т. е. номинации субстантивированным посредством артикля адъективом при функционировании данного адъектива в узусе языка рассматриваемой эпохи также и в качестве собственно адъектива. В случае с τὸ ἡδύοσμον, адъективом, субстантивированным посредством артикля в ср. р. и переведенном существительным мата в Мт 23:23 (Мар) и в Л 11:42 (Зогр, Мар), в узусе языка отмечается употребительность ἡδύοσμος также и в качестве адъектива (Liddell, Scott 1996: 765). Чаше среди предметных номинаций в греческих текстах встречаются слова общеименной суффиксации, употребительные в разных родах, однако при этом в разных родах номинирующие предмет, т. е. функционирующие в узусе греческого языка рассматриваемой эпохи в качестве существительных, а не как адъективы. Так, например, в евангельском тексте встречается наименование ср. р. τὸ ἄχυρον, переведенное существительным пльва (Мт 3:12 Зогр; Л 3:17 Зогр, Мар, Ас, Сав), при том, что в узусе языка существовали также наименования м. р. ὁ ἄχυρος, и ὁ ἀχυρός, и ὁ ἀχυρμός (Chantraine 1968: 152), номинирующие тот же предмет (шелуху от обработки зерна) и не употребляющиеся в качестве адъективов. В евангельском тексте встречается наименование ж. р. ἡ δοχός, переведенное словом брѣвню (Мт 7:3 Зогр, Мар, Ас, Сав; Мт 7:4 Зогр, Мар, Ас; Мт 7:5 Зогр, Мар, Ас, Сав; Л 6:41; Л 6:42 Зогр, Мар), адъективом по происхождению (ЭССЯ 3: 72–73), но прочно вошедшим в славянский узус как номинация предмета. В узусе греческого языка существовало и наименование м. р. ὁ δοχός (Liddell, Scott 1996: 443), но также номинирующее предмет – бревно. В евангельском и псалтырном тексте встречается наименование ж. р. ἡ νομή, переведенное словом пажнтъ (И 10:9 Зогр, Мар, Ас, Сав; Пс 73:1

Син; Пс 78:13 Син), при том, что в узусе языка существовало также и наименование м. р. $\delta\ \nu\omicron\mu\omicron\varsigma$ с близким значением (Liddell, Scott 1996: 1180). Примеры можно умножать.

С другой стороны, в греческом евангельском и псалтырном тексте (особенно в евангельском) среди наименований *лиц* встречается достаточно большое количество *адъективов*, функционирующих в языке в качестве адъективов, но для номинации лица (человека) употребленных в тексте субстантивно (по большей части с артиклем) и переведенных на старославянский язык суффиксальными существительными. Наиболее «активным» в этих переводах оказался суффиксальный комплекс *-(ьн)ик(ь)*, хотя встречаются в таких случаях наименования существительными и с другими суффиксами. Ср.:

-(ьн)ик(ь)

$\acute{\alpha}\delta\iota\kappa\omicron\varsigma$ – неправдььннкъ Л 18:11 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр;

$\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\upsilon\epsilon\nu\acute{\eta}\varsigma$ – нноплеменьннкъ Л 17:18 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр;

$\acute{\alpha}\lambda\lambda\omicron\phi\upsilon\lambda\omicron\varsigma$ – нноплеменьннкъ Пс 107:10 Син;

$\acute{\alpha}\iota\chi\mu\acute{\alpha}\lambda\omega\tau\omicron\varsigma$ – плѣньннкъ Л 4:18 Мар, Ас, Сав, Остр;

$\acute{\alpha}\mu\alpha\rho\tau\omega\lambda\acute{\omicron}\varsigma$ – грѣшьннкъ Мк 2:17 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр; Л 18:13 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр; Пс 103:35 Син; Пс 118:110 Син и мн. др.;

$\acute{\alpha}\nu\theta\rho\omega\pi\acute{\alpha}\rho\epsilon\sigma\kappa\omicron\varsigma$ – чловѣкоугодьннкъ Пс 52:6 Син;

$\acute{\alpha}\nu\omicron\mu\omicron\varsigma$ – безаконьннкъ Мк 15:28 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр; Л 22:37 Зогр, Мар; Пс 36:28 Син; Пс 103:35 Син;

$\acute{\alpha}\rho\pi\alpha\acute{\xi}$ – хзищьннкъ Мт 7:15 Зогр, Мар, Остр; Л 18:11 Зогр, Мар, Ас, Сав;

$\acute{\alpha}\rho\rho\omega\sigma\tau\omicron\varsigma$ – недѣжьннкъ Мк 6:5 Зогр, Мар, Мст 62б (недѣжьнзын в Мст 198в); Мк 16:18 Мар (недѣжьнзын в Ас, Остр, Мст);

$\beta\omicron\eta\theta\acute{\omicron}\varsigma$ – помощьннкъ Пс 51:9 Син;

$\delta\acute{\iota}\kappa\alpha\iota\omicron\varsigma$ – правдььннкъ Мт 27:19 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр; Пс 10:3 Син и мн. др.;

$\acute{\epsilon}\upsilon\chi\acute{\alpha}\theta\epsilon\tau\omicron\varsigma$ – засѣдьннкъ Л 20:20 Мар (дѣлатель в Зогр, прѣлогатан в Мст);

ἔθνικός – ѿззиѿннкъ Мт 6:7 Зоґр, Мар, Ас, Сав, Остр; Мт 18:17
Мар, Ас, Остр;

εὐνοῦχος – Мт 19:12 Мар, Ас, Сав, Остр;

κοινωνός – наслѣдѣннкъ Л 5:10 Мар – обѣщѣннкъ Зоґр, Ас, Мст;
– обѣщѣннкъ Мт 23:20 Мар, Остр, Мст;

μέτοχος – прнчѣстѣннкъ Л 5:7 Зоґр, Мар, Ас, Остр; Пс 44:8 Син;

μίσιος – нанмѣннкъ / наѣмѣннкъ Л 15:17 Зоґр, Мар, Ас, Сав, Остр;
Л 15:21 Зоґр, Ас, Сав, Остр; Л 15:21 Зоґр, Ас, Сав, Ват;

μισθωτός – нанмѣннкъ / наѣмѣннкъ И 10:12 Зоґр, Мар, Ас, Сав,
Остр; Мк 1:20 Зоґр, Мар, Мст;

νομικός – законѣннкъ Л 10:25 Зоґр, Мар, Ас, Сав, Остр; Л 14:3
Зоґр, Мар, Ас, Сав, Остр;

παραβαίνων – прѣстѣпѣннкъ Пс 118:119 Син;

πάροικος – прѣселѣннкъ Пс 38:13 Син;

ρύόμενος – нзбавѣннкъ Пс 70:11 Син;

-ѣс(ѣ)

δίδυμος – блнзньць И 20:24 Мар, Ас; И 21:2 Зоґр, Мар, Ас;

νεκρός – мрѣтвѣць Мт 8:22; Л 9:60 Зоґр, Мар, Ас (мрѣтвѣн в Сав);

πρεσβύτερος – старѣць Мт 15:2; Мк 14:53; И 8:9; Л 15:25 и др;
Пс 104:22 Син;

πρωτότοκος – прѣвѣньць Мт 1:25; Л 2:7; Пс 104:36 Син и др.;

τυφλός – слѣпѣць Мт 20:30 Мар, Ас, Сав; Мт 15:14 и др.;

-ѣс(а)

ἁμαρτωλός – грѣшѣннца Л 7:37 Зоґр, Мар, Ас (грѣшѣна в Усп 195в8);

θυρωρός – двѣрѣннца И 18:16 Зоґр, Мар, Ас (вратаѣ в Сав);

ἀπολελυμένη – поуценнца Л 16:18 Зоґр (поуценна в Мар);

-tel'(b)

νομικός – законооучителъ Мт 22:35 Мар (законоуникъ в Ас, Остр);

γεωργός – тажатеелъ Мк 12:1; Мк 12:2; Мк 12:7; Мк 12:9;

-yŕ(i)

υεῖτων – сжсѣдзинн Л 15:9 Зогр, Мар.

Как видно из изложенного материала, при переводе предметных и абстрактных номинаций компенсации греческого артикля чаще всего не требовалось, так как эти слова функционировали в греческом языке того времени, как правило, только в качестве существительных, и перевод осуществлялся в большинстве случаев славянскими словами, также функционировавшими в узусе языка только в качестве существительных. Для номинаций же лиц, представлявших собой в греческих текстах субстантивно употребленные адъективы, наличие артикля было значимо и требовало какой-то компенсации при переводе. Использование для перевода существительного с характерным частеречным суффиксом сообщало с определенностью, что старославянское слово номинирует *предмет* (в широком смысле слова, в нашем случае чаще всего лицо), и суффиксация заменяла таким образом греческий артикль.

Как давно уже было замечено палеославистами, некоторые из номинаций суффиксальными существительными употреблялись параллельно с субстантивно употребленными прилагательными, т. е. неправдынкъ и неправдынн (оба как наименования человека), мрътъць и мрътъзн (оба как наименования человека) и т. п. – см., например, в (Цейтлин 1977: 94, 109). Надо полагать, что такие наименования человека как мрътъв(зн), слѣп(зн), заимствованные, несомненно, из народной славянской речи, оставались более обычными в старославянском языке, чем суффиксальные существительные с той же основой. Например, в Мариинском евангелии насчитывается 12 номинаций слепого человека суффиксальным существительным слѣпць, но 18 номинаций субстантивно употребленным прилагательным слѣп(зн). При этом оба наименования были, видимо, полностью синонимичны – как видим это в стихе Мт 15:14:

Мт 15:14: τυφλὸς δὲ τυφλὸν ἐὰν ὁδηγῆ, ἀμφότεροι εἰς βόθυνον πεσοῦνται.

- слѣпъ же слѣпъца аште воднтъ . оба въ тѣмъ впадета сѧ . Зогр
- слѣпецъ же слѣпъца аште воднтъ... Мар.

Возможно, неслучайна замена мрътвьць на мрътвзын в Л 9:60 в Саввиной книге, известной своими инновациями в направлении использования языковых средств народной речи:

Л 9:60: Ἐφεσ τοὺς νεκροὺς θάψαι τοὺς ἑαυτῶν νεκρούς.

- оставн мрътвзымъ . погретн своѧ мрътвьца . Зогр, Мар, Ас – мрътвзыкъ в Сав.

В несколько более поздних переводах, или переводах, подвергшихся редактированию, встречаем номинации субстантивно употребленным адъективом при утвердившемся уже соответствии греческому субстантивно употребленному адъективу славянского суффиксального существительного. Например, обнаруживается замена хъштъннкъ на взсхъитаѧн в Мстиславовом евангелии, древнерусском списке XI/XII века:

Мт 7:15: ἔσθθεν δὲ εἰσιν λύκοι ἄρπαγες

- взнѣтръѣдоу же сѣтъ вьцн . хъштъннцн . Зогр, Мар (взцн і хъштъннцн в Ас, Остр, Мст 1726)
- оутрѣоудѣ же соутъ взцн взсхъитающен . Мст 30в.

Замену сущ. грѣшьннца на субстантивно употребленное прил. грѣшьна видим в цитации стиха Л 7:37 в Успенском сборнике:

Л 7:37: Καὶ ἰδοῦ, γυνὴ ἐν τῇ πόλει, ἣτις ἦν ἀμαρτωλός, ἐπιγνοῦσα ὅτι ἀνάκειται ἐν τῇ οἰκίᾳ τοῦ Φαρισαίου, κομίσασα ἀλάβαστρον μύρου...

- і се жена въ градѣ . ѣже бѣ грѣшьннца . і оувѣдѣвшн ѣко вззлежнтъ въ храмнѣ фарнѣовѣ . прннесзшн алавастръ мѣра . Зогр, Мар, Ас
- н се жена въ градѣ . ѧже бѣ грѣшьна . разоумѣвшн ѧко вззлежнтъ въ домоу фарнѣовѣ . прннесзшн стькланнцю блговоньнзи мастн . Слово о блуднице, Усп.сб. 195в8.

В переводе Ветхого завета встречаем номинацию лица (т. е. человека) неправднвъ, с характерным для узуса преславских книжников

суффиксом прилагательных *-iv-*, для перевода субстантивно употребленного адъектива *ἄδικος* – при утвердившемся еще со времени перевода Евангелия соответствии *ἄδικος* – неправдѣннкъ:

Иез 21:8: *καὶ ἐξολεθρεύσω ἐκ σοῦ ἄδικον καὶ ἄνομον*
– н потрѣблѧ нс тебе неправдѣнѧ н беззаконннка . F I.461 269б 26.

Ср. *ἄδικος* – неправдѣннкъ:

Л 18:11: *ὅτι οὐκ εἰμι ὡσπερ οἱ λοιποὶ τῶν ἀνθρώπων, ἀρπαγες, ἄδικοι, μοιχοί...*

– ѣко нѣсмь ѣко ѿ прочнѣ ѡцн . кзштѣннцн . неправдѣннцн . прѣлюводѣ . Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр.

Примеры можно умножать.

Представляется, что в несколько более поздних переводах и при несколько более позднем редактировании уже существовавших переводов сталкивались две тенденции: с одной стороны, стремление следовать переводческим установкам Св. Кирилла на компенсацию греческого артикля путем суффиксации и использовать уже вошедшие в старославянский лексический инвентарь суффиксальные существительные, но, с другой стороны, стремление славянских книжников подражать морфологической структуре греческих соответствий.

Калькирование обнаруживается иногда в области префиксации. Однако и здесь следует учитывать, что формальное соответствие морфемных структур старославянского слова и его греческого соответствия (или одного из его греческих соответствий) еще не является основанием считать старославянское слово калькой. Ср., например:

Pref - StV - SufV - Suf¹¹

δι - ορθ - ω - τής

нс - прав - н - телѣ

¹¹ В формулах здесь и далее используем обычные обозначения: А – адъектив, N – имя (субстантив), V – глагол, Adv – адverb, Part – причастие, St – основа (корень), Suf – суффикс, Pref – префикс, Fl – флексия, сор – соединительный элемент.

Однако *нсправнтелѣ* ‘руководитель’ (Прем 7:15 Зах 251vβ9) образовано не путем калькирования, а от глагола *нсправнтн* (в тексте Евангелия и Псалтыри переводит греч. *εὐθύνειν, κατευθύνειν, καθορθοῦν, ἀνορθοῦν*), который мог развивать значение ‘направить, наставить’ (SJS I: 808).

Или:

Pref - StV - SufV - Suf
 δι - αιτ¹² - η - τής
 vzz - нск - а - теѣѣ

Однако *vzзнскатеѣѣ* ‘судья, посредник в споре’ (Супр 501,28) образовано не путем калькирования, а от глагола *vzзнскатн* (в тексте Евангелия и Псалтыри переводит греч. *ζητεῖν, ἐκζητεῖν, ἀναζητεῖν*), который мог развивать значение ‘исследовать, установить’ (SJS I: 275–276).

Префиксацию в старославянском именном словообразовании следует, видимо, рассматривать как сложение (compounding). К композитам относили сложения с именными префиксами «старые палеослависты» (Ф. Миклошич, В. Ягич и др.), как «la composition» описывает сложения с префиксами и А. Вайан (Vaillant 1974: 753–764). В свое время Р. М. Цейтлин писала совершенно справедливо: «Различие между префиксом и первым компонентом сложения, представляющим собою корневую морфему, состоит лишь в степени семантической насыщенности...» (Цейтлин 1977: 191).

Из именных «старых» префиксов (**pa-*, **pra-*, **sɔ-*, **ɔ-*) только, видимо, **sɔ-* (сѣ-) участвует иногда в калькировании греческих префиксов, а именно в калькировании префикса *ἀντι-* в значении ‘ответности, взаимности’:

ἀντίδικος → сѣпърь ‘противник в суде или обыденной жизни’ (Л 18:3 Зогр, Мар, Ас, Сав; Мт 5:25 Зогр; Л 12:58 Зогр, Мар) – ср. пърьць ‘юрист, судейский’ ‘contentiosus’ (Miklosich 1862–1865: 758), (сѣпърьнкъ ‘противник в словесном споре’ образовано от сѣпърь);

¹² «Le verbe *αἰτέω* est un dénomiatif de **αἶτος*, attesté dans *ἔξαιτος...*» (Chantraine 1968: 40).

ἀντίπαλος → сѣпостатъ ‘противник, неприятель’ (Супр 388,27);
ἀνταγωνιστής, ἀντικείμενος, ἀντίπαλος → сѣпротнвѣннкъ ‘противник, неприятель’ (Супр 371,29; Супр 178,11–12; Супр 361,12);
ἀντιφωνία → сѣгласнѣ ‘антифон’ (Ен 26а4–5; Ен 31б4; Ен 31б4–5);
ἀντίθεσις → сѣпротнвнѣ ‘сопротивление’ (Супр 304,12);
ἀντανεμία → сѣпротнвѣѣтрнѣ ‘встречный ветер’ (Супр 294,2).

Как видно из примеров, калькирование могло происходить только в области префикса, в остальном морфемно-семантические структуры могли не совпадать¹³.

Префикс сз-, в праславянском являвшийся глагольным префиксом, соотносительным с именным *sǫ-, использовался славянскими книжниками в именном словообразовании для калькирования префикса сѣп-¹⁴. Об этом свидетельствуют такие новообразования, в которых префикс сз-, ничего не изменяя в значении префигурируемого имени, является как бы лишним, добавленным формально в подражание греческому слову. Ср.:

συνεργός → сѣпспѣшѣннкъ ‘сотрудник, помощник’ (1Кор 3:9 Христ, Охр, Слепч, Струм, Шиш и др.)

и *συνεργός* → сзсѣпспѣшѣннкъ ‘сотрудник, помощник’ (Рим 16:21 Христ, Слепч, Шиш и др.);

μέτοχος → сѣпнѣастѣннкъ ‘соучастник’ (Л 5:7 Зоґр, Мар, Ас, Остр и др.) и *συμμέτοχος* → сзсѣпнѣастѣннкъ ‘соучастник’ (Еф 3:6 Христ, Слепч, Шиш).

Калькирование префикса сѣп- можно предполагать также и в тех малочисленных (и при этом низкочастотных) словах, в которых префикс сз- имеет словообразовательное значение ‘совместности’:

¹³ Подробнее см. в (Ефимова 2006: 184–186).

¹⁴ В дальнейшей истории старославянского языка префиксы сз- и сѣп-, очевидно, смешивались в результате варьирования написаний в рукописях, затемняя для исследователя вопрос о способе образования некоторых слов. См., например, наши сомнения по поводу образования слов сзѣдлзжъ/сѣпѣдлзжъ и сѣпѣдлзжѣннкъ (Ефимова, Желязкова 2014: 13, примечание 10).

συστρατιώτης → сзвоннз ‘соратник’ (Супр 91,18; Супр 109,30);

σύνεδρος → сзстольннкз ‘помощник, ассессор’ (Супр 189,20–21);

συμμέτοχος → сзпрннмьннкз ‘соучастник’ (Супр 123,30);

συνασκούμενος → сзвзздрьжьннкз ‘сподвижник, тот, кто вместе с кем-либо ведет жизнь аскета’ (Зогр-лл 2а20).

Довольно часто наблюдается соответствие префиксов не- и без- префиксу ѧ- в переводимых греческих словах. Однако и здесь соответствие морфемных структур еще не является свидетельством образования старославянского слова путем калькирования. Так, например, начиная с евангельского текста субстантивно употребляется прил. недѣжьнзин ‘больной’, которое переводит греческое субстантивно употребляемое отглагольное прил. ἄρρωστος (Мт 14,14 Зогр, Мар, Ас, Сав; Мк 16,18 Ас; Мк 6,13 Зогр, Мар), с соответствием префикса не- префиксу ѧ- (Frisk II: 668; Chantraine IV: 981). Однако слово недѣжьнзин образовано от исконно славянского слова недѣгз ‘болезнь, недуг’ (ЭССЯ 24: 125–126) и им мотивировано. Вместе с тем в некоторых случаях учет обстоятельств вхождения слов с отрицательными префиксами в старославянский лексический инвентарь и взаимоотношений в нем этих слов с другими словами и греческими соответствиями указывает на калькирование. Так, например, для номинации немого человека в старославянском языке обычно употребляется слово славянской народной речи нѣмз(ин), и это слово, начиная с евангельского и псалтырного текста, используется для перевода как κωφός, так и ἄλαλος. В том числе и в стихе Мк 7,37 ἄλαλος было переведено словом нѣмз(ин), о чем свидетельствуют все старшие евангельские кодексы. Однако при аллюзии на этот стих в тексте Синайского евхология ἄλαλος переведено уже не как нѣмз(ин), а как неглаголян:

τοῦ κωφοῦ ἀκούειν ἐμφυτεύσαντος καὶ ἄλαλοις τὸ λαλεῖν ἀνορθώσαντος
– всаждьшннмз глаухзмз слоухз ι неглаѣщннмз глатн . Евх 53а
23–24.

Т. е. в этом случае славянские книжники постарались приблизить морфемную структуру переводящего старославянского слова к структуре слова греческого путем создания нового наименования с

калькированием отрицательного префикса. Таким же образом выявляется влияние отрицательного префикса *ἀ-* на образование слова *неправдѣнъ(зѣн)* ‘неправедный человек’ – при сопоставлении употребления *неправдѣнъ(зѣн)* в большинстве старших евангельских кодексов с употреблением в Саввиной книге слова *обндѣлнѣзѣн* в том же месте евангельского текста в соответствии с *ἄδικος*:

Мт 5:45: ὅτι ... βρέχει ἐπὶ δικαίους καὶ ἀδίκοις.

– ѡко ... дзжднтѣ на праведнѣнѣ . и неправдѣнѣнѣ . Зогр, Мар, Ас

– ѡко ... дзжднтѣ на праведнѣнѣ . н обндѣлнѣнѣ Сав.

В целом же можно сказать, что на образование массы старославянских слов с отрицательными префиксами оказал влияние язык греческих оригиналов, однако это влияние выражалось не столько в прямом калькировании греческих слов, сколько в выборе и дальнейшей разработке исконно славянских словообразовательных моделей¹⁵.

¹⁵ Подробнее см. в статье (Ефимова 2005).

Глава III

Композиты

В старославянском лексическом фонде композиты и дериваты от композитов занимают довольно большое место. Согласно подсчетам Р. М. Цейтлин, «каждое 16-е слово в языке СП (старославянских памятников, т. е. рукописей старославянского канона. – В. Е.) является двукорневым сложением» (Цейтлин 1977: 186). Р. М. Цейтлин не делала различий между композитами и дериватами от композитов, рассматривая их вместе в качестве сложных слов (Цейтлин 1977: 186–284). Не делала различий между композитами и дериватами от композитов, проводя описание довольно большого материала из древнерусских списков, в своих работах 60-х – 70-х годов прошлого века и Л. В. Вялкина (Вялкина 1964; Вялкина 1966; Вялкина 1974). Э. Фэльт в монографии о композитах в переводе *Περὶ τοῦ Ἰουδαϊκοῦ πολέμου* также включал дериваты от композитов в категорию композитов (compounds) (Fält 1990: 13; 62–63). Также – уже, видимо, традиционно – не делается различий между композитами и дериватами от композитов в относительно недавних диссертациях – Л. Забранского (Zábranský 2010), Ц. Досевой (Досева 2013: 166–251). Изучение старославянских композитов и дериватов от композитов в рамках одной категории сложных (как правило, двукорневых) слов в какой-то мере оправданно: иногда (и даже не очень редко) невозможно определить, является ли старославянское сложное слово композитом или дериватом от композита¹. Такая ситуация со старославянским материалом вынуждает нас вернуться к определению сложного слова, данному «корифеями» отечественной теории словообразования И. С. Улухановым и В. В. Лопатиным в начале 60-х годов прошлого века: основным признаком сложных слов является наличие в слове двух или нескольких корневых морфем или основ (Лопатин, Улуханов 1963: 202–203). Однако для

¹ Ср. желание Н. Н. Низаметдиновой непременно разграничить «сложные» и «производносложные» слова в (древне)русском языке XI–XVII вв., для чего ею были разработаны специальные критерии (Низаметдинова 2013: 38–42).

решения проблем, связанных с образованием сложных слов в старославянском языке, разграничение сложных слов на композиты и дериваты от композитов необходимо иметь в виду.

Ряд упомянутых выше и других работ о старославянских сложных словах во многих отношениях не потерял своего значения до настоящего времени. Вместе с тем остается довольно много связанных с этой категорией слов нерешенных проблем, среди которых наиболее сложной, видимо, является проблема их образования. Р. М. Цейтлин, посвятившая композитам третью часть своего известного, неоднократно уже нами упоминавшегося, труда 1977 г., специально подчеркивала, что она не анализирует структуру различных моделей сложений (= композитов), оставляя эту сложнейшую словообразовательную проблему будущим исследователям (Цейтлин 1977: 192). Не изменила своей позиции в этом отношении Р. М. Цейтлин и почти десятилетие спустя (Цейтлин 1986: 214). С появлением отечественной теории словообразования, хорошо разработанной для синхронии русского языка, появились попытки «спустить» эту теорию также и на старославянский материал. В частности, такие попытки предпринимались в работах Н. Н. Низаметдиновой, в монографиях которой, посвященных сложным словам в русском языке XI–XVII вв., уделены большие главы и сложным словам старославянским (Низаметдинова 2003; Низаметдинова 2013). Здесь мы оставляем в стороне вопрос о возможности корректных исследований синхронных словообразовательных связей в лексиконе, извлеченном из письменных памятников, создававшихся на протяжении XI–XVII вв., и целесообразности такого исследования, проведенного Н. Н. Низаметдиновой. Попытка Н. Н. Низаметдиновой «спустить» теорию синхронного словообразования на старославянский материал не представляется нам удачной из-за игнорирования специфики творческих процессов в словотворчестве славянских книжников на начальном этапе становления древнеславянского языка (т. е. в эпоху существования старославянского языка, который, как было отмечено в Главе I, мы вслед за Н. И. Толстым рассматриваем в качестве начального этапа общего для всех славян древнеславянского литературного языка). Для достижения нашей цели определения путей формирования старославянского лексического фонда исследовательская задача состоит не только и не столько в выявлении синхронных словообразовательных

связей и направлений мотиваций в лексической системе старославянского языка, сколько в изучении механизмов номинации при осуществлении переводов на него (главным образом, с греческого языка).

Итак, перейдем к рассмотрению сложнейшей проблемы словообразования старославянских композитов, стараясь разобраться в специфике творческих процессов, происходящих при их образовании в словотворчестве славянских книжников.

Композиты, не демонстрирующие греческого влияния, в древних славянских рукописях немногочисленны. Обычно приводят в качестве примеров братоу҃аѡѡ, маѡѡѡѡѡ, братѡѡѡѡѡ, вельмоѡѡ, воѡѡѡѡѡ, меѡѡѡѡѡ, ѡѡѡѡѡѡѡ, ѡѡѡѡѡѡѡ и нек. др., заимствованные славянскими книжниками из народной славянской речи того времени и восходящие к дописьменному существованию славянских диалектов (Bláňová 1996: 262). Основная же масса старославянских композитов представляет собой результат словотворчества славянских книжников. Уже В. Ягич в своем исследовании конца XIX в. описывал композиты в тексте Евангелия, Псалтыри и Апостола как кальки с греческого (Jagić 1898: 536–550). С тех пор ни у кого из палеославистов существование влияния греческого языка на данную область старославянского лексикона не вызывало сомнений.

В нашей статье 2007 г. утверждалось, что образование старославянских композитов необходимо рассматривать в качестве специфического способа словообразования и что именно при образовании композитов поморфемное калькирование нашло у славянских книжников наиболее широкое применение. Этот способ словообразования подобен двуликому Янусу, обращенному сразу в две стороны: во-первых, к слову греческого оригинала, чья структура так или иначе воссоздавалась славянскими средствами (отношения «текст → текст»), и, во-вторых, к старославянскому словообразовательному механизму с его собственными моделями и словообразовательными средствами, т. е. к сфере парадигматических связей внутри старославянского лексического инвентаря (Ефимова 2007). В предыдущей главе мы отмечали, что при создании старославянского композита поморфемное калькирование²

² Как отмечалось в предыдущей главе, мы будем продолжать пользоваться термином «поморфемное калькирование», хотя это калькирование не всегда было полностью «поморфемным».

заклучалось для славянских книжников в переводе корневых морфем (как правило, двух) композита греческого, т. е. двух греческих знаменательных морфем, указывающих на понятия. И именно соположение двух корневых знаменательных морфем, диктуемое греческим образцом, показывает, что новое старославянское слово было создано не только с использованием возможностей и механизма старославянской словообразовательной системы, но в подражание греческому слову, его двукорневой морфологической структуре, т. е. с применением калькирования. Не всегда между компонентами старославянского композита можно установить непосредственные семантико-синтаксические зависимости³. Это объясняется спецификой творческих процессов в словотворчестве славянских книжников, которая проявлялась, в том числе, и в том, что в словообразовательной процедуре создания нового старославянского композита при передаче корней (основ) калькируемого греческого слова для них имела значение лишь их общая семантика (*le sens général*), и потому в этой процедуре книжники использовали иногда славянские «готовые компоненты», т. е. использовали корневые славянские компоненты, входящие в структуры уже существовавших ранее композитов – существовавших либо в народной славянской речи, либо в созданном самими славянскими книжниками старославянском инвентаре, но на более раннем этапе его формирования. В результате не всегда можно указать на какого-либо рода славянское словосочетание (зафиксированное в текстах или предположительно возможное), на базе которого мог бы быть образован старославянский композит, из чего следует, что в процедуре образования композита с применением калькирования наличие такого «базового» словосочетания не было по меньшей мере обязательным. Это было показано в нашей статье 2018 г. на примере старославянских композитов, калькирующих греческие композиты с первым компонентом в виде основы $\zeta\omega(o)$ - (Ефимова 2018а: 30–32).

³ По этой причине нам не представляется удачной и попытка Э. Фэльта построить классификацию старославянских композитов в рамках теории трансформационной грамматики, в соответствии с чем он рассматривал старославянские композиты в качестве синтаксического феномена (*syntactic phenomenon*) (Fält 1990).

Основа ζω(ο)- (глагола ζῆν) имеет семантику ‘жить, быть живым’ (Chantraine I: 402–403). Первым из калькирующих греческие композиты с основой ζω(ο)- был образован, видимо, композит жнвотворнтн – как калька греч. ζωοποιεῖν. Опорным компонентом композита жнвотворнтн выступает глагол творнтн ‘делать’, в качестве же первого компонента использовалась основа жнв- от прил. жнвз(зн) ‘живой’ (т. е. композит был образован по модели [основа – слово]). И в тексте Апостола, и в календаре Евангелия-апракос (пример сохранился в Ассеманиевом евангелии) глагол жнвотворнтн встречается в форме дейст. причастия наст. вр. (ζωοποιῶν ~ жнвотворан):

Рим 4:17: *κατέναντι οὗ ἐπίστευσεν θεοῦ, τοῦ ζωοποιῶντος τοὺς νεκροὺς*⁴
– прамо њмоуже вѣрова боу . жнвотворащюмоу мьртвѣна Христ, Слепч, Мат;

1 Тим 6:13: *Παραγγέλλω σοι ἐνώπιον τοῦ θεοῦ τοῦ ζωοποιῶντος τὰ πάντα*

– запрѣщаѣ ти прѣдз бѣмз жнвотворащнмз всѣ . Охр (2×), Слепч, Шиш, Мат;

– (греч. не соотв.): поклоненне чєс(ть)ноумоу н жivotворащюмоу крѣстоу хѣвоу Ас 115а 8.

В данном случае прозрачные семантико-синтаксические зависимости легко устанавливаются: жнвотворнтн – «делать живым, оживлять»⁵. Подтверждение возможности в старославянском языке соответствующего словосочетания жнвз творнтн ‘делать живым’ находим в тексте Супрасльской рукописи:

слава тебѣ їсѣ хѣ ... съ нмз сзи прнсно слово божнє . жнвѣа снаа н жнвз творѣ всѣа . Супр 143,5 (Молитва Пиония).

Подобные семантико-синтаксические зависимости можно установить и в композите жнвотворьць, который мы находим в календаре Ассеманиева евангелия в контексте, сходном с приведенным выше

⁴ Напоминаем, что греческий текст здесь и далее цитируется по изданиям: Robinson, Pierpont 2005; Rahlfs 1952; Заимов, Капалдо 1982–1983; Симеонов сборник 2015; греческий текст календаря Евангелия – по (Μηναῖα 1888).

⁵ Ср. у А. Достала: «Živo-tvoriti “oživovati”» [Dostál 1954: 475).

(Ac 115a 8). Слово жнвотворьць в этом контексте так же, как и прич. жнвотворан, служит определением (приложением) слова крѣстѣ. Ср.:

Ἐψωσις τοῦ τιμίου καὶ ζωοποιῶ Σταυροῦ
 – в(з)двнже нїе чєс(ть)на(аго) ж(їв)отворца к(рѣс)та г(осподь)нѣ
 Ac 117a 22–23.

Композит жнвотворьць образован с помощью калькирования имени ζωοποιός⁶ на базе отглагольного имени творьць в качестве опорного компонента и основы жнв- в качестве первого компонента (т. е. здесь также использована модель [основа – слово]⁷). Следует отметить, что славянские книжники стали широко использовать прич. жнвотворан для передачи композита ζωοποιός, встречающегося в переводимых греческих текстах гораздо чаще, чем ζωοποιών (ср., например, уже в Синайском евхологии: 16b 14, 20a 19, 56a 5, 64b 4, 96a 1), тогда как сущ. жнвотворьць оказалось на периферии старославянского лексического инвентаря.

Однако, если обратиться к композиту жнводавьць ‘дающий жизнь, даритель жизни’, образованному с помощью калькирования греч. ζωοδότης, в его структуре уже нельзя усмотреть таких непосредственных семантико-синтаксических зависимостей. Создание композита жнводавьць без всяких сомнений следует отнести к эпохе существования старославянского языка (т. е. IX – начало XI в.). Хотя этот композит и не зафиксирован в кругу рукописей старославянского канона, наличие его в старославянском лексическом инвентаре подтверждается многочисленными свидетельствами более поздних списков гимнографических текстов со старославянских протографов: обнаруживаем его и в древнейшей Ильиной книге XI в. (Крысько 2015: 217), и в Новгородских минеях 1096 и 1097 гг. (Срезн I: 866), и в списках с произведений Климента Охридского (Поп-Атанасова, Костовска 2005: 135; Христова 1994: 102). Как в греческом, так и в старославянском

⁶ Второй компонент -ποιός этого греческого композита, по происхождению именной, каким-то образом связан с глаголом ποιεῖν, хотя соотношение между ποιεῖν и ποιός не вполне ясно (Frisk II: 570–572; Chantraine III: 923).

⁷ Опорный компонент творьць встречается в качестве самостоятельного слова в кругу рукописей старославянского канона: Словарь 1994 фиксирует 30 употреблений (Словарь 1994: 692).

комposite видим модель [основа – слово] ([ζω(ο)-δότης] ~ [жнв-о-давьць]⁸), однако основа жнв- выбрана славянскими книжниками в качестве «готового компонента», уже использовавшегося для передачи основы ζω(ο)- в ранее созданных композитах.

В списках со старославянских протографов гимнографических текстов встречается и другой вариант перевода греч. ζωδότης – композит жнзнодавьць, с основой жнзн- (от сущ. жнзнь ‘жизнь’) в качестве калькирующего основу ζω(ο)- первого компонента. Как видим, модель та же: [основа – слово] ([жнзн-о-давьць]), однако в композите восстанавливаются непосредственные семантико-синтаксические зависимости: «дающий жизнь, даритель жизни». Этот композит был, видимо, несколько менее распространен в эпоху существования старославянского языка, чем композит жнводавьць, но засвидетельствован в гимнографических текстах достаточно надежно (Крысько 2015: 217; Срезн I: 872). Зафиксирован композит жнзнодавьць и в лексическом инвентаре рукописей старославянского канона: обнаруживаем его в Супрасльской рукописи (Супр 176,18), где он, однако, использован для передачи словосочетания ὁ τῆς ζωῆς χορηγός и был, видимо, взят как уже готовое слово из переводов гимнографических текстов. Отметим, что в поздних списках со старославянских протографов не исключена вариативность жнводавьць – жнзнодавьць, что говорит о полной синонимии этих слов. Такую вариативность видим, например, в 4-м тропаре 1-й песни Канона св. Иоанну Предтече 1-го гласа Климента Охридского:

ὄρος ἀλατόμητον, ἢ τὸν ζωδότην Χριστὸν τῷ κόσμῳ κηῖσασα.

– горо несѣкомаѧ . жнводавьца хрнста мнровн рожьшнѧ . список XII–XIII в.;

– горо несѣкомаѧ . ѧже жнзнодавьца ѧѧ . мнровн порожьшн . список XIV в.

(Поп-Атанасова, Костовска 2005: 135; Крашенинникова 2006: 40).

Обращая внимание в процессе создания новых композитов только на общую семантику корней (основ) калькируемого греческого слова,

⁸ Опорный компонент давць встречается в качестве самостоятельного слова в кругу рукописей старославянского канона: Евх 8621; Евх 92617; Супр 285,20–21.

славянские книжники, по всей видимости, не придавали значения и частеречной принадлежности калькируемых корней (т. е. на их глагольное либо именное происхождение на уровне греческого языка византийской эпохи). Так, например, нет сомнений, что в Мк 13:35 при образовании композита *κουρογλασσηνне* (сохранился в Зографском и Остромировом евангелии) использовалось калькирование композита *ἀλεκτοροφωνία*. При этом наших первых славянских переводчиков (для которых, как мы знаем, греческий был языком родным) не смущало, видимо, то обстоятельство, что в *ἀλεκτοροφωνία* корень *-φων-* второго компонента – именного происхождения⁹, тогда как в *κουρογλασσηнне* корень второго компонента – происхождения глагольного (от глагола *γλασσην*). То же самое можно сказать и об образовании композита *κοκοτογλασσηнне*, употребленного в том же стихе в Мариинском евангелии. Показательны примеры образования старославянских композитов на базе глаголов (т. е. с корнями глагольного происхождения в опорном компоненте) при калькировании греческих композитов с именным вокализмом во втором компоненте. Например, при калькировании композитов с корнем *-τοχ-*¹⁰ во втором компоненте старославянские композиты образовывались на базе глагола *роднѣн*:

θεοτόχος → *богороднца*;

πρωτότοχος → *пръвородѣць* (Супр 498,24).

Таким образом, изучение словообразования старославянских композитов следует начать, видимо, с определения того, что обусловлено при создании старославянского композита морфемной и словообразовательной структурой служившего образцом греческого композита¹¹, а что – собственно старославянским словообразовательным

⁹ Корень *-φων-* – корень имени *φωνή* ‘звук (любой, в том числе животных и птиц)’, глагол же *φωνεῖν* – дериват от этого имени (Chantraine IV/2: 1237).

¹⁰ Корень *-τοχ-* – корень имени *τόχος* ‘рождение; плод, дитя и под.’, деривата от глагола *τίχτειν* (Chantraine IV/1: 1118).

¹¹ Внимание к структуре греческих соответствий декларировалось в посвященной композитам главе монографии 2015 г. Т. Мостровой, исследовавшей тенденции в развитии словообразования в болгарском литературном

механизмом. Следовательно, на данном этапе мы будем рассматривать старославянские композиты в качестве морфологических структур независимо от синтаксиса и его операций¹².

Переводя греческие композиты на старославянский язык, первые славянские переводчики должны были как-то опираться на модели сложений, уже существовавшие в славянской народной речи. Немногочисленные в древних славянских рукописях композиты, не демонстрирующие греческого влияния на их образование, показывают, что в отношении образования композитов славянский язык типологически относился к языкам, базирующимся на сложении основ (stem-based), т. е. композиты, заимствованные переводчиками из славянской народной речи образованы, главным образом, по двум базовым структурным моделям: [основа-основа] или [основа-слово (simplex)]. Ср. по базовой модели [основа-основа]:

[[StA - cop - StN]-Fl]¹³
 [[соух- о - рѣк] -z] (бахуврихи)
 [[жоуд- о - снл] -z] (бахуврихи)

[[StN - cop - StV] -Fl]
 [[вод -о - нос] -z] (татпуруша)
 [[лнст -о - пад] -z] (татпуруша);

языке XIV в., но сопоставления моделей композитов с моделями греческих соответствий здесь все же не находим: автор опиралась на известные классификации калек К. Шуманна и Р. Цетта, а свою задачу видела прежде всего в классификации материала среднеболгарских памятников XIV в. и (в сравнении) «классических древнеболгарских памятников» (т. е. рукописей старославянского канона) согласно теории синхронного словообразования в разработке М. Докулила (Мострова 2015: 113–144).

¹² Ср., например, указание на существование разных типов подчинительных синтактико-смысловых отношений в старославянских композитах в (Грамматика 1991: 192).

¹³ Напоминаем, что в формулах используем обычные обозначения: A – адъектив, N – имя (субстантив), V – глагол, Adv – адverb, Part – причастие, St – основа, Suf – суффикс, Fl – флексия, cop – соединительный элемент.

по базовой модели [основа-слово]:

[StA - cop - N]
[МАЛ- о - мощь] (бахуврихи)

[StA - cop - N]
[САМ- о - хоть] (татпуруша)

[StN - cop - A]
[МАС - о - поуств] (бахуврихи)

[StN - cop - N]
[ЛѢТ - о - расль] (татпуруша).

Как видно из приведенных примеров, среди композитов, существовавших в славянской народной речи того времени, имелись как экзоцентрические (соухоржкз, коудоснлз, маломощь, масопоустз), так и эндоцентрические (водоносз, лнстопадз, самохоть, лѣторасль), опорный компонент (head) в композитах, имеющих признаки заимствования из славянской народной речи, как правило, правый. Координативные композиты, такие как малзжена (Рыл 5ба 12) (ESJS 8: 453), братзсестра (αὐτάδελφοί, Остр 228ба 6), представляются исключением (во всяком случае, не они служили опорой для славянских переводчиков).

Греческий язык византийского периода (как и древнегреческий, и, в меньшей степени, современный литературный) также относился к языкам, в сфере сложения (compounding) базирующимся на сложении основ (stem-based) (Ralli 2009; Ralli 2013: 9–10, 96; Tribulato 2015: 18–20 и др.). Основная масса греческих композитов, служивших образцами для композитов старославянских, также образована по двум базовым структурным моделям [основа-основа] или [основа-слово]. Модель [слово-слово] встречается среди них редко – в образовании композитов-глаголов (так наз. «сращения»), а в именных композитах, главным образом, с первым компонентом адвербиального характера (типа ἀειπάρθενος → прнснодѣванъ). Однако при сравнении старославянских композитов и их греческих образцов далеко не всегда можно обнаружить совпадение морфемных и словообразовательных структур. Посмотрим на некоторых примерах, как структуры моделей

греческих композитов преломлялись старославянским словообразовательным механизмом¹⁴.

Среди греческих образцов старославянских композитов довольно много так называемых сигматических композитов-адъективов на -ης, древнего, но очень продуктивного типа, с суффиксом -ē- не совсем ясного происхождения (Chantraine 1933: 424–432; Meissner 2006; Tribulato 2015: 88): ἀλλογενής (нноплеменьннкъ), ἀρτιγενής (новорожденъ), διστευής (дзвпомостнтъ), εὐγενής (благородьнъ, добродьнъ), εὐειδής (добролнчнъ), εὐλαβής (благовѣрнъ, благочѣстнъ и др.), εὐπειθής (благопокорлнъ), εὐπραγής (благолѣпнъ), εὐσεβής (благочѣстнъ и др.), εὐσκελής (благоголѣнъ), θεοπρεπής (боголѣпнъ), θεοσεβής (богочѣтцъ, богочѣстнъ и др.), θεοστυγής (богомрѣзкъ, богомрѣзнъ), θεοφιλής (боголюбнъ), καινοπρεπής (новолѣпнъ), μεγαλοπρεπής (вельлѣпъ), μονογενής (нночадъ, еднночадъ), νεολαμπής (новосвѣтълъ), νεοφανής (новоявлѣ са), οἰκογενής (ѡдѣчадьць), ὁμοιοπαθής (подобнострастнъ), πολυεργής (мзногодѣтѣлнъ), πολυλαμπής (мзногопрѣсвѣтълъ), πολυμαθής (мзногооученъ), πολυπενθής (мзногоплачнъ), πολυτελής (мзногоцѣннъ), τριλαμπής (трѣсвѣтълъ), φιλομαθής (любовзича). В таких греческих образцах старославянских композитов видим базовую модель [основа-основа], так как вторые их компоненты – γενής, -ειδής, -εργής, -λαβής, -λαμπής, -μαθής, -παθής, -πειθής, -πενθής, -πραγής, -πρεπής, -σεβής, -σκελής, -στευγής, -στυγής, -τελής, -φανής, -φίλης – встречаются в греческом языке только в «связанном» виде, т. е. не употребляются в качестве самостоятельных слов¹⁵. Посмотрим действие старославян-

¹⁴ Образование композита в греческом языке нередко сопровождалось перемещением ударения (ср.: παρθένος → ἀειπαρθένος). Эту составляющую словообразовательной процедуры как дополнительной сейчас оставляем в стороне, тем более, что для старославянского языка мы не имеем надежных акцентологических данных.

¹⁵ Simplex λαμπής словарь (Liddell, Scott 1996: 1027) указывает в качестве эпитета солнца, однако слово было, видимо, слишком редким (зафиксировано в Dorotheus Astrologus), чтобы участвовать в процедуре образования композитов. То же можно сказать и о компоненте -φανής, хотя Φάνης и использовалось в качестве имени бога-творца у орфиков. Скорее, эти слова были выделены из композитов путем обратной деривации. То, что само-

ского словообразовательного механизма на примере передачи греческих композитов со вторым компонентом *-γενής*¹⁶.

Передача по базовой модели [основа-основа]:

ἀλλογενής ‘иноплеменный’

↓

[[StA - cop - StN] - Suf - FI]

[[нн - о - племен] - ьнк - з] Л 17:18 Зорг, Мар, Ас, Сав

εὐγενής ‘благородный, хорошего происхождения’

↓

[[StA - cop - StN] - Suf - FI]

[[благ - о - род] - ьн - з] 1Кор 1:26

[[добр - о - род] - ьн - з] Иов 1:3 Григ

οἰκογενής ‘родившийся дома, внутреннего происхождения’

↓

[[StN - cop - StN] - Suf - FI]

[[дом - о - чад] - ьц - ь] Быт 14:14 Лобк

[[StAdv - StN] - Suf - FI]

[[дома - чад] - ьц - ь] Быт 14:14; Быт 15:3 Зах

[[дома - чад] - нц - а] Быт 15:2 Зах

[[StAdv - StN] - Suf - FI]

[[чад - чад] - ьц - ь] Быт 14:14 Григ

[[чад - чад] - нн - з] Быт 15:3 Григ, Лобк

[[чад - чад] - зн - н] Быт 15:2 Григ, Лобк;

стоятельные слова («Simplizia») могли вторично абстрагироваться из композита, отмечал уже Э. Швицер (Schwyzer 1977: 426); фактически об этом же явлении упоминал и П. Шантрэн (Chantraine 1933: 428).

¹⁶ Напомним, что субстантивное употребление адъективов было характерной чертой греческого языка, в том числе языка греческих оригиналов христианской литературы (Blass, Debrunner 1961: 138–139). Например: *Οὐχ εὐρέθησαν ὑποστρέψαντες δοῦναι δόξαν τῷ θεῷ, εἰ μὴ ὁ ἀλλογενής οὗτος*; Л 17:18; *ἐπειδὴ ἐμοὶ οὐκ ἔδωκας σπέρμα ὃ δὲ οἰκογενής μου κληρονομήσει με* Быт 15:3.

передача по базовой модели [основа-слово]:

μονογενής 'едиnorodный, единственный'

↓

[StA - cop - N]

[нн - о - ѡадз] Л 8:42 Зоґр, Маp, Сав; Л 9:38 Маp, Ас, Сав;
Супр 480,6 и др.

[ѡднн- о - ѡадз] Л 8:42 Ас, Остр; Л 9:38 Зоґр, Остр и др.

ἀρτιγενής 'только что родившийся'

↓

[StA - cop - Part]

[нов - о - рожденз] Супр 389:13.

Как видим, морфо-словообразовательные структуры старославянских композитов, передающих композиты со вторым повторяющимся (и очень распространенным в греческом языке) компонентом *-γενής*, весьма разнообразны. Из старославянских компонентов повторяющимся следует признать *ѡадз*, причем компонентом явно праславянского происхождения (ЭССЯ 3: 8). Псл. *ѡѡдъ* было, видимо, самостоятельным словом (ЭССЯ 4: 102–104), чего нельзя, однако, утверждать без сомнений в отношении этого компонента в славянской народной речи, современной становлению старославянского языка, поэтому для композитов *ннѡѡадз*, *ѡдннѡѡадз* модель [основа-слово] мы считаем условной. С другой стороны, мы считаем более вероятной базовую модель [основа-основа] для *домѡѡадьць*, *домѡѡадьць*, *домѡѡадьць*, *ѡдѡѡадьць*, *ѡдѡѡадьць*, *ѡдѡѡадьць*, *ѡдѡѡадьць*, так как *ѡадьць*, *ѡадьць*, *ѡадьць*, *ѡадьць* не встречались нам в качестве самостоятельных слов в рукописях периода становления старославянского языка.

Не меньшее количество образцов для старославянских композитов давали очень распространенные в греческом языке композиты на *-ος*. Тип на *-ος* первоначально возник, возможно, как тип *бахуврихи* (Tribulato 2015: 89–92), однако в языке византийского периода мы видим уже композиты на *-ος*, употребляющиеся как в качестве адъективов, так и субстантивов, как экзоцентрические, так и эндоцентрические, как со «связанными» вторыми компонентами (*-ηδονος*, *-μαχος*, *-κτονος*, *-ποιος*, *-ουρουος* и др., т. е. композиты образованы по базовой модели [основа-основа]), так и со вторыми компонентами, употреб-

ляющимися в качестве самостоятельных слов (*θυμός, κτητός, λόγος, πιστός, πόνος, φόρος* и *φορός, φαγός, φόνος* и др., т. е. композиты образованы по базовой модели [основа-слово]). Например, греческие композиты, служащие образцами для старославянских композитов, со «связанными» вторыми компонентами: *φιλήδονος* (сластолюбьць), *θεομάχος* (богобоьць, богоборьнз и др.), *άνθρωποκτόνος* (чловѣкоубьнць, чловѣкоубонца), *κακοποιός* (злодѣн), *άγαθοποιός* (благотворьнз), *κακούργος* (злодѣн), *γενεσιουργός* (родотворьць), *αύτουργός* (самодѣльннкз), *οίκουργός* (домодрьжнца) и др. Греческие композиты со вторыми компонентами, употребляющимися в качестве самостоятельных слов: *άνδροφόνος* (мжжеубьннца), *άξιόπιστος*¹⁷ (достонновѣрьнз), *θανατηφόρος* (сзмрътносьнз), *θεοφόρος* (богоносць), *μακρόθυμος* (длзготрьпѣльнз), *δλιγόπιστος* (маловѣрз), *πολύπονος* (мзногоболѣзньнз), *ξεροφάγος* (соухонадьць), *σαρκοφάγος* (плзтояднз), *σπερμολόγος* (сѣменословць), *χρυσοφόρος* (златоноснз) и др. Посмотрим действие старославянского словообразовательного механизма на примере передач греческого композита *θεομάχος* (со «связанным» вторым компонентом *-μαχος*), употребляющегося в греческом языке и в качестве адъектива, и в качестве субстантива.

Передача по базовой модели [основа-основа]:

θεομάχος ‘богоборческий’ и ‘богоборец’

[[StN - cop -StV]- Suf -FI]

[[бог - о - бор¹⁸]- ьн - з] Супр 188,19; Супр 188,28–29; Супр 191,10

[[бог - о - бор] - ьнк-з]¹⁹ Гр.Наз.ХI в., л. 155 (Срезн I: 128)

¹⁷ Как уже отмечалось выше, образование композита в греческом языке нередко сопровождалось дополнительной составляющей словообразовательной процедуры в качестве перемещения ударения.

¹⁸ Используется основа настоящего времени.

¹⁹ Композит *богоборьннкз* мы предпочитаем рассматривать в качестве образования по модели [[StN-cop-StV]-Suf-FI], а не как дериват от композита *богоборьнз*. Композит *богоборьнз* известен нам по употреблению (трижды) в Супрасльской рукописи в Житии Исакия в значении ‘богоборческий’ (о *богоборьнѣн ... ерешн, отъ ... богоборьнзѣа хоулъи, богоборьнзѣа ерешн*), тогда как в *богоборьннкз* сохраняется, на наш взгляд, активная семантика глагола – так же, как и в композите *богоборьць*. Интересно, что сущ. *богоборьць* исполь-

[[StN - cop - StN] - Suf -Fl]
 [[бог - о - свар] - ьн- з] Супр 396,8;

передача по базовой модели [основа-слово]:

θεομάχος ‘богоборческий’ и ‘богоборец’

↓

[StN - cop - A]

[бог - о - которьнз] Супр 504,15–16

[бог - о - ратьнз] Изб 1073 14с 10–11; Изб 1073 130b 16

[StN - cop - N]

[бог - о - борьць] Супр 87, 13–14; Супр 480,18–19.

Как видим, морфо-словообразовательные структуры старославянских композитов, передающих композит *θεομάχος*, также разнообразны. Отметим, что при сравнении моделей греческих и старославянских композитов необходимо учитывать значение второго компонента композитов на -ος. Так, например, среди греческих образцов старославянских композитов встречаются композиты со вторым компонентом -ураφος: *ὄξυγράφος* ‘пишущий скорописью, скорописец’²⁰, *λογογράφος* ‘составитель речей; писатель’, *ζωγράφος* ‘пишущий с натуры, живописец’, т. е. все эти композиты – *nomina agentis*. Словарь Лиддела & Скотта (Liddell, Scott 1996: 360) фиксирует самостоятельное слово *τὸ γράφος*, однако это не *nomen agentis*, а *nomen rei actae* со значением ‘черта, рисунок, буква’. Следовательно, упомянутые греческие композиты образованы не по базовой модели [основа-слово], а по модели [основа-основа], со вторым компонентом глагольного происхождения. Таким образом, морфо-словообразовательные структуры старославянских композитов, передающих эти композиты, не всегда совпадают с греческими. Ср.:

зовано переводчиком в Супрасльской рукописи в Слове на Пасху (глава № 42) там, где с точки зрения грамматики могло бы быть употреблено прилагательное: *ἀναξίας δὲ ὑπὸ θεομάχων Ἰουδαίων ἀπελάμβανε τὰς ἀμοιβάς* – недостоинно же отъ **богъ борьць** жндовъ . възспрннмаше въззмьзднѧ. Супр 480,18–19.

²⁰ Ср.: «ὄξυγράφος, ὁ schorthand writer» (Lampe 1961: 966).

[[StA - StV] - Suf]

[[ὄξυ - γράφ] - ος]

↓

[[StA - cop - StV] - Suf -Fl]

[[ѡдр - о - пиш²¹] - ѡц - ѡ] Пс 44:2 Син;

[[StN - cop - StV] - Suf]

[[λογ - о - γράφ] - ος]

↓

[StN - cop - N]

[слов - о - писатеѡль] Супр 83,8–9;

[[StN - StV] - Suf]

[[ζω - γράφ] - ος]

↓

[StN - cop - N]

[шар - о - писатеѡль] Супр 83,9.

Композиты словописатеѡль и шарописатеѡль считаем образованными по базовой модели [основа-слово], так как в старославянском инвентаре было, очевидно, самостоятельное слово писатеѡль, известное нам по списку 13 Слов Григория Назианзина (Гр.Наз. XI в., л. 171 – Срезн II: 935), а в Симеоновом сборнике находим предметное сущ. писатеѡльница (кзынгзы нарнцаѡльница писатеѡльница Изб 1073 252с11–12) – возможно, дериват от него.

Как видим, семантика первого компонента композита шарописатеѡль не соответствует семантике первого компонента греческого образца, хотя значение ‘живописец’ имеют оба композита. Более близко семантика первого компонента греч. ζωγράφος передана в композите жнвописецъ, отмеченном в Минее 1097 г., л. 100 (Срезн I: 866), однако последний образован по модели [StA-cop-N], что лишний раз подтверждает нашу гипотезу о значении для славянских переводчиков прежде всего общей семантики корней калькируемого греческого слова независимо от синтаксиса и его операций.

²¹ Используется основа настоящего времени.

Отметим особенность перевода греческих композитов на -ος, которая, как мы попытаемся показать ниже, имеет непосредственное отношение к переводческим установкам св. Кирилла в использовании суффиксации при создании новых старославянских слов: в отличие от греческих композитов на -ος, не имеющих указывающих на их частеречную принадлежность (адъектива либо субстантива) суффиксов, подавляющее большинство переводящих их старославянских композитов снабжены – так или иначе – такими суффиксами. Либо суффикс (как правило, продуктивный) участвует в процедуре образования композита (см. композиты по моделям [[StN-cop-StV]-Suf-Fl], [[StN-cop-StN]-Suf-Fl]), либо таким суффиксом уже снабжен второй компонент до процедуры сложения (см. композиты по моделям [StN-cop-A], [StN-cop-N]).

Синонимичные композитам *nomina agentis* на -ος композиты с суффиксами -της и -τωρ встречаются среди греческих образцов для старославянских композитов значительно реже. Совпадение моделей обнаруживается также не всегда. Ср.:

[[StN - StV] - Suf]
 [[θε - οπ] - της]
 ↓
 [StN - cop - N]
 [бог - о - вндьць] Супр 278,1

[StN - cop - N]
 [δωρ - ο - λήμπτης]
 ↓
 [[StN - cop - StV] - Suf -Fl]
 [[μζιτ- ο - нм] - ѡц - ѡ] Притч 15:27 Григ
 [[мьзΔ - о - нм] - ѡц - ѡ] Притч 15:27 Зах

[StN - N]
 [μισθ - αποδότης]
 ↓
 [StN - cop - N]
 [мьзΔ- о - давьць] Супр 63,26.

При определении словообразовательных моделей композитов возникает та же проблема существования в узусе языка вторых компонентов композитов в качестве самостоятельных слов, о которой мы упомянули выше при определении моделей композитов со вторым компонентом *-ураφος*. Эта проблема возникает одинаково при изучении словообразования как греческого языка византийского периода, так и старославянского языка, поскольку лексический инвентарь обоих языков известен нам хотя и по довольно широкому, но все же ограниченному кругу памятников письменности, и в принципе знания о нем могут быть впоследствии расширены благодаря новым находкам. С другой стороны, не всегда мы можем быть уверены, что слово, зафиксированное как самостоятельное в более позднем памятнике письменности или даже (для греческого) только греческими грамматиками, могло участвовать в словообразовательной процедуре. Таким образом, для *μισθαποδοτης* модель [StN-N] можно принять лишь условно, так как *αποδοτης* в качестве самостоятельного слова зафиксировано слабо (Lampe 1961: 191). Второй компонент *-οπτης* композита *θεοοπτης* в качестве самостоятельного слова не употреблялся, видимо, вообще, но участвовал в образовании многочисленных композитов как «связанный компонент» (Chantraine III: 811). С другой стороны, *вндыць* (Супр 569,2) и *давць* (Супр 285,20–21 и др.) зафиксированы в качестве самостоятельных слов, хотя в действительности процедура калькирования таких композитов как *боговндыць* могла проходить также и по модели [[StN-StV]-Suf-Fl], т. е. суффиксально-сложным способом (Ефимова 2006: 81). Выбор модели зависел, видимо, от закрепленности в узусе языка второго компонента в качестве самостоятельного слова (в данном примере слова *вндыць*), однако о последнем нам судить трудно. Композит *мьздонмьць* обнаруживается не только в Супрасльской рукописи, но и в Зографском евангелии в Мт 9:11 в соответствии с *τελώνης*. Надо полагать, что *мьздонмьць* является инновацией евангельского текста, так как в других древнеболгарских списках на этом месте сохраняется *мзытарь*. Логично также предположить, что слово *мьздонмьць* впервые вошло в старославянский лексический инвентарь при переводе паремейника, в результате калькирования композита *δωρολήμτης* в Притч 15:27.

Довольно часто среди греческих образцов старославянских композитов встречаются двукорневые существительные с суффиксом *-ια*:

δοξολογία (славословесние, славословественіе), εὐψυχία (благодоушнiе), θεολογία (богословленіе), θεομαχία (богоборнiе, богобореніе), κενοφωνία (тщещлашеніе), νομοθεσία (законоположеніе), πολυλογία (мзногоглаголаніе) и т. п. Не все они представляют собой композиты с точки зрения греческого словообразования, однако здесь можно согласиться с Э. Фэльтом, что для переводчика на старославянский язык не имело значения, какое сложное (двукорневое) греческое слово ему нужно перевести – композит или дериват от композита (Fält 1990: 13). Так, например, несмотря на то, что в греческом языке направление деривации было, видимо, *θεομάχος* → *θεομαχία* (Chantraine II: 673), т. е. *θεομαχία* представляет собой дериват от композита *θεομάχος*, задачей переводчика было передать семантику слова *θεομαχία* ‘богоборчество’, и, таким образом, богоборнiе (Супр 197,22), а также богобореніе (Супр 340,22)²², с суффиксами, характерными для отглагольных существительных, но в отсутствие, видимо, соответствующего глагола в старославянском инвентаре в период становления старославянского языка, могут представлять собой поморфемно калькированные композиты при несовпадении моделей словообразования:

[StA - Suf]
[θεομαχ - ία]
↓
[[StN - cop - StV] - Suf -Fl]
[[бог - о - бор] - н -іе (ъje)] Супр 197,22
[[бог - о - бор] - енн-іе] Супр 340,22

или для богобореніе:

[StA - Suf]
[θεομαχ - ία]
↓
[StN - cop - N]
[бог - о - бореніе]

поскольку бореніе существовало уже, видимо, в старославянском

²² благодареніе считается ошибочным написанием вм. богобореніе (Словарь 1994: 95).

инвентаре как самостоятельное слово (Супр 486,27–28, перевод греч. *πόλεμος*)²³.

Как видно из вышеизложенного материала, первые славянские переводчики, а затем и их ученики и последователи при калькировании греческих композитов были довольно самостоятельны в выборе словообразовательных моделей. Выбор модели в каждом конкретном случае может как совпадать со словообразовательной моделью греческого образца, так и не совпадать, демонстрируя ориентированность на старославянский словообразовательный механизм. Наиболее очевидно эта относительная независимость славянских переводчиков от структуры греческих композитов при калькировании проявилась в известном явлении перемены мест компонентов в композитах, созданных на базе глагола *любѣти*, уже давно замеченном палеославистами (Jagić 1898: 542). Хотя, видимо, праславянскому языку композиты с первым глагольным компонентом не были чужды, о чем свидетельствуют реликты среди имен собственных (болг. *Любомир*, *Любослав*, чешск. *Libomysl* и нек. др.), первые славянские переводчики явно тяготели к использованию моделей с опорным компонентом (head) справа. Ср., например:

[StV - cop - N]
[φιλ²⁴ - ό - θεος]

↓

[[StN - cop - StV] - Suf-FI]

[[бог - о - люб] - ѣц - ѣ] 2Тим 3:4; Супр 365:16.

Анализируя словообразовательные модели старославянских композитов, нельзя не обратить внимания на использование суффиксов, указывающих на их частеречную принадлежность (адъективам либо субстантивам), – при том, что греческие образцы такие суффиксы имели далеко не всегда (и даже чаще их не имели). Подавляющее

²³ Собираетельное *βοῦνη* (Шест 1263 29b 15; 104a 2; Шест-Бар 326 18; 99a б) имело значение ‘деревья (возможно, хвойные)’.

²⁴ Первый компонент *φιλο-*, первоначально именной в композитах бахуврихи, таких как *φιλόξενος* (‘having guests dear’), позднее был реинтерпретирован как образованный от глагола *φιλέω* (Tribulato 2015: 168).

большинство старославянских композитов снабжены – так или иначе – деривационными суффиксами: либо суффикс (как правило, продуктивный) участвует в процедуре образования композита, либо таким суффиксом уже снабжен второй компонент до процедуры сложения. В предыдущей главе мы изложили гипотезу о роли старославянской суффиксации в компенсации греческого артикля. Мы постарались показать, что в отсутствие артикля как такового в славянском грамматическом строе, св. Кирилл и его последователи для перевода греческого адъектива, субстантивированного посредством артикля (т. е. перевода такой номинации предмета), предпочитали не субстантивное употребление славянского адъектива, а использование существительного с характерным частеречным суффиксом, тем самым сообщая с определенностью, что слово номинирует предмет (в широком смысле, в том числе персону), и суффиксация заменяла таким образом греческий артикль. Мы посчитали такое использование суффиксации переводческой установкой св. Кирилла. В настоящей главе попытаемся выявить переводческие установки св. Кирилла в отношении образования старославянских композитов, в том числе и в отношении использования при этом суффиксации.

Как отмечалось выше в Главе I, мы исходим из положения, что основные переводческие установки были заданы св. Кириллом на начальном этапе становления старославянского языка и отражены в тексте Евангелия и Псалтыри, задача перевода которых прежде всего стояла перед свв. Кириллом и Мефодием. Эти установки впоследствии, с одной стороны, почитались образцом, но, с другой стороны, эволюционировали (Ефимова 2018; Ефимова 2019). Сопоставление старославянского текста с греческим текстом Евангелия и Псалтыри выявляет переводческие установки св. Кирилла, а затем можно проследить эволюцию этих установок по несколько более поздним переводам.

Посмотрим на результаты анализа языка греческого и старославянского текста Евангелия и Псалтыри в части употребления в нем композитов и дериватов от композитов. Сплошное сопоставление исходного греческого текста и текста старославянского перевода показывает, что общая тенденция на начальном этапе кирилло-мефодиевских переводов – использовать для передачи греческих

композигов и дериватов от композигов «простые» (т. е. однокорневые) слова (*simplicia*). Отсюда следует, что переводчики на этом этапе становления старославянского языка калькирования греческих композигов и дериватов от композигов старались избегать.

Композигов-глаголов, образованных с помощью калькирования, в старославянском тексте Евангелия и Псалтыри очень немного:

εὐεργετεῖν – благодѣятн Пс 12:6; Пс 56:3;

εὐπαθεῖν – добротворнтн Пс 91:15;

εὐχαριστεῖν – благословнтн Мт 26:26 Зогр, Сав;

κακολογεῖν – злословнтн Мт 15:4; Мк 7:10; Мк 9:39;

μεγαλορρημονεῖν – вельрѣчеватн Пс 37:17; Пс 54:13;

ψευδομαρτυρεῖν – лжесвѣдѣтельствоватн Мк 10:19 Зогр; Мк 14:56 Зогр, Мар.

Надо полагать, что суффиксация в их образовании роли не играла, так как эти композиты демонстрируют структурную базовую модель [слово-слово] (так называемые «сращения», т. е. [N-V] либо [Adv-V]). В ряде случаев один и тот же глагол передается так называемыми словообразовательными синонимами (иногда с различием глагольного вида²⁵), что говорит о поиске переводчиком наиболее подходящего соответствия:

εὐαγγελίζεσθαι – благовѣстнтн Л 4:43 и др.; благовѣствоватн Мт 11:5 и др.; благовѣствоватн Л 2:10 и др.; благовѣстьствоватн Л 3:18 и др.; благовѣщатн Л 2:10 и др.;

εὐλογεῖν – благословнтн Мт 14:19; благословеснтн Пс 66:8; благословесентн Пс 133:1; благословествоватн Пс 131:15; благословаѣтн Мк 10:16 Мар; Л 24:51 Зогр; вѣзблагословесентн Пс 71:17;

ἀγαθοποιεῖν – благодтворнтн Л 6:33; Л 6:35 Зогр, Мар, Сав – добротворнтн Ас; добросзтворнтн Л 6:9 Ас, Остр (добро творнтн Зогр, добро лн творнтн Мар);

²⁵ Определение вида старославянских глаголов составляет отдельную проблему, которой здесь не касаемся.

εὐδοκεῖν – благоволенн Мт 3:17; Мт 12:18; Л 3:22; възблаговоленн Пс 76:8;

κακοποιεῖν – злосозтворенн Л 6:9 Зогр, Ас (злотворенн Мар); злотворенн Л 6:9 Мар (злосозтворенн Зогр, Ас).

В качестве повторяющихся первых компонентов композитов видим здесь благ(о)-, вель-, добр(о)-, зл(о), которые, как уже давно было замечено палеославистами, имели особое значение в формировании старославянского лексического инвентаря (см., например, Цейтлин 1977: 211–219; 225–226; 231–234; 238–240; Чернышева 2008 и др.).

В тексте Евангелия и Псалтыри первые переводчики для передачи двукорневых греческих глаголов предпочитали однокорневые слова (*simplificia*). Ср.:

ἀδολεσχεῖν – глаумннн сѧ ‘пустословить’ Пс 68:13; ‘раздумывать’ Пс 76:7; Пс 118:23;

ἀνθωμολογεῖσθαι – нсповѣдатн сѧ ‘воздавать благодарность’ Л 2:38 Зогр, Мар, Ас, Сав;

βλασφημεῖν – коуленн Мт 27:39 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр;

γουυπετεῖν – кланнннн сѧ, поклоннннн сѧ Мт 17:14 (кланѣѧ сѧ Ас, Мар; кланѣаше сѧ Остр; поклонн сѧ Сав);

διχοτομεῖν – протесатн Л 12:46 Зогр, Мар;

ἐξωμολογεῖσθαι – нсповѣдатн сѧ ‘восхвалять’ Л 10:21 Зогр, Мар, Ас, Сав; Пс 32:2 и др.

εὐδοκεῖν – нзволннн Мт 12:18 Зогр, Мар, Ас, Сав;

εὐνοῦχίζειν – нсказннн Мт 19:12 Мар, Ас;

εὐφореῖν – оугобьснннн сѧ Л 12:16 Зогр, Ас, Сав, огобьснннн сѧ Мар;

εὐφραίνεσθαι – възвеселнннн сѧ Л 15:32 Зогр, Мар, Ас, Сав; Пс 47:12;

εὐφραίνειν – веселнннн Пс 18:9; Пс 42:4;

ζωοποιεῖν – жнвнннн И 5:21 ‘оживлять’ Зогр, Мар, Ас, Остр;

ζωογονεῖν – жнвннннн ‘оставлять в живых’ Л 17:33 Зогр, Мар;

καρποφορεῖν – плоднннн сѧ Мк 4:20 Зогр, Мар; Мк 4:28 Зогр, Мар;

κληρονομεῖν – наследити Мт 5:5 Зогр, Ас, Сав; Мт 19:29 Мар, Ас, Сав; Пс 36:11 и др. ;

κληρονομεῖν – наследовати Мт 25:34 Мар, Ас, Сав; Пс 118:111 и др.;

κληρονομεῖν – наследствовать Мк 10:17 Мар; Л 10:25 Мар, Сав, Остр и др.;

κληρονομεῖν – обладати Пс 36:9;

μακροθυμεῖν – потерпеть Мт 18:26 Мар, Ас, Сав; Мт 18:29 Мар, Ас, Сав;

μεγαλαυχεῖν – величати сѧ Пс 9:39;

ὁδηγεῖν – водити Мт 15:14; Л 6:39 Зогр, Мар; наставити И 16:13; Пс 59:11; Пс 118:35 и др.;

ὁμολογεῖν – издрещи ‘обещать’ Мт 14:7 Зогр, Мар;

ὁμολογεῖν – исповѣдѣти ‘признать, исповедовать’ Л 12:8 Зогр и др.;

οἰκοδομεῖν – сззѣдати Мт 7:24 Зогр, Мар, Ас, Остр, сзтворити Сав и др.;

οἰκοδομεῖν – сззндати Мт 27:40 (сззндаѧ) Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр;

συκοφαντεῖν – обндѣти Л 19:8 Зогр, Мар, оубндѣти Ас;

συκοφαντεῖν – оклеветати Л 3:14 Зогр, Мар, Ас, Сав; Пс 118:122;

σωφρονεῖν – сзмзысанти Мк 5:15 Зогр, Мар; Л 8:35 Зогр, Мар, Ас, Сав;

ταλαιπωρεῖν – острастити Пс 16:9.

Как видим, при переводе двукорневых глаголов переводчик ориентировался на значение славянского слова, достаточного для передачи общего смысла высказывания, но, как правило, с потерей семантических нюансов. В некоторых случаях для восполнения этой «семантической недостаточности» двукорневой греческий глагол передавался словосочетанием. Словосочетания *плодз творити*, *плодзи (плодз) приносити*, передающие глагол *καρποφορεῖν*, можно, видимо, считать лексическими единицами, номинирующими один лингвистический концепт (ср. *καρποφορεῖν* – *плоднтн сѧ*). Также, видимо, можно считать несколькословным наименованием, номинирующим один лингвистический концепт, и словосочетание *домоу стронти*, передающее глагол *οἰκονομεῖν*. Ср.:

Л 8:15: οὗτοί εἰσιν οἵτινες ἐν καρδίᾳ καλῇ καὶ ἀγαθῇ, ἀκούσαντες τὸν λόγον κατέχουσιν, καὶ καρποφοροῦσιν ἐν ὑπομονῇ.

– снн сѣтѣ . ѡже добромь срѣдѣцемь ѡ благомь . слѣзѣаште слово . дрѣжатѣ . ѡ плодѣ творѣтѣ въ трѣпѣннѣ . Зогр, Мар, Ас, Сав;

Μτ 13:23: οὗτός ἐστιν ὁ τὸν λόγον ἀκούων καὶ συνιῶν· ὃς δὴ καρποφορεῖ...

– сь естѣ слѣзѣаша слово . ѡ разоумѣваѣ е . ѡ прнноснтѣ плодѣ Зогр

– сь естѣ слѣзѣаша слово н разоумѣваѣ е . ѡ прнноснтѣ плодѣ Мар;

Л 16:2: οὐ γὰρ δυνήσῃ ἔτι οἰκονομεῖν

– не възможеш бо к томоу домоу стрѣлтн . Зогр, Мар.

Однако в других случаях двукорневые глаголы передаются словосочетаниями свободными, лексических единиц не образующими. В отношении таких случаев можно говорить, что славянская языковая концептуализация мира вносила в перевод свои коррективы (Ефимова 2019а: 129–132). И хотя вообще славянские книжники всегда стремились к возможно более точной передаче содержания греческих оригиналов, первые славянские переводчики со славянской языковой концептуализацией мира считались, видимо, больше, чем их ученики и последователи. Ср., например:

Μτ 24:51: καὶ διχοτομήσει αὐτόν

– ѡ прѣтешетѣ ѡ полѣзма . Зогр, Мар, Ас, Сав;

Μκ 12:4: κάκεινον λιθοβολήσαντες ἐκεφαλαίωσαν

– ѡ того каменнемь бнѣзше прѣбнша главѣ емоу . Зогр, Мар;

Л 18:11: Ὁ θεός, εὐχαριστῶ σοι

– бѣ хвалѣ тебѣ въздаѣ . Зогр, Мар, Ас, Сав.

Судя по статистическим данным, приведенным Л. Забранским, тенденция к предпочтению однокорневых слов для передачи двукорневых греческих глаголов сохраняется и в дальнейшем, так как по его

подсчетах только 9,91% от общего числа старославянских композитов приходится на долю глаголов (Zábranský 2010: 46–49)²⁶.

Основная сфера действия старославянского сложения – образование композитов именных (46,64% приходится на долю существительных и 38,67% на долю прилагательных по подсчетам Л. Забранского). В передаче на старославянский именных греческих композитов и дериватов от композитов²⁷ также прослеживается тенденция использовать простые слова (*simplicia*), особенно на начальном этапе становления старославянского языка. Т. е. при переводе текста Евангелия и Псалтыри переводчики, как и при передаче двукорневых греческих глаголов, калькирования старались избегать. Ср. предметные и абстрактные наименования:

ἀδολεσχία – глаоумленне Пс 118:85;

αἰχμαλωσία – плѣнз Пс 84:2;

αἰχμαλωσία – плѣненне Пс 52:7; Пс 95:1; Пс 125:4;

ἀντάλλαγμα – нзмѣна Мт 16:26 Мар; Мк 8:37 Зогр, Мар, Ас, Сав;

ἀντάλλαγμα – нзмѣненне Пс 54:20;

ἀντίλημις – застѣпленне Пс 21:20; Пс 82:9; Пс 107:9;

ἀνώγειον – горьница Мк 14:15 Зогр, Мар; Л 22:12 Зогр, Мар;

βλασφημία – коула Мт 12:31 Мар, Ас, Остр – коуленне в Сав;

γλωσσόκομον – скрнница И 12:6 Мар, Сав – ковьѣжьць Зогр, Ас;

γλωσσόκομον – ковьѣжьць И 13:29 Зогр – скрнница Мар;

διπλοῖς – одежда Пс 108:29;

²⁶ Подсчеты в диссертации Л. Забранского проводились по старославянским словарям (Словарь 1994; SJS); в его корпусе композитов находим как собственно композиты, так и дериваты от композитов.

²⁷ Анализируем перевод только тех греческих слов, которые воспринимались в качестве двукорневых на уровне рассматриваемой эпохи, и не включаем в анализ слова, являвшиеся композитами с этимологической точки зрения, типа ἀστραπή или δεσπότης (Chantraine I: 128; 266–267), хотя и они также передавались в старославянском переводе простыми словами: ἀστραπή – млзннн, δεσπότης – владзика и т. п.

ἐξομολόγησις – исповѣданіе ‘восхваление’ Пс 94:2;
 εὐπρέπεια – красота Пс 25:8;
 εὐπρέπεια – лѣпота Пс 49:2; Пс 92:1;
 εὐφροσύνη – веселіе Пс 44:16;
 ἑωσφόρος – дѣньница Пс 109:3;
 κληρονομία – достояніе Мт 21:38 Ас, Мар, Остр; Пс 15:6;
 Пс 134:12 и др.;
 κониортός – прахъ Мт 10:14 ; Л 9:5 Зогр, Мар, Ас, Сав; Л 10:11 и др.;
 κράσπεδον – подъметъ Мт 23:5 Мар, Ас;
 κράσπεδον – вскршаніе Мт 9:20 Мар, Ас; Мт 14:36 Зогр, Мар;
 Мт 23:5 Мар, Ас и др.;
 λειτουργία – служба Л 1:23 Зогр, Мар, Ас, Остр;
 οἰκοδομή – зѣданіе Мк 13:1 Зогр, Мар;
 οἰκόπεδον – домъ Пс 108:10;
 οἰκόπεδον – нзирше Пс 101:7;
 ὀρτυγομήτρα – крастьѣль Пс 104:40;
 πανδοχεῖον – гостинница Л 10:34 Зогр, Мар;
 πανδοχεῖον – гостинница Л 10:34 Ас – господа в Сав;
 πανουργία – лѣсть Л 20:23 Зогр, Мар;
 πλεονεξία – овнда Мк 7:22 Зогр, Мар;
 τελώνιον – мзтънница Мк 2:14 Зогр, Мар, Ас, Сав; Л 5:27 Ас, Мар
 (мъздѣнница в Зогр) и др.;
 τηλαύγησις – блнсаніе Пс 17:13 Син (блнстаніе в Пог, Бол);
 φιλονεικία – пѣря Л 22:24 Зогр, Мар;

ср. наименования лиц:

ἀμπελουργός – винарь Л 13:7 Зогр, Мар;
 αἰχμαλωσία, ἡ – плѣнъ ‘пленные’ Пс 67:19; Пс 125:1;
 αἰχμαλωτισθεῖς, ὁ – плѣнензін (subst.) Пс 70:1;

- αἰχμαλωτίσας*, ὁ – плєньшєн (subst.) Пс 105:46;
αἰχμαλωτεύσας, ὁ – плєньшєн (subst.) Пс 136:3;
αἰχμάλωτος – плєньннкз Л 4:18 Мар, Ас, Сав, Остр;
ἀντίδικος – сѣпєрь Л 18:3 Зогр, Мар, Ас, Сав; Мт 5:25 Зогр, Мар;
 Л 12:58 Зогр, Мар;
ἀντιλήμπτωρ – застѣпєннкз Пс 108:12;
γεωργός – двєлатєлѣ Мт 21:22–41; Л 20:9–16; И 15:1 Зогр, Мар, Ас,
 Сав, Остр;
γεωργός – тажателѣ Мк 12:1; Мк 12:2; Мк 12:7; Мк 12:9 Зогр, Мар;
θυρωρός – вратѣннкз Мк 13:34 Зогр, Мар, Остр;
θυρωρός – двєрьннкз И 10:3 Зогр, Мар, Ас – вратаѣ Остр;
θυρωρός – двєрьннца И 18:16 Зогр, Мар, Остр (вратаѣ в Сав);
 И 18:17 Зогр, Сав, Остр;
εἰρηνοποιός – сзмнрєѣн (subst.) Мт 5:9 Зогр, Ас, Сав, Остр;
ἐκατόνταρχος – сзтѣннкз Мт 8:5 Зогр, Мар, Ас, Сав;
εὐνοῦχος – каженнкз Мт 19:12 Мар, Ас, Сав, Остр;
κληρονόμος – наслєдѣннкз Мт 21:38 Мар, Ас, Сав, Остр; Мк 12:7
 Зогр, Мар и др.;
μογίλαλος – гѣгзннєз (subst.) Мк 7:32 Зогр, Мар, Сав – нѣмз в Ас;
ὁδηγός – вождѣ Мт 23:16 Мар;
οἰκονόμος – прнставѣннкз Л 12:43 Зогр, Мар; Л 16:1 Зогр, Мар;
 Л 16:3 Зогр, Мар;
πανδοχεύς – гостннннкз Л 10:35 Зогр, Мар, Ас – гостѣннкз в Сав;
πρωτότοκος – прѣвѣнєць Л 2:7 Зогр, Мар, Ас, Сав; Пс 135:10;
τελώνης – мзитаѣ Мт 9:11 Мар, Ас, Сав, Остр; Л 18:10 Зогр, Мар,
 Ас, Сав, Остр и др.;
χιλίαρχος – тзисѣѣннкз И 18:12 Зогр, Мар, Ас, Сав;
χρεοφειλέτης – длзѣннкз Л 7:41 Зогр, Мар, Ас, Остр;

ср. адъективы:

- βαρύτιμος – драгъ Мт 26:7 Зоґр, Мар, Ас, Сав, Остр;
 εὐθετος – оуправленъ Л 9:62 Зоґр, Мар, Ас, Сав, Остр;
 εὐλαβής – ѿстнвѣз Л 2:25 Мар, Сав, Остр – ѿтнвѣз Зоґр
 (боґоѿстнвѣз – инновация в Ас);
 εὐρύχωρος – шнрокъ Мт 7:13 Зоґр, Мар, Ас, Остр;
 εὔσημος – нарочнтъ Пс 80:4;
 σκύθρωπος – драхлз Л 24:17 Мар, Остр – драселз Зоґр, Ас;
 σκύθρωπος – сѣтоуѣн Мт 6:16 Зоґр, Мар, Остр – жалоуѣн Сав;
 ταλαίπωρος – окаѣнъ Пс 136:8;

ср. наречия:

- εὐθετον – трѣтѣ Л 14:35 Зоґр, Мар;
 εὐκοπώτερον – оудобѣе Л 18:25 Зоґр, Мар, Сав, Остр – оудобѣнъ Ас
 (инновация);
 εὐτόνως – прнлежно Л 23:10 Зоґр, Мар;
 ἐξ εὐωνύμων – о шоуѣѣн Мт 27:38 Зоґр, Мар – о лѣвѣѣн Сав;
 βουεχῶς – сѣмзислѣно Мк 12:34 Зоґр, Мар, Ас.

Как и при переводе двукорневых глаголов, при переводе двукорневых имен переводчики использовали иногда словосочетания. Хотя провести границу между старославянской лексической единицей, номинирующей один лингвистический концепт, и словосочетанием, номинирующим два лингвистических концепта, современному исследователю иногда бывает трудно (Ефимова 2015а; Ефимова 2017), в некоторых случаях можно говорить о создании переводчиками нескольких словных наименований как лексических единиц. Ср.:

- εὐκαίρως – подобно врѣмѣ Мк 14:11 Зоґр, Мар;
 νεομηνία – новъ мѣсѣць Пс 80:4;
 οἰκοδεσπότης – господннъ храмннъ Л 12:39 Зоґр, Мар, Ас, Остр –
 храмннъ Сав;

οἰκοδεσπότης – господннз храма Мт 24:43 Зогр, Мар, Ас – храмннѣ Сав;

οἰκονομία – прнставленне домовннѣ Л 16:2 Зогр, Мар;

οἰκονομία – строенне домоу Л 16:3 и 4 Зогр, Мар;

ὀλιγοψυχία – прѣнемаганне доуха Пс 54:9;

ὀπωροφυλάκιον – овощннѣ хранннще Пс 78:1;

πανοπλία – всѣя орѣжна Л 11:22 Зогр, Мар.

В других случаях, видимо, старославянское словосочетание лексической единицы не образовывало, несмотря на то, что оно передавало греческую лексическую единицу согласно греческой языковой концептуализации мира:

ἡμιθανής – елъ жнвз Л 10:30 Зогр, Мар, Ас, Сав;

πρωτοκλισία – прѣдннѣ мѣсто Л 14:8 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр.

Отметим и случаи передачи греческих композитов однокорневыми словами в составе несколькословных номинаций:

ἀρχιτελώνης – мзитарѣ Л 19:2 Зогр, Мар, Ас, Остр – в составе старѣн мзитаремз.

ζωγῶν – лова Л 5:10 Зогр, Мар, Ас, Остр – в составе ѡловѣкзи лова;

οἰκοδεσπότης – домовнтз Мт 20:1 Мар, Ас, Сав, Остр и др. – в составе ѡловѣкз домовнтз.

Образование старославянских композитов-имен с помощью калькирования греческих двукорневых имен для перевода текста Евангелия и Псалтыри наблюдается реже. Всего мы насчитываем 47 композитов²⁸:

²⁸ В число композитов не включаем дериваты от композитов, образованные от соответствующих глаголов-композитов (благоволенне, благословественне, благословествнз, благословещенне, благословещвлненне), также и дериват нерѣкотворенз, образованный с отрицательным префиксом от рѣкотворенз. Образование этих слов относится к сфере словообразовательных отношений внутри старославянского лексикона.

- αἰμορροῦσα – κрзвоточна(ѧ) Mt 9:20 Мар, Ас, Остр, Сав;
ἀλεκτοροφωνία – кокоτοглашенние Mk 13:35 Мар – коуроглашенние
Зогр;
ἀλλογενής – нноплеменьникъ Л 17:18 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр;
ἀλλόφυλος – нноплеменьникъ Ps 107:10;
ἀνθρωπάρεσκος – ѧловѣкоугодникъ Ps 52:6;
ἀνθρωποκτόνος – ѧловѣкоубица И 8:44 Зогр, Ас – ѧловѣкоубица
Мар;
αὐτόπτης – самовидецъ Л 1:2 Зогр, Мар, Ас, Остр;
βαρυκάριος – тажкосрьдъ Ps 4:3;
δεκάχορδος – десятиструинъ Ps 32:2 – десятиструинъ Ps 91:4;
εὐεργέτης – благодѣтель Л 22:25 Зогр;
εὐλαβής – богоѡбъстневъ Л 2:25 Ас (инновация – ср.: ѡбъстневъ Зогр,
ѡстневъ Мар, Сав);
εὐσχήμων – благообразнъ Mk 15:43 Зогр, Мар, Ас, Остр;
θεοσεβής – богоѡбътець И 9:31 Зогр, Мар, Ас, Остр;
κακοῦργος – злодѣи Л 23:32; Л 23:33 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр;
κακοποιός (вар. κακὸν ποιῶν) – злодѣи И 18:30 Зогр, Мар, Ас, Сав,
Остр;
μεγαλοπρέπεια – величѣпота Ps 8:2; Ps 20:6; Ps 28:4; Ps 70:8; Ps
95:6; Ps 110:3;
μεγαλορρήμων – величѣнневъ Ps 11:4;
μετάφρενα, τὰ – междоурамние Ps 67:14;
μονογενής – нноѡѧдъ Л 9:38 Мар, Ас, Сав – едннѡѧдъ Зогр; Л 8:42;
Л 7:12; И 3:16;
μονογενής – едннѡѧдъ И 3:16 Сав, Ас 127a14;
μόνοκερως – ннорогъ Ps 77:69; Ps 91:11;
μονότροπος – нномзисльнъ Ps 67:7 (subst.);
νεόφυτον – новорасль Ps 127:3;
νομοδιδάσκαλος – законѡѡчнтель Л 5:17 Зогр, Мар, Ас;
νομοθέτης – законѡдавѣць Ps 9:21;

- ὁμόνοια* – нномзишленне Пс 54:15; Пс 82:6;
οἰνοπότης – вниопница Мт 11:19 Мар (пнвыца Зогр); Л 7:34 Мар
 (вниопнвыца Зогр); *ὀλιγόπιστος* – маловѣръ Мт 6:30 Зогр, Мар, Ас,
 Сав; Мт 8:26 Зогр, Мар и др.;
πλεονεξία – лнхонимне Л 12:15 Зогр;
πλεονεξία – лнхонмство Пс 118:36;
πλεονεξία – лнхонмствне Л 12:15 Мар;
πολύτιμος – мзногоценнз Мт 13:46 Зогр, Мар, Ас, Сав, Остр; И
 12:3 Зогр, Мар, Ас, Сав;
πρωτοκλισία – прѣждевзлѣганне Мт 23:6 Мар (вззлѣганне Ас);
πρωτοκλισία (так!) – прѣдеззванне Л 20:46 Зогр, Мар, Сав –
 прѣдззванне Ас (так!);
πρωτοκαθεδρία – прѣдестданне Мт 23:6 Мар, Ас; Мк 12:39 Зогр,
 Мар;
πυρόβαρις – стазпоустѣна Пс 121:7;
σιτομέτριον – жнтомеренне Л 12:42 Зогр, Мар;
σκληροκαρδία – жестосрдие Мт 19:8 Мар, Ас, Сав; Мк 16:14 Мар,
 Ас; Мк 10:5 Зогр, Мар;
στηλογραφία – тѣлописьанне Пс 15:1; Пс 55:1; Пс 56:1; Пс 57:1;
 Пс 58:1; Пс 59:1;
тетραρχῶν – четвьтовластьвоуян Л 3:1 Зогр, Мар, Ас, Сав;
тетράρχης – четвьтовластьць Л 9:7 Зогр, Мар;
тетράρχης – четвьтовластьннкз Л 3:19 Зогр, Мар;
φιλάργυρος – сьребролюбьць Л 16:14 Зогр, Мар, Ас, Сав;
χειροποίητος – ржкотворенз Мк 14:58 Зогр, Мар;
ψευδομαρτυρία – лзжесзвѣдѣнне Мт 15:19 Зогр, Мар.

Как видим из вышеизложенного материала, в образовании именных композитов-калек активно используются продуктивные деривационные суффиксы. Это представляется особенно значимым, так как известные нам по рукописям композиты, не демонстрирующие греческого влияния на их образование (т. е. заимствованные по большей части из народной славянской речи того времени), деривационных

суффиксов не имеют, либо имеют непродуктивные деривационные суффиксы, входящие в состав второго компонента композита по модели [основа-слово]. Ср:

соухорѡжкѡ, греч. ὁ ξηράν ἔχων τὴν χεῖρα – модель [[StA-cop-StN]-FI];

водоносѡ, греч. ὑδρία – модель [[StN-cop-StV]-FI];

маломощь, греч. κυλλός (Мк 9:43), πτωχός (Л 14:13) – модель [StA-cop-N];

лѣторасль, греч. βλαστός (Супр 300, 22), βλάστημα (Супр 96,16–17), κλάδος (Супр 321,15) – модель [StN-cop-N]

и т. п.

Из всего списка композитов-калек, встречающихся в тексте Евангелия и Псалтыри, лишь несколько не имеют деривационных суффиксов: нноуѡдѡ, ѣднноуѡдѡ, тажъкосръдѡ, ззлодѣн, ннорогѡ, маловѣрѡ, причем при образовании слов нноуѡдѡ, ѣднноуѡдѡ, тажъкосръдѡ, ззлодѣн использовались, видимо, «готовые» опорные компоненты, известные уже в народной славянской речи того времени как компоненты композитов. Опорный компонент -уѡд(ѡ) обнаруживается в «сращении» братоуѡдѡ праславянского происхождения (ЭССЯ 3: 8); опорный компонент -сръд(ѡ) обнаруживается в композите мнлосръдѡ, вероятной кальке с лат. *misericors* (ESJS 8, 476), вошедшей в славянскую речь до кирилло-мефодиевских переводов; опорный компонент -дѣн обнаруживается в ряде композитов, не демонстрирующих влияния греческого языка на их образование и, возможно, заимствованных из народной славянской речи того времени: прѣлюбодѣн – греч. μοιχαλῖς, ѡродѣн²⁹ – греч. ἐπαιδός в значении ‘колдун’ и ἐπαοιδία в значении ‘заклинание’, стоудодѣн – греч. ἀρσενοκοίτης.

²⁹ Ср., однако, варианты этого слова (точнее, варианты самостоятельных слов – вопреки трактовке в SJS как значений одного слова ѡродѣн) с продуктивными деривационными суффиксами в несколько более поздних переводах: ѡродѣнѡ ‘колдун’ Изб 1073 120b15–16 (γόης); Изб 1073 130b23–24 (τερατουρός); Изб 1073 130d3–4 (ἐπαιδός); (жтровьнаѡ) ѡродѣнца ‘колдовство’ Изб 1073 119a17–18 (ἡ ἐγγαστρίμθος); Изб 1073 149d8–9 (ἡ ἐγγαστρίμθος).

Имело ли активное использование продуктивных деривационных суффиксов в образовании новых старославянских композитов причину и цель? Просматривается ли в этом сознательная переводческая установка св. Кирилла?

Довольно активное использование суффиксации в образовании композитов наблюдается в греческом языке. Как было показано выше, и в греческом, и в старославянском языке при образовании именных композитов использовались базовые структурные модели [основа-основа] или [основа-слово] (хотя выбор словообразовательной модели в каждом конкретном случае мог как совпадать со словообразовательной моделью греческого образца, так и не совпадать). Сопоставление старославянских именных композитов-калек, появившихся в самых первых переводах (т. е. в тексте Евангелия и Псалтыри), с их греческими образцами показывает и определенное соответствие в суффиксации. Такое соответствие в суффиксации находим в использовании греческого суффикса *-(α)* и старославянского *-ьj(e)* (также в составе суффиксальных комплексов *-ньj(e)*, *-еньj(e)*):

ἀλεκτοροφωνία [[StN- cop-StN]-Suf-FI]

– кокотоглашение [[StN- cop-StV]-Suf-FI];

ἀλεκτοροφωνία [[StN- cop-StN]-Suf-FI]

– коуроглашение [[StN- cop-StV]-Suf-FI];

δμόνοια [[StA- cop-StN]-Suf-FI] – нномзшление [[StA- cop-StV]-Suf-FI]
или [StA- cop-N[StV-Suf-FI]];

πλεονεξία [[Adv-StV]-Suf-FI] – лнхонмние [[Adv-StV]-Suf-FI] или
[[StA-cop-StV]-Suf-FI];

πλεονεξία [[Adv-StV]-Suf-FI] – лнхонмьствние [[Adv-StV]-Suf-FI]
или [[StA-cop-StV]-Suf-FI];

πλεονεξία [[Adv-StV]-Suf-FI] – лнхонмьство [[Adv-StV]-Suf-FI] или
[[StA-cop-StV]-Suf-FI];

πρωτοκλισία [[StA-cop-N[StV-Suf-Suf-FI]]]

– прѣждевззлѣганние [Adv-N[StV-Suf-FI]];

πρωτοκλισία (так!) – прѣждеззванние [Adv-N[StV-Suf-FI]];

πρωτοκαθεδρία [[StA-cop-StN]-Suf-FI]

– прѣждесѣданние [[Adv-StV]-Suf-FI];

σκληροκαρδία [StA-cop-N] – жестосръднѣ [[StA-cop-StN]-Suf-FI]]
 στηλογραφία [[StN- cop-StV]-Suf-FI]³⁰
 – тѣлописьаннѣ [[StN- cop-StV]-Suf-FI];
 ψευδομαρτυρία [StA-cop-N[StN-Suf-FI]]
 – лъжесъзвѣдѣннѣ [StA-cop-N[StV-Suf-FI]].

Соответствие в суффиксации находим и в использовании греческого суффикса *-της* и старославянского *-ьс(ь)* в наименованиях лиц:

αὐτόπτης [[StA-StV]-Suf-FI] – самовндѣць [StA-cop-N[StV-Suf-FI]]
 или [[StA-StV]-Suf-FI];
 εὐεργέτης [[Adv-StN]-Suf-FI] (см. Chantraine II: 364) – благодѣтѣль
 [[Adv-cop-StV]-Suf-FI] или [[StA-cop-StV]-Suf-FI];
 νομοθέτης [StN-cop-N[StV-Suf-FI]]
 – законодавьць [StN-cop-N[StV-Suf-FI]]³¹;
 οἰνοπότης [StN-cop-N[StV-Suf-FI]] – внопннца и внопнвьца
 [StN-cop-N[StV-Suf-FI]].

Вместе с тем обращает на себя внимание целый ряд старославянских именных композитов-калек с продуктивными деривационными суффиксами *-ьн(ь)*, *-iv(ь)*, *-(ьн)ik(ь)*, *-ьс(ь)*, указывающими на их частеречную принадлежность адъективам или субстантивам, в то время как их греческие образцы суффиксов, указывающих на частеречную принадлежность композита, не имеют. Речь идет о греческих композитах на *-ος* и *-μων*, среди которых были как адъективы, так и субстантивы (Chantraine 1933: 6–17; 170–173; Tribulato 2015: 269), а также о так называемых сигматических композитах-адъективах на *-ης*,

³⁰ Н *γραφία* в качестве самостоятельного слова словари фиксируют, но всё же на периферии лексического инвентаря, причем позднего: Словарь Лидделла & Скотта – как «= *γραφή*», но только в Глоссарии (Liddell, Scott 1996: 360); Словарь Лампе в значении ‘writing, treatise’ в сочинении Григория Нисского (Lampe 1961: 323). Большая вероятность поэтому, что в словообразовательной процедуре участвовало не слово *γραφία*, а основа глагола *γράφω*.

³¹ Калька семантически неточная во втором компоненте – пример учета при образовании композита славянской семантико-синтаксической зависимости.

которые могли в текстах употребляться также и субстантивно, особенно с артиклем. Ср.:

δεκάχορδος – ДЕСАТЬСТРОУНЬНЪ и ДЕСАТНСТРОУНЬНЪ;

εὐλαβής – БОГОУБЪТНЪ;

εὐσχήμων – БЛАГОУБРАЗЪНЪ;

μεγαλορρήμων – ВЕЛЬРЪУНЪ;

πολύτιμος – МЪНОГОЦЪНЬНЪ;

ἀλλογενής (adj., subst.) – ННОПЛЕМЕНЬННЪ;

ἀλλόφυλος (adj., subst.) – ННОПЛЕМЕНЬННЪ;

ἀνθρωπάρεσκος (adj., subst.) – УЛОВЪКООУГОДЬННЪ;

θεοσεβής (adj., subst.) – БОГОУБЪТЪЦЪ;

τετράρχης (subst.) – УЕТВРЪТОВАЛАСТЪЦЪ;

τετράρχης (subst.) – УЕТВРЪТОВАЛАСТЬННЪ;

φιλάργυρος (adj., subst.) – СЪРЕВРОЛЮБЪЦЪ.

Отметим попутно, что в старославянском переводе встречаются номинации субстантивом с продуктивным деривационным суффиксом и в позиции именной части сказуемого – там, где в исходном греческом тексте мог быть употреблен адъектив³². Ср.:

И 8:44: Ἐκεῖνος ἀνθρωποκτόνος ἦν ἀπ' ἀρχῆς – онъ УЛЪКООУБНЦА бѣ исконн Зоґр, Ас – онъ УЛЪКООУБННЦЪ бѣ исконн Маґ;

³² Манера использовать номинации субстантивом с продуктивным деривационным суффиксом в позиции именной части сказуемого или приложения там, где в исходном греческом тексте был употреблен адъектив, сохраняется и в дальнейших переводах. Ср., например, в Изб 1073: *Μὴ γίνου σκληροκάρδιος καὶ θυμῶδης...* – не боудн ЖЕСТОВЪНЦЪ н ГНЪВЪЛНЪ. Изб 1073, 94d25–26; или: *ὡσπερ ὁ Χριστὸς λέων ὀνομάσθη οὐ διὰ τὸ ἀρπακτικὸν τοῦ ζώου καὶ αἱμοβόρον, καὶ ἄλογον, καὶ θηριῶδες...* – якоже ХЪЗ ЛЪВЪ нарече са не нмъже ие жнвотъ тъ хъштъннъ н КЪЗВОНДЪЦЪ н БЕСЛОВЕСЪНЪ н ОЗВЪРЪНЪ. Изб 1073, 241a3; или: *οὕτως ἄνδρα ἀπόλλυσιν γυνή χαχοποιός*. – также мѡжѡ поґоубнтъ жѡна УЛОДЪНЦА Изб 1073, 170a24.

И 9:31: Οἶδαμεν δὲ ὅτι ἁμαρτωλῶν ὁ θεὸς οὐκ ἀκούει· ἀλλ' ἐάν τις θεοσεβῆς ᾦ, καὶ τὸ θέλημα αὐτοῦ ποιῆ, τούτου ἀκούει. – вѣмъ же вѣко грѣшннкѣ бѣ не послушаецѣ . нз аште кзто бгочѣтыцѣ естѣ . ѿ волѣ его творитѣ . того полоушаецѣ . Зогр, Мар, Ас;

Л 16:14: Ἦκουον δὲ ταῦτα πάντα καὶ οἱ Φαρισαῖοι φιλάργυροι ὑπάρχοντες, καὶ ἐξεμυκτήριζον αὐτόν. – слышаахѣ же сн всн . ѿ фарнсеи сзребролюбци сѣште . ѿ подражаахѣ . Зогр, Мар, Ас, Сав.

Таким образом, несмотря на то, что в народной славянской речи того времени сложение (compounding) как словообразовательная процедура не использовало суффиксацию, в старославянском языке, начиная с самых первых переводов, использование суффиксации при сложении оказывается принципиально шире, чем в исходном греческом. Как и в случае с необходимостью компенсации греческого артикля, использование в образовании старославянских композитов продуктивных деривационных суффиксов в случае номинации предмета (лица, персоны в тексте Евангелия и Псалтыри) с ясностью об этом сигнализировало и являлось, видимо, еще одной переводческой установкой св. Кирилла.

В дальнейшем процессе формирования старославянского лексического инвентаря установка св. Кирилла на предпочтение перевода греческих композитов и дериватов от композитов простыми (однокорневыми) словами эволюционировала в сторону создания старославянских композитов и дериватов от композитов. Как нами было отмечено ранее, уже в языке оглавлений и календарей древнейших евангельских кодексов, т. е. на очень небольшом пространстве переведенного текста, находим целый ряд двукорневых наименований, переводящих греческие композиты (Ефимова 2012: 33). При этом установка на использование продуктивных деривационных суффиксов в случае номинации предмета (лица) сохраняется. Ср. перевод греческих композитов на -ος в тексте оглавлений и календарей древнейших евангельских кодексов:

ζωοποιός – жнвотворецъ Ас 117a22–23;

βαυματουρούς– чоудотворецъ Ас 125b1–2; Ас 127a23–24; Ас127a 28; Ас 128b18–19; Ас 141b8; Сав 134a13; Унд 2aб; Остр 232c18; Остр 242c3; Остр 242c13;

θεοδόχος – богопринимець Ас 142b9;

θεολόγος – богословьць Ас 121b15–16; Ас 141a26–27; Ас 146a7; Сав 151b4–5³³; Слепч 127b8);

θεοφόρος – богоносцьць Ас 128b2; 131b9; 141b4.

Число передач греческих композитов на -ος старославянскими композитами и дериватами от композитов, снабженными продуктивными суффиксами, указывающими на частеречную принадлежность адъективам либо субстантивам, нарастает по мере перевода на старославянский язык греческих текстов и расширения старославянского лексического инвентаря³⁴. Ср., например, некоторые примеры передачи композитов на -ος, номинирующих в греческих текстах лиц (персон), старославянскими двукорневыми существительными с характерными продуктивными суффиксами в переводах несколько более поздних, чем Евангелия и Псалтыри:

ἄθλοφόρος – страстоносцьць Супр 60,7; Супр 61,5; Супр 64,23;

αἰσχρολόγος – сквернословьцьць Изб 1073, 94b10;

ἄλλόφυλος – ннокольвнннкъ Ис 61:7 Григ, Зах;

ἄλλόφυλος – нностраньннкъ Супр 127,7;

ἀνδροφόνος – мпжеубвннца 1Тим 1:9 Христ, Слепч, Шиш;

ἀνθρωποκτόνος – чловѣкоубьцьць Шест 144b11; Шест-Бар 128b8;

ἀστρομαγικός – свѣздозьрьцьць³⁵ Евх 54a17–18;

³³ В несколько более поздних переводах встречаются примеры калькирования и без суффиксации. Например, богословъ (θεολόγος) в календаре Апостола (Ен 36b 11; Слепч 106a 16; Слепч 127b 4; Слепч 127b 8); златоустъ (χρυσόστομος) в календаре Евангелия и Апостола (Ас 127a9; Сав 134a8; Остр 242aa18; Слепч 111b6) и др. Однако в сравнении с «массовой» суффиксацией композитов-калек это явление относительно редкое.

³⁴ Увеличение количества композитов-калек в качестве характерной черты языка переводчика Преславской школы письменности было отмечено уже полвека тому назад Д. Ивановой-Мирчевой (Иванова-Мирчева 1974: 87–89).

³⁵ Как известно, старославянское двукорневое существительное может быть ориентированным на передачу общего значения греческого двукорне-

- αὐτεξούσιος* – самовластьць Шест 199a28–199b1; Шест-Бар 199б3;
αὐτουργός – самодѣльннкз Евх 52a1;
αὐταρχος – самовластьць Супр 81,23;
γενεσιουργός – родотворьць Супр 534,4;
δίγαμος – дзвоженнкз NomUst 32a1–2 (SJS I: 531);
δίγαμος – дзвоженьць NomUst 32a20 (SJS I: 532);
εἰρηνοποιός – мнротворьць Клоц 9a38–39;
ἕξαπτέρυγος – шестокрнлатьць Супр 463,18–19;
ἑτερόγλωσσος – нноηαζзичьннкз 1Кор 14:21 Христ, Охр, Шиш;
ἑτερόσκιος – нностѣньннкз Шест 153с10; Шест-Бар 138б23;
εὐμετάδοτος – добродатьннкз Изб 1073, 91d27–28;
θεομάχος – богоборьць Деян 23:9 Христ, Мат; Супр 87,13–14;
 Супр 480,18–19;
θεομάχος – богосварьннкз Деян 5:30 Гилф; Супр 339,12;
θεόσοφος – богомѣдрьць Изб 1073, 227a4;
θεοτόκος – богороднца Ас 145a5; Евх 36б13 и др.;
ζωγράφος – шаропнсатеѣ Супр 83,9;
κακοποιός – ззлодѣнца Притч 12:4 Zach (SJS I: 686–687);
καληβόηθος – добропомощьннца Супр 434,5;
ματαιολόγος – соуесловьннкз Тит 1:10 Слепч;
μεγαλόδωρος – велнкодарьць Шест 189d19 – велнкодавць Шест-Бар 187a20;
ξεροφάγος – соухоѣдьць Евх 70a25;

вого слова, но семантически неточным в передаче какого-либо из компонентов (так наз. «полукальки»). В списке наших примеров есть еще несколько таких слов: *ζωγράφος* – шаропнсатеѣ, *οἰκουργός* – домодрьжнца, *τροπαιοφόρος* – побѣдотворьць, *τιμβωρύχος* – гробокрадатеѣ, *χειραγωγός* – ходѣвдьць. В процессе дальнейшего изучения источников может оказаться, что так наз. «полукалька» являлась точной калькой, но созданной в при переводе другого греческого текста (Ефимова 2011a: 205–206).

- οἰκουργός – домодръжница Тит 2:5 Слепч, Шиш;
- ὀμόφυλος – тождеплеменьникъ Панд.Ант.ХІ в. л. 116 (Срезн III: 971);
- ὀξύγραφος – скорописецъ Пс 44:2 Пог (ядрописецъ Син);
- ὀρθόδοξος – православецъ Евх 2b19;
- σαρκοφάγος – плзтоядецъ Шест 186b21; Шест-Бар 18265;
- σπερμολόγος – зръноберецъ Шест 186c3; Шест-Бар 182612;
- τροπαιοφόρος – побѣдотворецъ Супр 95,10;
- τυμβωρύχος – гробокопатеѣ NomUst 11b19 (SJS I: 435);
- τυμβωρύχος – гробокрадатеѣ NomJas 9a9 (SJS I: 435);
- φιλάγαθος – благолюбецъ Тит 1:8 Шиш;
- φιλάδελφος – братолюбецъ 1Пет 3:8 Христ, Слепч;
- φίλανδρος – мѣжелюбница Тит 2:4 Слепч, Шиш;
- φιλάνθρωπος – чловѣколюбецъ Евх 8a2; Супр 329,10; Шест 249b6; Шест-Бар 254622 и др.
- φίλαυτος – самолюбецъ 2Тим 3:2 Слепч;
- φιλήδονος – сластолюбецъ 2Тим 3:4 Слепч;
- φιλόθεος – боголюбецъ 2Тим 3:4 Слепч; Евх 70b18; Супр 365,16; Супр 543,15;
- φιλόξενος – страннолюбецъ 1Пет 4:9 Христ, Слепч, Шиш; 1Тим 3:2 Христ, Шиш и др.;
- φιλόλογος – словолюбецъ Супр 359,13–14;
- φιλοπονώτερος – люботрудникъ Шест 185a8; Шест-Бар 180611;
- φιλότεκνος – чадолубница Тит 2:4 Слепч, Шиш;
- φιλόχριστος – хрнстолубецъ Евх 86b13–14; Супр 67,8; Ен 21b16;
- χειραγωγός – кодаводецъ Изб 1073, 189a20–21;
- χριστομάχος – хрнстоворецъ Супр 484,25;
- ψυχοφθόρος – доушегоубница Супр 328,25;
- ψευδολόγος – лжесловесникъ 1Тим 4:2 Христ, Охр, Слепч, Шиш.

Слова, введенные первыми славянскими переводчиками в старославянский лексический инвентарь, как правило, «укоренялись» в нем и использовались в дальнейшем для передачи греческих слов, как переведенных ими впервые, так иногда и других, близких по значению. Однако тенденция к созданию старославянских композитов и дериватов от композитов для перевода двукорневых греческих слов нарушает иногда это правило. Уже в евангельском тексте встречаем инновацию Ассеманиева евангелия в Л 2:25: *εὐλαβής* – богочыствъз, в то время как в других древнейших кодексах находим в этом стихе перевод *εὐλαβής* простыми (однокорневыми) словами: в Зографском чътнвз, в Мариинском и Саввиной книге чъствнвз³⁶. Ср. также некоторые другие примеры, подтверждающие эту тенденцию:

γεωργός – дѣлатель Мт 21:22–41 и др.; тажатель Мк 12:1 и др.

– земледѣль Кирил.Иерус. XII в., 189 (Срезн I: 971);

εἰρηνοποιός – сздмръян Мт 5:9 Зогр, Ас, Сав, Остр

– мнротворецъ Клоц 9а 38–39;

καρποφορεῖν – плоднтн сѧ Мк 4:20 Зогр, Мар; плодзи (плодз)

прноснтн Мт 13:23 Зогр, Мар

– плодоносъствоватн Супр 280,4;

πανουρία – льсть Л 20:23 Зогр, Мар

– въседѣствнѣ Хроника Георгия Амартола XIV в., 46г (СДРЯ II: 273);

σκηνοποιός – оусмаѣ Деян 18:3 Христ

– клѣводѣльн глосса Христ;

σπερμιολόγος – бладнвз Деян 17:18 Слепч, Шиш (блжднвз Охр)

– сѣменословецъ Деян 17:18 Христ

и т. п.

В начале данной главы мы отметили, что иногда невозможно определить, является ли старославянское сложное слово композитом или дериватом от композита. Однако, имея целью выявление путей формирования старославянского лексического фонда, важно по крайней

³⁶ Об инновациях Ассеманиева евангелия, свидетельствующих о преславском происхождении рукописи, см. (Ефимова 1991: 73; Пичхадзе 2002: 48–50; Ефимова 2011: 329–330).

мере иметь в виду, что греческие двукорневые слова – как композиты, так и дериваты от них – могут передаваться в старославянском переводе также двукорневыми словами, среди которых могут быть как композиты, образованные с применением калькирования, так и дериваты от уже вошедших в старославянский лексический инвентарь композитов. В некоторых случаях идентификация сложного слова как композита или деривата от композита, действительно, не столь проста, и здесь необходимо учитывать последовательность формирования старославянского лексического инвентаря и, соответственно, последовательность вхождения в него новых слов.

Старославянский лексикон формировался по мере создания на старославянском языке новых текстов – как оригинальных произведений (например, в гимнографии), так и – особенно – осуществления очередных переводов на старославянский язык (главным образом, с греческого языка). Круг переводимых греческих текстов расширялся постепенно – от самых необходимых в богослужении (Евангелия и Псалтыри) до агиографической литературы, предназначенной для «домашнего» чтения, и богословских трактатов. В этом переводческом процессе так же постепенно пополнялся и старославянский лексический инвентарь – и за счет «готовых» слов (т. е. лексикой народной славянского речи того времени, нередко с расширением семантического объема, и книжными заимствованиями из греческого), и за счет слов – результатов словотворчества самих книжников. Постепенность вхождения в старославянский лексический инвентарь новых слов, особенно слов, создаваемых самими книжниками, чрезвычайно важно, по нашему мнению, учитывать при изучении механизмов номинации в старославянском языке.

В частности, решение вопроса о том, являлось ли старославянское сложное (двукорневое) слово калькированным композитом или дериватом от композита, зависит от учета обстоятельств его вхождения в старославянский лексический инвентарь. Так, например, двукорневое слово *лхонмьць* (*πλεονεκτήης*), употребленное в переводе Апостола (1Кор 5:11; 1Кор 6:10; Эф 5:5), следует, видимо, считать дериватом от глагола *лхонматн* (*πλεονεκτηῖν*)³⁷, также встречающегося

³⁷ В *πλεονεκτηῖν* второй компонент – «связанный» (Chantraine 1970 Т. II: 393), тогда как *лхонматн* образовано по базовой модели [основа-слово], т. е.

в переводе Апостола (2Кор 7:2 Слепч; 1Фес 4:6 Шиш), тогда как лнхонмне, появившееся в переводе Евангелия (Л 12:15, сохранилось в Зографском евангелии), т. е., видимо, раньше вхождения в старославянский лексический инвентарь глагола лнхонматн, являлось композитом, образованным при помощи калькирования композита *πλεονεξία*:

[Adv - StV - Suf-FI]

[πλεον - εξ - ί - α]

↓

[[StA - cop - StV] - Suf - FI]

[[лнх - о - нм] - н - ю (ьje)]

или, возможно,

[[Adv - StV] - Suf - FI]

[[лнхо - нм] - н - ю (ьje)].

На самом начальном этапе становления старославянского лексического инвентаря, в переводе Евангелия-апракос и Псалтыри, в него вошло сложное слово благоволение (которое затем прочно в нем закрепилось и стало высокочастотным):

Л 2:14: Δόξα ἐν ὑψίστοις θεῶ, καὶ ἐπὶ γῆς εἰρήνη· ἐν ἀνθρώποις εὐδοκία.

– vz ѳѳѳхз благволенне . Зогр, Мар, Ас, Сав, Ват;

Л 10:21: καὶ, ὁ πατήρ, ὅτι οὕτως ἐγένετο εὐδοκία ἔμπροσθέν σου.

– ei оѳе ѳко тако бзистъ . благволенне прѣдъ тобоѳъ . Зогр, Мар, Ас, Сав;

Пс 5:13: ὡς ὄπλω εὐδοκίας ἐστεφάνωσας ἡμᾶς

– ѳко шѳтомъ благволеннеѳ вѳньѳалъ нзи еси . Син.

Если оставить в стороне принцип учета обстоятельств вхождения переводящей лексемы в старославянский лексический инвентарь, образование двукорневого слова благоволение можно было бы рассматривать и как образование композита по модели [основа-слово] при непосредственном калькировании греч. *εὐδοκία* (образованного, правда, по модели [основа-основа]), и как образование деривата с суффиксальным комплексом *-enjb(e)* от глагола-композита *благвоалнтн*, кальки

[StA-cop-V] (ср. лнхою нмамые в Кол 3:5 в Христ), или дает, возможно, пример использования базовой модели [слово-слово], т. е. [Adv-V].

глагола *εὐδοχεῖν*. Однако слово *волюенне* было на периферии старославянского лексикона и, видимо, вошло в него относительно поздно, гораздо позже перевода Евангелия-апракос и Псалтыри: его не только не фиксируют старославянские словари (Словарь 1994, SJS), но известен, кажется, единственный пример с этим словом – в Пандектах Антиоха по древнерусскому списку XI в. (Срезн I: 289³⁸). С другой стороны, глагол-комполит *благоволнтн*, калькирующий глагол-комполит *εὐδοχεῖν*, вошел в старославянский лексический инвентарь также на самом начальном этапе его становления, в процессе перевода Евангелия-апракос и Псалтыри:

Мт 3:17: Οὗτός ἐστιν ὁ υἱός μου ὁ ἀγαπητός, ἐν ᾧ *εὐδόκησα*.

– сь естз снз мон . вззлюблензи . о немь же БЛАГОВОЛНХЗ . Зогр, Ас, Сав;

Пс 39:14: *εὐδόκησον* κύριε τοῦ ρύσασθαι με

– БЛАГОВОЛ ꙗ ꙗзбавити мѧ . Син.

Учитывая это обстоятельство, образование слова *благоволюенне* следует, очевидно, рассматривать как деривацию от глагола-комполита *благоволнтн*.

При изучении способов образования старославянских слов необходимо также учитывать, что слово, введенное книжниками в старославянский лексический инвентарь из народной славянской речи или созданное ими самими для перевода определенного греческого слова определенной морфемной структуры, затем могло употребляться для перевода и других греческих слов, другой морфемной структуры. В отношении старославянских композитов-калек это наблюдение впервые, кажется, сделала Э. Благова (Bláhová 1996: 261–262), хотя оно справедливо и в отношении слов другой морфемной структуры и другого происхождения (Ефимова 2014: 411–412). Игнорирование этого обстоятельства может привести к «далеко идущим выводам». Так, например, в упомянутой выше монографии Н. Н. Низаметдиновой 2013 г. рассматривается группа старославянских сложных слов – калек с греческого. В качестве примера случая, где «перевод греческих сложных

³⁸ Тот же пример по Великим Минеям-Четьим XVI в. приводит и Словарь русского языка XI–XVIII вв. (СлРЯ 2: 313).

слов был сопряжен с образным переосмыслением их семантической структуры», приводится пара жестосръдз – *θηριώδης* (Низаметдинова 2013: 72). Между тем уже в статье 2007 г. нами был указан способ создания композита жестосръдз(зин) в процессе перевода стиха Притч 17:20 путем калькирования греч. *σκληροκάριδος* с точным семантическим соотношением корней – в ряду других композитов с «готовым» опорным компонентом *srьdъ* (Ефимова 2007а: 120). Не приходится сомневаться, что употребленный в соответствии с *θηριώδης* (в словосочетании *τὰ θηριώδη ἔθνη*) в переводе Слова Епифания Кипрского «На погребение Христова» композит жестосръдз(зин) и обнаруженный Н. Н. Низаметдиновой в Супрасльской рукописи³⁹, был уже введен в старославянский лексический инвентарь ранее, при переводе Паремейника, начало которому, как известно, было положено в великоморавский период деятельности свв. Солунских братьев, хотя древнейшие из дошедших до нашего времени списков Паремейника и относятся к XII–XIV вв. Ср. в древнейшем Григоровичевом паремейнике (в субстантивном употреблении):

Притч 17:20: ὁ δὲ *σκληροκάριδος* οὐ συναντᾷ ἀγαθοῖς
– а жестосръдзѣ не оутзкнеть са благѣнкъ . Григ.

Разумеется, слово, созданное и введенное в старославянский лексический инвентарь славянскими книжниками, в дальнейшем могло «обрастать» собственными дериватами, т. е. в образовании нового сложного двукорневого слова уже не участвовали отношения «текст → текст» (в процессе непосредственного калькирования определенного

³⁹ Текст следующий: τῆς τὰ *θηριώδη* ἔθνη πάντα ἐκ κατακλυσμοῦ ἀσεβείας διὰ περιστερᾶς ἀγίου πνεύματος διασωσάσης – сзпасзшн *жестосръдзѣ* вса аззкы . отз потопа нечьстнѣ . голъбемъ сѣаго доуха . Супр 460,17. Супрасльская рукопись, тексты которой были либо переведены изначально преславскими книжниками, либо в большей или меньшей мере подвергнуты их редакции, входит в старославянский канон. Н. Н. Низаметдинова исходила из убеждения (очень распространенного, к сожалению, среди лингвистов), что лексикон старославянского языка (IX – начала XI вв.) исчерпывающе представлен в «Старославянском словаре (по рукописям X–XI веков)» под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой (Словарь 1994 г.), словник которого составлен на основе рукописей старославянского канона.

слова греческого текста), а участвовали только парадигматические связи внутри старославянского лексического инвентаря. Так, в той же Супрасльской рукописи, но в Слове на Вербное воскресенье обнаруживается (тоже в субстантивном употреблении) сложное слово жестосрьднвз(зин) – дериват от композита жестосрьдз(зин) с характерным для узуса преславских книжников суффиксом *-iv-*. В данном случае старославянское слово используется для перевода уже однокорневого слова с префиксом *ἀ-* ἀχάριστος (т. е. слова с совершенно другой морфемной структурой):

Ἀκούσατε οἱ ἀχάριστοι, τί εὐαγγελίζεται ὑμῖν ὁ προφήτης Ζαχαρίας
 – слышите жестосрьднвнн . что вамъ благовѣстнтъ захарія пророкъ .
 Супр 324,16.

Глава IV

Номинации субстантивированными причастными формами

Номинации субстантивированными причастными формами используются в старославянских текстах очень широко. Употребление субстантивированных прилагательных и причастий в старославянском языке неоднократно было предметом внимания в наших работах (Ефимова 2000; Ефимова 2010; Ефимова 2011а: 41–53; Ефимова 2012а), и все же в отношении употребления в старославянских текстах субстантивированных причастных форм остается много неосвещенных вопросов: о соотношении с греческими оригиналами, о возможностях определения субстантивированности / отсутствия субстантивированности причастных форм, об особенностях выполнения ими функции номинации лингвистических концептов и т. д. В данной главе постараемся восполнить эти пробелы и рассмотреть различные виды номинаций субстантивированными причастиями.

Субстантивация адъективов – прилагательных и причастий – была одним из самых востребованных славянскими книжниками видов номинации в их словотворчестве и существенно пополняла старославянский лексический фонд. Однако вследствие особенностей глагольно-именной природы причастий не всякая номинация причастной формой сама по себе, видимо, создавала лексическую единицу. Для целей наших исследований путей формирования старославянского лексического фонда важно выявить, какие из номинаций причастными формами представляли собой его единицы (и, следовательно, должны фиксироваться словарями) и определить критерии для такой идентификации.

Как давно уже нами было отмечено в статье 2000 г. (Ефимова 2000: 56–58), номинации субстантивированными прилагательными очень нерегулярно фиксируются современными словарями (SJS; Словарь 1994), что, разумеется, свидетельствует не о небрежности составителей словарей, а об отсутствии ясных критериев, которыми можно

было бы руководствоваться в течение сбора и анализа материала (работа над чем, как известно, проводится задолго до выхода в свет лексикографической продукции). В меньшей степени это относится и к фиксации номинаций субстантивированными причастиями. В той же статье 2000 г. мы дали объяснение «разнобою» в критериях составителей словарей как обязанному существованию разных точек зрения в научной литературе на явление субстантивации: согласно одной из них, субстантивированным считается только такой адъектив, употребление которого без определяемого существительного становится языковой нормой, и устанавливаются «степени» или «ступени» его субстантивации; согласно же другой точке зрения, субстантивированным считается любой адъектив, употребленный, хотя бы и окказионально, для номинации предмета (в широком смысле слова). В статье мы дали объяснение принятию второй точки зрения на явление субстантивации как единственно возможной в отношении старославянского материала (Ефимова 2000: 56–59). При решении этого вопроса приходится учитывать, что современному исследователю недоступен (причем принципиально не может быть доступен) весь корпус текстов, созданных в эпоху существования старославянского языка в IX – XI вв., (и, следовательно, доступны не вся лексическая и вся словообразовательная системы языка в полном объеме), не говоря уже о невозможности непосредственного обращения к языковому сознанию его носителей. Следовательно, в качестве принадлежащих старославянскому лексическому фонду мы должны описывать равно как и высокочастотные лексемы, так и малочастотные, и гапаксы, хотя значительная (и, несомненно, большая) их часть была создана переводчиками непосредственно в процессе перевода. Отметим, что хотя мы продолжаем пользоваться по традиции термином «субстантивированное» (прилагательное или причастие), имеем в виду при этом «субстантивно употребленное прилагательное» или «субстантивно употребленное причастие», полагая последние термины более точными.

На образование номинаций причастными формами в старославянском языке оказывали влияние два фактора: во-первых, двойственная – глагольно-именная – природа причастий и, во-вторых, типологическое сходство и различия греческого и славянского грамматического строя.

Как уже отмечалось в Главе I (с. 26), способ номинирования предметов по их характерным и постоянным признакам субстантивно употребленными адъективами уходит корнями в глубокую праславянскую и индоевропейскую древность, и такие наименования в довольно больших количествах перешли в старославянский язык из народной славянской речи того времени¹. Как будет видно из дальнейшего изложения, основная масса номинаций причастными формами образовывалась славянскими переводчиками при необходимости перевода с греческого и непосредственно в процессе этого перевода, в то время как к старославянским номинациям причастными формами, взятыми из народной славянской речи, можно отнести лишь единичные примеры. Однако надо полагать, что в грамматическом строе старославянского языка наименования субстантивированными причастиями по их постоянным действиям, состояниям и свойствам занимают такое же место, как и наименования другими субстантивно употребленными адъективами – как восходящими к древним наименованиям (типа *глоухъз(зи)* ‘глухой (человек)’, *нѣмъз(зи)* ‘немой (человек)’, *слѣпъз(зи)* ‘слепой (человек)’ и др.), так и восходящими к новообразованным прилагательным (типа *нечѣстнвъз(зи)* ‘нечестивый, безбожный (человек)’ – греч. *ὁ ἀσεβής*, *благочѣстнвъз(зи)* ‘благочестивый, набожный (человек)’ – греч. *ὁ εὐσεβής*, *вогогодьнъз(зи)* ‘угодный Богу (человек)’ – греч. *ὁ θεάρεστος* и др.). Ср., например, ряд наименований субстантивно употребленными прилагательными, взятыми из народной славянской речи того времени и восходящими к древним наименованиям, среди которых есть и наименование субстантивно употребленным причастием *прокаженъз(зи)*, также взятым, видимо, из народной славянской речи (ср. греч. *λεπρός*), в Мт 11:5:

τυφλοὶ ἀναβλέπουσιν, καὶ χωλοὶ περιπατοῦσιν, λεπροὶ καθαρίζονται, καὶ κωφοὶ ἀκούουσιν, νεκροὶ ἐγείρονται, καὶ πτωχοὶ εὐαγγελίζονται.

¹ Так, например, номинация слепого человека субстантивно употребленным прилагательным *слѣпъз(зи)*, заимствованная, несомненно, из народной славянской речи, оставалась более обычной в старославянском языке, чем номинация суффиксальным существительным *слѣпъць*. Согласно нашим подсчетам, в Мариинском евангелии имеется 18 номинаций субстантивно употребленным прилагательным *слѣпъз(зи)* и только 12 номинаций существительным *слѣпъць*.

– сѣпни прозвѣштѣ . ѿ хромн ходатѣ . прокаженн оуштѣштѣ сѣ
н глаосн сзшшатѣ . мрзтвн възстѣштѣ . ѿ нштнн благовѣстоуѣштѣ .
Мар, Зогр (без нштнн благовѣстоуѣштѣ), Ас 142b–143a.

В таком способе номинации предметов (использовавшемся особенно часто, как и в вышеприведенном примере, для номинации лиц) видится типологическая близость славянского и греческого языка. Естественным путем в этот способ номинации вовлекалось и субстантивное употребление новообразованных старославянских прилагательных, в том числе и калькирующих греческие лексемы. Ср., например:

“Οπερ ἐπὶ τῆς θεότητος τοῦ Χριστοῦ οὐκ ἂν τις τῶν εὐσεβῶν τολμήσει εἰπεῖν ἢ παραδέξασθαι...

– ꙗкоже о бѣжствѣ хрѣстосовѣ . не може ннхзтоже бл҃гоу҃стьныхъ
дързноути рѣштн нлн прнѣштн ... Изб.1073 12b2–3;

Γέγραπται γάρ· Εὖ ποίησον εὐσεβεῖ καὶ εὐρήσεις ἀνταπόδομα...

– пнсано бо не добро створи бл҃говѣрномуу . н обраштешн отзданнѣ .
Изб.1073 90d20.

Во многих случаях таким же образом номинируют предметы (в том числе, и особенно часто, лиц) по их постоянным действиям, состояниям и свойствам субстантивно употребленные причастия. Ср.:

Μτ 11:28: Δεῦτε πρός με πάντες οἱ κοπιῶντες καὶ πεφορτισμένοι ...

– прѣдѣте кз мнѣ всн трудоудѣштѣ сѣ . ѿ обременени Зогр,
Мар, Ас, Сав;

Πс 24:8: διὰ τοῦτο νομοθετήσῃ ἁμαρτάνοντας ἐν ὁδῷ

– сего ради законъ дастъ сзгрѣшѣшѣимъ (на) пѣть . Син
(ср. в Синодальном переводе: «посему наставляет грешников на путь»);

Μτ 13:19: οὗτός ἐστιν ὁ παρὰ τὴν ὁδὸν σπαρεῖς.

– се естѣ сѣаное прн пѣтн . Зогр;

Μτ 24:41: Δύο ἀλήθουσαι ἐν τῷ μύλωνι· μία παραλαμβάνεται, καὶ μία ἀφίεται.

– двѣ мелѣштн въз жрзнѣвакѣ . еднна поемлетѣ сѣ . ѿ еднна
оставѣлетѣ сѣ . Зогр, Мар, Ас, Сав.

Поскольку подобные наименования представляют постоянные характеристики предметов, можно утверждать, что в таких случаях субстантивно употребленные причастия – таким же образом, как и древние имена, как и субстантивно употребленные прилагательные в более позднем периоде развития языка – номинируют соответствующий предметный лингвистический концепт и являются лексическими единицами. К понятию лингвистического концепта при анализе субстантивного употребления причастных форм в старославянских текстах заставляет обращаться двойственная – глагольно-именная – природа причастий.

Поскольку в настоящей главе понятие лингвистического концепта играет ключевую роль в анализе языкового материала, поясним здесь наше понимание термина «лингвистический концепт». При всем многообразии подходов и множестве суждений о (лингвистическом) концепте представителями разных школ, можно, суммируя, принять определение, что (лингвистический) концепт – это некая дискретная единица ментального лексикона носителя языка (Кубрякова 1996: 90; Болдырев 2002: 23–24; Sprenger 2003: 4; Залевская 2005: 243–244; Booij 2009: 220–221; Кубрякова 2012: 49–50; 107–108 и мн. др.). Лингвистические концепты составляют лишь часть ментального лексикона человека. Собственно лингвистический концепт может быть охарактеризован как концепт, поддающийся вербализации. При анализе старославянских текстов по большей части мы имеем дело с «конкретными» концептами, которые более традиционно можно было бы называть «стоящими за словами понятиями» (Верещагин, Костомаров 2005: 43–62)².

Надо полагать, что обилие номинаций предметных лингвистических концептов причастными формами в греческих оригиналах обязано существованию в греческом языке артикля. В номинативном механизме греческого языка – как классического, так и византийского периода – артикль играл важную роль, и в этом видится существенное отличие греческого грамматического строя от славянского. Как известно, одной из основных функций греческого артикля

² Применительно к старославянскому материалу определение понятия «лингвистический концепт» см. также (Ефимова, Желязкова 2014а: 35–39).

являлась функция субстантивизатора, посредством которого субстантивировались не только адъективы, но и различные выражения, части предложений и даже предложения (Blass, Debrunner 1961: 138–140). Таким образом, посредством употребления артикля в греческом тексте причастные формы (или словосочетания с причастными формами) с легкостью могли превращаться в единицы номинации.

Уже более полувека тому назад Р. Вечеркой было отмечено, что обилие субстантивированных причастий в старославянских текстах обусловлено влиянием языка греческих оригиналов. Вечерка, тем не менее, считал, что употребление субстантивированных причастий в старославянском языке не было механическим калькированием, «рабским» заимствованием этого языкового средства выражения из греческого, но что оно имело опору в «живой» (т. е. народной) языковой основе книжного старославянского языка (Večerka 1961: 15). Мнение Вечерки о том, что употребление причастий не было чуждо народной славянской речи эпохи становления старославянского языка, подтверждает исследование К. Штайнке, подсчитавшего в свое время, что в Саввиной книге около 16% причастных форм не имеют соответствий в виде причастных форм в греческом оригинале (Штайнке 1984: 81). Однако подсчеты Штайнке относятся, главным образом, к причастным формам не субстантивированным. Что же касается субстантивного употребления причастий в старославянских текстах (т. е. номинации предметов в широком смысле), то здесь зависимость от греческих оригиналов в период формирования старославянского лексического фонда достаточно сильна, а редкие примеры самостоятельного использования в этом качестве причастных форм представляются исключениями из общего правила. Среди последних можно указать на случаи (довольно редкие) перевода старославянскими причастными формами греческих субстантивно употребленных прилагательных, особенно отглагольных: (ὁ) ἐκλεκτός – нзѣзранѣ(зи) (Мт 24:22; Л 18:7 Зогр, Мар; Пс 17:27), ὁ ἀγαπητός – вѣзлюбленѣзи (Пс 44:1) и т. п. Например:

Мт 24:22: διὰ δὲ τοὺς ἐκλεκτοὺς κολοβωθήσονται αἱ ἡμέραι ἐκείναι
– за нзѣзранѣзи же прѣврататѣ са дьне тн . Мар, Ас 83d, Зогр
(нзѣзранѣзи);

Пс 44:11: ὧδὴ ὑπὲρ τοῦ ἀγαπητοῦ
– ꙗѣ о вѣзлюбленѣмъ . Син.

Но встречаются и «обратные» примеры (тоже довольно редкие), когда субстантивно употребленное в греческом оригинале причастие передается, особенно в несколько более поздних переводах, прилагательным или даже существительным: *πονηρευόμενος* – *λῃκαβων* (Пс 4:4), *περισσεύων* – *ηζβιτζκз* (Мк 12:44), *ὁ γειτονεύων* – *сѣсѣдз* (ТК Иез 8:18) и т. п. Например:

Пс 14:4: *ἐξουδένωται ἐνώπιον αὐτοῦ πονηρευόμενος ...*
– оуниѣженз естѣ прѣдѣ нимз *λῃκαβων* ... Син;

Мк 12:44: *πάντες γὰρ ἐκ τοῦ περισσεύοντος αὐτοῖς ἔβαλον.*
– всн бо отѣ *ηζβιτζκз* своего взврзгошѣ . Зогр, Мар;

ТК Иез 8:18: *Καθάπερ γὰρ αὐτοὶ οὐ τὰ τῆς εὐσεβείας, ἀλλὰ τῆς ἀσεβείας ἐξέτειναν κλήματα, καὶ τὴν τῶν γειτονεύόντων ἐπέτειναν βλάβην*
– ꙗкоже бо ꙗ сннѣ бѣгоучстїа· нѣ бесчстїа прострѣшѣ лѣзѣ· ꙗ прострѣшѣ *сѣсѣдомз* врѣ· по F.I.461 л. 242a16.

Употребление же основной массы старославянских субстантивированных причастий следует за употреблением их в греческих оригиналах. Насколько распространено в греческих оригиналах старославянских текстов субстантивное употребление причастий, показывают подсчеты Джеймса Л. Бойера, который в греческом тексте Нового Завета насчитал 1467 таких примеров (the «substantive use» of the participle) (Boyer 1984: 165). Еще более насыщен субстантивированными причастными формами поэтический текст греческой Псалтыри.

В старославянском тексте субстантивированность причастной формы далеко не всегда очевидна для современного исследователя. Рассмотрим, какие существуют возможности для определения субстантивированности / отсутствия субстантивированности старославянских причастных форм.

При анализе старославянского текста мы не можем опираться на такое формальное определение субстантивированного прилагательного или причастия, как «существительное адъективного склонения» – как это делается, например, в Русской грамматике 1982 г. (Русская грамматика I: 239). Понятно стремление описать явление субстанти-

вации с помощью максимально формализованных признаков, однако в старославянском языке было возможно субстантивное употребление кратких (именных) форм прилагательных и причастий (хотя в текстах, действительно, преобладают субстантивно употребленные полные формы прилагательных и, особенно, причастий). Таким образом, признак адъективного типа склонения для материала старославянского языка из дефинирующего превращается в нерелевантный. Лучше (более пригодно к старославянскому материалу) описывается субстантивация дефиницией, данной в свое время этому явлению А. Ф. Журавлевым: «Первоначальный механизм субстантивации, так же как в случаях с семантической компрессией и метонимией, достаточно внятно описывается при помощи ссылок на синтагматические отношения слова. В сущности, субстантивацию вполне возможно охарактеризовать как метонимию, отягощенную изменением синтаксической функции <...> Субстантивация, подобно метонимии, легко освобождается от пут синтагматики, и в языке вырабатываются определенные модели предметных наименований путем сообщения прилагательному синтаксической функции существительного без оглядки на возможные словосочетания...» (Журавлев 1982: 69–70). Следовательно, при анализе текста определение субстантивированности или отсутствия субстантивированности причастной формы зависит, казалось бы, от выявления ее синтаксической функции. Именно на понимание субстантивации как выполнение причастной формой синтаксической функции существительного опирался Р. Вечерка при описании субстантивированных причастий в своей монографии о синтаксисе старославянских активных причастий. Вечерка дал примеры использования причастных форм во всех синтаксических позициях, обычно занимаемых существительными (Večerka 1961: 12–14)³. Трудности анализа старославянского материала возникают, однако, при определении самих этих позиций.

В основной массе старославянских текстов старославянский перевод ориентирован на язык греческих оригиналов, и интерпретация

³ Р. Вечерке принадлежат наиболее значительные – из выполненных к настоящему времени – исследования синтаксиса старославянского языка, в том числе фундаментальный труд (Večerka 1989–1996).

старославянского текста зависит в определенной мере от интерпретации греческого текста⁴. На субстантивированность старославянского причастия может указывать артикль при соответствующем причастии в греческом оригинале. Однако в греческих текстах артикль при субстантивированных причастиях употребляется хотя и часто, но все же не всегда (Wallace 1996: 619). Так, в греческих текстах артикль часто отсутствует, когда лингвистический концепт имеет обобщающее значение. Например:

Пс 7:3: *μήποτε ἀρπάσῃ ὡς λέων τὴν ψυχὴν μου μὴ ὄντος λυτρομένου μηδὲ σώζοντος*

– еда когѣда похзититѣ ѣко лѣвѣ . дѣшѣ моѣ нѣ (сѣ)щю нзбавлѣѣщюмоу нн сзпасаѣщюмоу . Син;

Пс 57:6: *ἦτις οὐκ εἰσακούσεται φωνὴν ἐπαδόντων*

– ѣко не оуслзшитѣ гласа обаванѣшаго . Син.

Кроме того, обычное и часто встречающееся явление в греческом языке – повторение артикля при атрибуте, т. е. во второй атрибутивной позиции адъектива (Wallace 1996: 306–307). При этом расположение атрибута в виде причастия с повторением артикля может быть на довольно большом расстоянии от определяемого слова, но артикль, будучи повторным, на субстантивированность причастия не указывает. Например:

Пс 40:10: *καὶ γὰρ ὁ ἄνθρωπος τῆς εἰρήνης μου ἐφ’ ὃν ἤλπισα ὁ ἐσθίων ἄρτους μου ἐμεγάλυνεν ἐπ’ ἐμὲ πτερνισμόν*

– їбо ѣлѣкѣ мнѣ моего на нзже оупзвхѣз . ѣдзи клѣвѣзи моѣ вззвелѣчнлз есть на мнѣ ковѣз . Син.

Атрибут *ἐσθίων* расположен на довольно большом расстоянии от определяемого слова *ἄνθρωπος* (соответственно и причастная форма *ѣдзи* расположена на довольно большом расстоянии от определяемого слова *ѣловѣкѣз*).

⁴ На язык греческих оригиналов ориентирован старославянский перевод и в тех случаях, когда греческие оригиналы (в том числе и греческая Псалтырь, и некоторые другие тексты) сами представляют собой переводы с древнееврейского, хотя это не может не сказываться на их языке (см. далее особенности в интерпретации некоторых примеров).

В некоторых случаях определение причастных форм с повторным артиклем в качестве атрибутов оказывается еще более проблематичным. Например, определение в качестве атрибутов к *ὁ κύριος* причастных форм *πλάσας* и *συνιείς* (и, соответственно, форм *созздавзи* и *разоумѣваѣн*) в тексте Псалтыри в следующем примере:

Пс 32:13–15: *ἐξ οὐρανοῦ ἐπέβλεψεν ὁ κύριος εἶδεν πάντας τοὺς υἱοὺς τῶν ἀνθρώπων ἐξ ἐτοίμου κατοικητηρίου αὐτοῦ ἐπέβλεψεν ἐπὶ πάντας τοὺς κατοικοῦντας τὴν γῆν ὁ πλάσας κατὰ μόνας τὰς καρδίας αὐτῶν ὁ συνιείς εἰς πάντα τὰ ἔργα αὐτῶν*

– сз небесе призрѣ ꙗ̑ . видѣ всѣхъ снзи члскзиѣ . сз готоваго жилишта своего . призрѣ на всѣхъ живѣштнѣхъ на земѣи . созздавзи едннз сца нкз . разоумѣваѣн всѣ дѣла ихъ . Син⁵.

Таким образом, определение синтаксических функций причастных форм, как никаких других, требует принятия во внимание достаточно большого как греческого, так и старославянского контекста – иначе текст может быть интерпретирован неверно.

Также артикль может стоять при атрибутах имен собственных, и в этом случае на него тоже, видимо, нельзя полагаться как на показатель субстантивированности, так как атрибут в виде причастия с артиклем может оказаться и адъективом, и так называемым приложением, т. е. выполнять роль субстантива. Например:

Мк 6:14: *καὶ ἔλεγεν ὅτι Ἰωάννης ὁ βαπτίζων ἐκ νεκρῶν ἠγέρθη*
– и глѣаше . ꙗ̑ко ѡаннз крѣста воста отъ мртвѣзихъ . Зогр, Мар

⁵ Р. Вечерка в упомянутой монографии определял причастные формы *созздавзи* и *разоумѣваѣн* (в транслитерации, принятой в его монографии, *sozъdavuzi* и *razumѣvajei*) как выполняющие функцию подлежащего в Пс 32:15 (Večerka 1961: 12). Как атрибут или приложение (Attribut oder Apposition) определял Р. Ружичка (Růžička 1963: 286) причастную форму *имѣвзшааго* (в транслитерации, принятой в его монографии, *imѣvъshaago*) в Мк 5:15:

καὶ ἔρχονται πρὸς τὸν Ἰησοῦν, καὶ θεωροῦσιν τὸν δαίμονιζόμενον καθήμενον καὶ ἱματισμένον καὶ σωφρονοῦντα, τὸν ἐσχηκότα τὸν Λεγεῶνα· καὶ ἐφοβήθησαν.

– и прндѣша кз исѣн . и видѣша ѣвсзновавзшааго са . сѣдѣшта обльѣена . и сзмзислѣшта . имѣвзшааго леѣонз . и оубѣша са . Зогр, Мар.

(ср. в Синодальном переводе: «говорил: это Иоанн Креститель воскрес из мертвых»).

И, наконец, иногда от артикля трудно отличимо местоимение, которое в таких случаях выступает, как правило, в сопровождении частицы *δέ* (Blass, Debrunner 1961: 131), а причастие является не субстантивированным, а глагольным, выполняющим функцию второстепенного сказуемого. Как, например, в Мт 26:57:

Οἱ δὲ κρατήσαντες τὸν Ἰησοῦν ἀπήγαγον πρὸς Καϊάφαν τὸν ἀρχιερέα
– онн же цмзше нса ведоша н кз кацѣѣ . арх'хнеревн . Зоґр, Мар
(ѣмзше), Ас 91а, 101с (ѣмзше), Сав 97, 111.

Судя по использованию в качестве подлежащего местоимения *онн* и краткой формы причастия⁶ для перевода греч. *κρατήσαντες*, первые славянские переводчики воспринимали *κρατήσαντες* в качестве второстепенного сказуемого. (Ср. с Синодальным переводом, где причастие *κρατήσαντες* было понято, видимо, как субстантивно употребленное: «А взявшие Иисуса отвели Его к Каиафе первосвященнику»⁷).

Ср. похожие примеры:

Мт 27:66: *Οἱ δὲ πορευθέντες ἠσφαλίσαντο τὸν τάφον*
– онн же шьдзше оутврзднша гробз . Зоґр, Мар, Ас;

Мт 28:9: *Αἱ δὲ προσελθοῦσαι ἐκράτησαν αὐτοῦ τοὺς πόδας*
– онѣ же прнстѣпъшн . ѡсте са за ногѣ его . Зоґр, Мар, Ас, Сав.

Таким образом, единственным критерием, на который можно положиться при интерпретации старославянского текста, представляется выполнение причастными формами функции номинации лингвисти-

⁶ На то, что в субстантивированных причастиях использовалась преимущественно полная форма, обратил внимание уже Р. Вечерка (Večerka 1961: 19–28), хотя использование краткой формы не исключено.

⁷ Обращаем внимание, что здесь и далее при сравнениях, употребляя термин «Синодальный перевод», мы не касаемся проблем этого перевода как такового (что совсем не входит в наши задачи), но сопоставляем греческий текст и старославянский перевод с него с текстом Синодального перевода.

ческих концептов. Далее мы рассмотрим, опираясь именно на этот критерий, виды номинаций субстантивно употребленными причастными формами.

Номинации субстантивно употребленными причастными формами, встречающиеся в старославянских текстах, по характеру номинирования лингвистического концепта можно разделить на два вида. К первому мы относим наименования предметов (в широком смысле, в том числе лиц), номинирующие их по постоянным действиям, постоянным состояниям и постоянным свойствам. Ко второму – наименования предметов (лиц), номинирующие их по непостоянным действиям и непостоянным состояниям. По большей части причастные формы используются для номинации лиц, хотя встречаются также номинации других понятий и конкретных предметов.

Субстантивированные причастия, номинирующие лиц по их постоянным действиям, состояниям и свойствам, представляют постоянные характеристики лиц, и, как отмечалось выше, можно утверждать, что в таких случаях они номинируют соответствующий предметный лингвистический концепт и являются единицами старославянского лексического инвентаря. Следуя за греческими субстантивно употребленными причастиями, старославянские субстантивированные причастия максимально им «подражают» в использовании времени и залога – в той мере, в какой это позволяют морфологические и семантические параметры исходных славянских глаголов. От существительных субстантивированные причастия – и греческие, и старославянские – отличаются прежде всего параметрами, обязанными глагольной стороне их двойственной природы: они не только различаются по залогам и времени, но во многих случаях наследуют от исходных глаголов связи с зависимыми словами – как слабые (свободные), так и сильные⁸.

⁸ Это существенное отличие причастий от существительных («Im Unterschied zum Substantiv kann das Partizip Kernwort einer Nominalphrase mit Akkusativobjekt sein»), как и ограничение на употребление при них атрибута, было отмечено уже Р. Ружечкой (Ružička 1963: 289–290). Сохранение свободных связей наблюдается иногда в старославянском языке и у отглаголь-

Субстантивированные причастия, номинирующие лиц по постоянным действиям, в своем большинстве переводят греческие презентные причастия активного залога, реже медиального залога. Ср., например:

Мт 10:20: οὐ γὰρ ὑμεῖς ἐστέ οἱ λαλοῦντες (part. praes. act.), ἀλλὰ τὸ πνεῦμα τοῦ πατρὸς ὑμῶν τὸ λαλοῦν ἐν ὑμῖν.

– не взи бо есте гльѣштеи . нз дѣз ѿца вашего глѣн вз васз . Зогр, Мар (не взин бо есте гльще ... в Ас 151а);

Л 6:25: Οὐαὶ ὑμῖν, οἱ γελοῦντες (part. praes. act.) νῦν...

– горе вамз смѣѣштен са нзинѣ ... Мар (смѣѣштимз са в Зогр);

Пс 21:12: μὴ ἀποστῆς ἀπ’ ἐμοῦ ὅτι θλίψις ἐγγύς ὅτι οὐκ ἔστιν ὁ βοηθῶν (part. praes. act.)

– не отзстѣпи отз мене ѣко скрзбз близз . ѣко нѣстз помагаѣи . Син (ср. в Синодальном переводе: «Не удаляйся от меня, ибо скорбь близка, а помощника нет»);

Мт 11:3: Σὺ εἶ ὁ ἐρχόμενος (part. praes. med.), ἢ ἕτερον προσδοκῶμεν;

– тзи лн есн грѣдзи . лн нного ѣаемз . Мар, Ас,

– тзи лн есн грѣдан . лн нного ѣаемз . Зогр.

По значению субстантивированные причастия этого типа близки к отглагольным существительным. Однако на начальном этапе становления старославянского языка первые славянские переводчики стремились в данном случае к соблюдению соответствий частей речи в переводе, т. е. суффиксальные существительные переводились ими суффиксальными существительными, а субстантивированные причастия – субстантивированными причастиями⁹. Например, διώκτης переводилось ими как гоннтеѣ, а ὁ διώκων или ὁ καταδιώκων – как

ных существительных, на что в свое время указывала К. И. Ходова (Ходова 1964: 135, примечание 27).

⁹ Стремление первых славянских переводчиков на начальном этапе становления старославянского языка к соблюдению в данном случае соответствий частей речи в переводе нам приходилось уже отмечать и ранее (Ефимова 2012а: 147–150).

ΓΟΝΙΑΝ, κτίστης – как ЗИЖАНТЕЛЪ, а ὁ οἰκοδομῶν – как ЗИЖАН и т. п.¹⁰
 Ср.:

1Тим 1:13: θέμενος εἰς διακονίαν, τὸν πρότερον ὄντα βλάσφημον καὶ διώκτην καὶ ὑβριστήν·

– положн вЗ сложьвоу бзивзшаго ннзгда коульннка н ГОНИТЕЛѦ н досаднтелѦ Христ, Слепч, Шиш;

Пс 7:1: σώσον με ἐκ πάντων τῶν διωκόντων (part. praes. act.) με καὶ ῥῦσαί με

– сѣи мѦ . ѡтз всѣхъ ГОНѦЩИХЪ мѦ ѡзбави мѦ . Син

(ср. в Синодальном переводе: «спаси меня от всех гонителей моих»);

Пс 30:16: ῥῦσαί με ἐκ χειρὸς ἐχθρῶν μου καὶ ἐκ τῶν καταδικόντων (part. praes. act.) με

– ѡзбави мѦ нз-д-рѣкзи врагъ моихъ ѡтз ГОНѦЩИХЪ мѦ .

(ср. Синодальном переводе: «избавь меня от руки врагов моих и от гонителей моих»);

Супр 460,17: Ἐχεῖ Νῶε ὁ Χριστοῦ τύπος τῆς μεγάλης κιβωτοῦ θεοῦ ἐκκλησίας κτίστης, τῆς τὰ θηριώδη ἔθνη πάντα ἐκ κατακλυσμοῦ ἀσεβείας διὰ περιστερᾶς ἀγίου πνεύματος διασωσάσης

– του ноѦ хсовзи образъ . велнкоуоумоу ков'чегоу божи н црк'ви ЗИЖАНТЕЛЪ . сзпасзши н жестосрззѦ всѦ аззѦкзи . ѡтз потопа нечьстнѦ . голѣвемз ѡтаго доуха .

Пс 117:22: λίθον ὃν ἀπεδοκίμασαν οἱ οἰκοδομοῦντες (part. praes. act.) οὗτος ἐγενήθη εἰς κεφαλὴν γωνίας

– камень ѡже не врѣдоу сзтворнша ЗИЖАНТЕЛЪ . сѦ бзѦстз вЗ главѦ жгзлоу . Син = камень егоже не врѣдоу сзтворнша ЗИЖАНТЕН . сз бзѦстз вЗ главѦ жгзлѦ . Мф 21:42 Мар, Мк 12:10 Зорг, Мар

¹⁰ Однако впоследствии субстантивированное причастие могло заменяться суффиксальным существительным. Показательна в этом отношении замена в Мк 4:3 субстантивированного причастия сѡян на существительное с суффиксом *-tel'(b)* сѡтелеѦ в Галицком евангелии 1144 г.:

ιδού, ἐξήλθεν ὁ σπεῖρων τοῦ σπεῖραι·

– се нзнде сѡян сѡтatz . Мар – сѡтелеѦ Галиц

(в Мт 13:8 и в Л 8:5 Галицкое евангелие сохраняет субстантивно употребленное причастие сѡян.)

(ср. в Синодальном переводе: «Камень, который отвергли строители, соделался главою угла»).

Как видим, наименования причастными формами *οἱ οἰκοδομοῦντες* и *знджштен* образованы соответственно от переходных глаголов *οἰκοδομεῖν* и *зъдати* в значении безобъектных¹¹. Представляется, что наименования субстантивированными причастиями, образованными от безобъектных глаголов или глаголов в значении безобъектных (и, следовательно, не наследующие от исходных глаголов зависимых слов, обусловленных сильной связью глагольного управления), легче приобретают статус наименований лиц по профессии или роду занятий. Например:

Мк 11:15: *καὶ εἰσελθὼν ὁ Ἰησοῦς εἰς τὸ ἱερόν ἤρξατο ἐκβάλλειν τοὺς πωλοῦντας καὶ ἀγοράζοντας ἐν τῷ ἱερῷ·*

– *ι възьдз нс въз црзкзвъ наятз лзронтн . продайштѣя ι коупоуѣштѣя въз црзкзвє .* Зогр, Мар;

И 4:36: *ἵνα καὶ ὁ σπείρων ὁμοῦ χαίρῃ καὶ ὁ θερίζων.*

– *да сьян въз коупѣ радуєтз сѧ . ι жьнѧι .* Зогр, Мар, Ас, Остр;

Мт 28:4: *Ἀπὸ δὲ τοῦ φόβου αὐτοῦ ἐσείσθησαν οἱ τηροῦντες*

– *ωтз страха же его сзтрашоша сѧ стрѣгшѣи .* Зогр, Мар, Ас, Сав.

Субстантивно употребленное причастие *гонѧн* сохраняет глагольное управление (в приведенных примерах местоимением *миѧ*), однако лингвистический концепт «гонителя» (т. е. лица, совершающего постоянно действие преследования, угнетения) номинируется не всем словосочетанием, а причастной формой. Такие наименования, в которых причастная форма сохраняет глагольное управление как местоимениями, так и знаменательными словами, но при этом лингвистический концепт номинируется не всем словосочетанием, а причастной формой, встречаются в старославянских текстах достаточно часто. Например,

а) с местоимениями:

¹¹ Ср. употребление этих глаголов в качестве переходных в Мф 23:29:

ὅτι οἰκοδομεῖτε τοὺς τάφους τῶν προφητῶν

– *ѣко знджете гробѣи пророцьскѣя* Мар, Остр.

ὁ θλίβων – сзтѣжѣиан:

Πс 12:5: οἱ θλίβοντές με ἀγαλλιάσονται ἐὰν σαλευθῶ
– сзтѣжѣиште ми вездрадоуѣитз сѣ . аще сѣ подвижѣ . Син
(ср. в Синодальном переводе: «Да не возрадуются гонители мои,
если я поколеблюсь»);

Πс 22:5: ἡτοίμασας ἐνώπιόν μου τράπεζαν ἐξ ἐναντίας τῶν θλιβόντων με
– оуготовалз еси прѣдо мноуѣ трапезѣ . прѣдз сзтѣжѣиштѣиμη мнѣ .
Син (ср. в Синодальном переводе: «Ты приготовил прѣдо мноу
трапезу в виду врагов моих»);

Πс 59:14: καὶ αὐτὸς ἐξουδενώσει τοὺς θλιβοντας (part. praes. act.) ἡμᾶς
– ѣ тз оуннѣзжитз сзтѣжѣиштиа намз . Син
(ср. в Синодальном переводе: «Он низложит врагов наших»);

ὁ καταρῶμενος – κλнзиин:

Μτ 5:44: εὐλογεῖτε τοὺς καταρῶμενους ὑμᾶς
– благословите κλнзиштиа взи . Зопр, Мар, Ас, Остр, Сав (κλнзиштнκз);

Πс 36:22: οἱ δὲ καταρῶμενοι (part. praes. med.) αὐτὸν ἐξολεθρευθήσονται
– κλнзиштиѣ же егο потрѣбѣитз сѣ . Син;

ὁ λέγων – глаголиан:

Πс 39:16: κομισάσθωσαν παραχρῆμα αἰσχύνην αὐτῶν οἱ λέγοντές μοι
εὖγε εὖγε
– да приимѣтз аззе стоудз свои . г̄лишти мнѣ благо же благо же . Син
(ср. в приведенном выше примере из Мт 10:20, где исходный
глагол глаголатн взят в значении безобъектного: οὐ γὰρ ὑμεῖς ἐστέ
οἱ λαλοῦντες, ἀλλὰ τὸ πνεῦμα τοῦ πατρὸς ὑμῶν τὸ λαοῦν ἐν ὑμῖν.
– не взи бо есте г̄лиште . нз д̄хз оца вашего г̄лн вз васз .);

ὁ διαρπάζων – расхзишиан:

Πс 34:10: κύριε τίς ὅμοιός σοι ρυόμενος πτωχὸν ἐκ χειρὸς στερεωτέρων
αὐτοῦ καὶ πτωχὸν καὶ πένητα ἀπὸ τῶν διαρπαζόντων αὐτόν
– г̄ кзто подобенз тебѣ . ѣзбавлѣи ѣз-д-рѣкзи прѣпши..хз ѣ ннша і
оубога отз расхзишиштнκз і . Син
(ср. в Синодальном переводе: «Господи! кто подобен Тебе, избавля-
ющему слабого от сильного, бедного и нищего от грабителя его?»);

ὁ ζητῶν – нскзѣн

Пс 39:17: ἀγαλλιάσαιντο καὶ εὐφρανθείησαν ἐπὶ σοὶ πάντες οἱ ζητοῦντές σε κύριε

– да вѣздродоуѣтъ сѣа н вѣзвеселѣтъ сѣа . вѣсн искѣѣи тебѣ ꙗ . Син

и мн. др.;

б) со знаменательными словами:

ὁ πωλῶν

Мк 11:15: καὶ τὰς καθέδρας τῶν παλούντων τὰς περισσότερὰς κατέστρεψεν-

– и сѣдала продаѣштнѣх голѣн . испроврѣже . Зоґр

ὁ ἀποκαθιστῶν

Пс 15:5: σὺ εἶ ὁ ἀποκαθιστῶν τὴν κληρονομίαν μου ἐμοί

– ты еси оустраѣи достоѣне мѣнѣ . Син;

ὁ ἐκζητῶν – вѣзнскаѣн

Пс 24:10: πᾶσαι αἱ ὁδοὶ κυρίου ἔλεος καὶ ἀλήθεια τοῖς ἐκζητοῦσιν τὴν διαθήκην αὐτοῦ καὶ τὰ μαρτύρια αὐτοῦ

– вѣси пѣти ꙗи мѣлостъ н-стѣна . вѣзнскаѣштѣмѣ зѣвета его н сѣвѣдѣнен его . Син

и др.

В других случаях, однако, лингвистический концепт номинируется не одной причастной формой, а целым словосочетанием, образующая несколькословное наименование¹²:

Пс 34:4: ἀποστραφήτωσαν εἰς τὰ ὀπίσω καὶ κατασχυνθήτωσαν οἱ λογιζόμενοι μοι κακά¹³

– да вѣзвратѣтъ сѣа вѣспѣтъ | постѣдѣтъ сѣа мѣслѣшнѣ мѣнѣ зѣлаа . Син;

¹² Вопрос о статусе несколькословных наименований – в каких случаях они являются единицами старославянского лексического инвентаря – рассматривается в следующей главе.

¹³ По замечанию А. И. Грищенко, греч. μοι κακά в древнееврейском тексте Псалтыри соответствует одному слову.

Пс 37:13: καὶ ἐξεβιάσαντο οἱ ζητοῦντες τὴν ψυχὴν μου καὶ οἱ ζητοῦντες τὰ κακά μοι

– ї нпждааахп сѡ нскпщеї д̄шѡ моєѡ . ї нскпщеї ззла мнѣ . Син;

Пс 34:4: αἰσχυνθῆτωσαν καὶ ἐντραπήτωσαν οἱ ζητοῦντες τὴν ψυχὴν μου

– да постзидѡѡтз сѡ ї посрамѣѡѡтз сѡ . їскпштнї д̄шѡ моєѡ . Син;

Пс 39:15: καταισχυνθείησαν καὶ ἐντραπείησαν ἅμα οἱ ζητοῦντες τὴν ψυχὴν μου τοῦ ἐξᾶραι αὐτήν

– да постзидѡѡтз сѡ ї посрамѣѡѡтз сѡ вькоупѣ . їскпщеї д̄шѡ моєѡ їзѡѡтї ѡ . Син

и др.

Субстантивированные причастия, номинирующие лиц по их постоянному состоянию, переводят греческие причастия как активного, так и медиального залога (главным образом, презенсные), иногда причастия пассивного залога. Например:

Мк 9:23: πάντα δυνατὰ τῷ πιστεύοντι.

– вьсѣ вьзвозмоѡна вѣроуїпштѡѡѡ . Зоґр, Мар, Ас 77d, Сав 78об.;

Пс 40:9: μὴ ὁ κοιμώμενος (part. praes. med.) οὐχὶ προσθήσει τοῦ ἀναστῆναι

– еда сзпѡн не приложїтз вьскрзснѡтї . Син;

Мк 5:18: παρεκάλει αὐτὸν ὁ δαίμονισθεὶς (part. aor. pass.)

– молѣаше ї вѣсзновавзї сѡ Зоґр, Мар.

Причастия этого вида номинируют лиц по их постоянным состояниям любви, ненависти, надежды, веры, жажды, одержимости, страха и т. п. Особенно характерны номинации такими субстантивированными причастными формами во мн. ч. для поэтического текста Псалтыри: οἱ ἀγαπῶντες – любѡщєн (Пс 5:12; Пс 39:17; Пс 68:37; Пс 69:5; Пс 96:10; Пс 118:132; Пс 118:165; Пс 121:6), οἱ μισοῦντες – ненавдѡщєн (Пс 17:18; Пс 17:41; Пс 20:9; Пс 33:22; Л 1:71), οἱ ἐλπίζοντες – оупьвѡщєн (Пс 5:12; Пс 16:7; Пс 17:31; Пс 30:20; Пс 30:25), οἱ πεποισθότες – надѣѡщї сѡ (Пс 2:12; Пс 48:7), οἱ φοβούμενοι – воѡщєн сѡ (Пс 21:24; Пс 24:14; Пс 30:20) и т. п. Во многих случаях причастные формы так же, как и причастные формы, номинирующие лиц по их постоянным действиям, сохраняют глагольное управление зависимыми словами. Например:

Πс 5:12: καὶ εὐφρανθήτωσαν πάντες οἱ ἐλπίζοντες (part. praes. act.) ἐπὶ σέ
– ĭ vьzveselѧtъ sѧ vьsи оуѣvѧѣшн на тѧ . Син;

Πс 17:31: ὑπερασπιστῆς ἐστὶν πάντων τῶν ἐλπίζόντων (part. praes. act.)
ἐπ' αὐτόν
– зашѣтѣникъ естѣ vьсѣмъ оуѣvѧѣшн(т)шмъ на нъ . Син;

Πс 17:18: ῥύσεται με ἐξ ἐχθρῶν μου δυνατῶν καὶ ἐκ τῶν μισούντων
(part. praes. act.) με
– нъvѧvѣтѣ мѧ отъ вѣрѣ моѣхъ . сѧзньсѣхъ . ĭ (о)тѣ неvѧvѣдѧштѣхъ
мѧ . Син;

Л 6:32: Καὶ εἰ ἀγαπᾶτε τοὺς ἀγαπῶντας (part. praes. act.) ὑμᾶς, ποία
ὑμῖν χάρις ἐστίν; Καὶ γὰρ οἱ ἁμαρτωλοὶ τοὺς ἀγαπῶντας αὐτοὺς ἀγαπῶσιν.
– ĭ тште ... лювнте лювѧщѧ vьz каѣ vѧмъ хѧлѧ естѣ . ĭвѦ н грѣшьннц
лювѧштѧ нхъ лювѧтѣ . Мар, Зогр, Ас, Сав

и мн. др.

В переводах субстантивированных греческих перфектных причастий, номинирующих лиц по их постоянным состояниям, видим субстантивированные страдательные причастия – вообще встречающиеся в старославянских текстах в субстантивном употреблении гораздо реже, чем действительные: οἱ δεδιωγμένοι – нъzгънѧнн, οἱ τεθραυσμένοι – сѣкѣоушеннн, οἱ ἐμπεπλησμένοι – насъштѣннн. Ср., например:

Μτ 5:10: Μακάριοι οἱ δεδιωγμένοι (part. perf. pass.) ἔνεκεν δικαιοσύνης
– блаженъ нъzгънѧнн правъдъ радн . Зогр, Ас, Сав;

Л 4:18: ἀποστεῖλαι τεθραυσμένους (part. perf. pass.) ἐν ἀφέσει
– отъпоустнтѣ сѣкѣоушенънѧ vь отѣадѣ . Мар, Ас.

Также субстантивированные страдательные причастия видим среди номинаций лиц по их постоянным свойствам, и часто такие наименования не имеют зависимых слов. Например:

Μτ 25:41: Πορεύεσθε ἀπ' ἐμοῦ, οἱ κατηγορούμενοι (part. perf. pass.), εἰς τὸ
πῦρ τὸ αἰώνιον
– ѧдѣте отъ мене проклатнн vь огнъ вѣъънъz . Мар, Ас, Сав, Зогр
(проклатн);

Л 5:24: εἶπεν τῷ παραλελυμένῳ (part. perf. pass.)

– рече ослабленоумоу Мар, Зогр, Ас, Сав.

Видим, однако, среди номинаций лиц по их постоянным свойствам иногда и действительные субстантивированные причастия. Ср.:

Пс 9: 24: ὅτι ἐπαινεῖται ὁ ἀμαρτωλὸς ἐν ταῖς ἐπιθυμίαις τῆς ψυχῆς αὐτοῦ καὶ ὁ ἀδικῶν (part. praes. act.) ἐνευλογεῖται

– ꙗко хвалѣмъ естѣ грѣшнѣнѣ въ похотехѣ дѣша своеѣ ѿ н обнѣян благословествнмъ . Син;

Пс 36:1: μὴ παραζήλου ἐν πονηρευομένοις (part. praes. med.)

– не ревнуюте лѣжавьноуѣщнмъ . Син

(ср. в Синодальном переводе: «Не ревнуй злодеям»).

* * *

Достаточно распространены в старославянских текстах также наименования причастными формами, не имеющие отношения к постоянным характеристикам лиц, но номинирующие их по непостоянным действиям и временным состояниям: люди где-то что-то видят, слышат, где-то сидят, стоят (временно), едят, совершают всякие действия. Такие субстантивированные причастия по значению близки к глагольным причастиям, и не всегда текст может быть интерпретирован однозначно, особенно если в греческом оригинале при причастии отсутствует артикль. Например, в Мт 27:35:

Σταυρώσαντες δὲ αὐτόν, διεμερίσαντο τὰ ἱμάτια αὐτοῦ, βάλλοντες κλῆρον.

– пропънъше же н . раздѣльше рнзѣ его меташа жрѣвнѣ . Зогр, Мар, Ас 109а (распеньше), Сав 118b (распънъше).

В этом стихе причастная форма σταυρώσαντες употреблена без артикля. Первые славянские переводчики восприняли ее как глагольную (т. е. в качестве второстепенного сказуемого), о чем свидетельствует перевод именной (краткой) формой как в апракосах, так и в тетрах¹⁴.

¹⁴ Ср. с Синодальным переводом, где причастная форма σταυρώσαντες была понята, видимо, как субстантивированная: «Распявшие же Его делили одежды Его, бросая жребий».

Так же, например, в стихе Мк 6:2 причастная форма ἀκούοντες является глагольной (выполняет роль второстепенного сказуемого), а роль подлежащего выполняет количественное прил. πολλοί ‘многие’:

καὶ πολλοὶ ἀκούοντες ἐξεπλήσσοντο, λέγοντες...

– ι ΜΝΟΖΗ СЛЗИШАВЗШЕ ДНВЛѢАХЖ СА ... ГЛѢШТЕ . Зогр, Мар.¹⁵

Подобные употребления причастных форм следует сравнить с примерами, где причастные формы как в греческом тексте, так и в старославянском переводе являются субстантивно употребленными. Ср., например, с Л 2:18, где причастная форма слзшавзшен номинирует лиц, удивившихся рассказу пастухов:

Καὶ πάντες οἱ ἀκούσαντες ἐθαύμασαν περὶ τῶν λαληθέντων ὑπὸ τῶν ποιμένων πρὸς αὐτούς.

– ι ВЪСН СЛЗИШАВЗШЕН ДНВША СА . о ГЛѢНЗИКЪ ОТЪ ПАСТЪРЬ КЪ ННМЪ . Мар, Зогр, Сав (н вси слзшавзше дивша са... в Ас);

или, например, с Л 6:27, где причастная форма слзшаштен номинирует лиц при обращении к ним:

Ἄλλ' ὑμῖν λέγω τοῖς ἀκούουσιν

– нз вѡмз ГЛѢ СЛЗИШАШТННМЪ . Мар, Зогр.

Таким образом, при интерпретации текстов с причастными формами, предположительно являющимися глагольными (т. е. выполняющими функцию второстепенного сказуемого), в качестве ориентиров как показателей субстантивированности причастной формы приходится опираться на наличие / отсутствие артикля в греческом оригинале и употребление именной / полной формы в старославянском переводе. Вместе с тем возникает вопрос о характере номинирования лингвистического концепта такими причастными формами – трудности в интерпретации текстов не случайны. Эти причастные формы употребляются субстантивно – постольку, поскольку в предложениях занимают синтаксические позиции, обычно занимаемые существительными. Однако они номинируют не предмет (лицо) по его

¹⁵ Однако в Синодальном переводе форма ἀκούοντες тоже, видимо, была понята как субстантивированная: «и многие слышавшие с изумлением говорили...».

характерным признакам и свойствам, а действия этого предмета (лица). Лингвистический концепт действия (не предмета!) номинируется исходным глаголом, который и является единицей старославянского лексического инвентаря. Субстантивно же употребленные причастные формы, номинирующие предметы (в том числе и лиц) по их непостоянным действиям и временным состояниям, самостоятельными единицами старославянского лексического инвентаря, таким образом, считать не следует.

Субстантивированные причастия, номинирующие лиц по их непостоянным действиям, переводят по большей части греческие причастия активного залога – как презенсные, так и аористные. Ср.:

Мк 5:16: *Διηγῆσαντο δὲ αὐτοῖς οἱ ἰδόντες* (part. aor. act.) *πῶς ἐγένετο τῷ δαιμονιζομένῳ, καὶ περὶ τῶν χοίρων.*

– н повѣдѣша нмз вндѣвзшен . како бзистъ бѣсзноюемоу . ι ο свнннѣхъ . Мар, Зогр;

Л 1:66: *Καὶ ἔθεντο πάντες οἱ ἀκούσαντες* (part. aor. act.) *ἐν τῇ καρδίᾳ αὐτῶν, λέγοντες...*

– ι положнша всн слзшавзшен на срздычнхъ свонхъ глѣшште . Мар, Зогр
– н положнша вси слзшашти на срѣцннхъ свонхъ . Ас 149b;

ТК Иез 17:1–3: *Ἴν' ἀγνοοῦντες οἱ ἀκούοντες* (part. praes. act.) *τὰ λεγόμενα σπουδαιότεροι περὶ τὴν τούτων γένωνται ζήτησιν*

– да не разоумѣѣше слышѣшен , паге са потзѣштъ ѡ взпращаннѣ по F.I.461 л. 25962;

Мт 14:21: *Οἱ δὲ ἐσθίοντες* (part. praes. act.) *ἦσαν ἄνδρες ὡσεὶ πεντακισχίλιοι, χωρὶς γυναικῶν καὶ παιδίων.*

– ѣдзшнхъ же бѣаше мѣжь . патъ тзисашть Зогр, Ас 41b, Сав 39об.
– ѣдѣшнхъ же бѣ мѣжь . ѣко патъ тзисѣшь . Мар;

Мк 6:44: *Καὶ ἦσαν οἱ φαγόντες* (part. aor. act.) *τοὺς ἄρτους πεντακισχίλιοι ἄνδρες.*

– ѣдзшнхъ же бѣ хлѣбзи . патъ тзисашть мѣжь . Зогр, Мар.

Мк 10:13: *Καὶ προσέφερον αὐτῷ παιδία ἵνα ἄψηται αὐτῶν· οἱ δὲ μαθηταὶ ἐπέτιμων τοῖς προσφέρουσιν* (part. praes. act.).

– ι прншошаахъ кз немоу дѣти . да ѡ коснетъ . оуѣнннн же прѣштаахъ . прнносаштнмз . Зогр, Мар.

Л 7:14: οἱ δὲ βαστάζοντες (part. praes. act.) ἔστησαν
– носаштен же сташа . Зоґр, Маґ, Ас 52d.

Мт 26:68: Προφήτευσον ἡμῖν, χριστέ, τίς ἐστὶν ὁ παίσας (part. aor. act.) σε;
– прорыцн намз хѣ кто естз оударен та . Маґ, Ас, Сав (оударни),
(оударзи в Зоґр).

Субстантивированные причастия, номилирующие лиц по их временным состояниям, переводят как презенсные, так и перфектные причастия. Например:

Мт 27:47: Τινὲς δὲ τῶν ἐκεῖ ἐστώτων (part. perf. act.) ἀκούσαντες ἔλεγον...
– етерн же отз стоаштнкз тоу . слзшавзше глѣхж . Зоґр, Маґ, Ас, Сав;

Л 1:79: ἐπιφᾶναι τοῖς ἐν σκότει καὶ σκιᾷ θανάτου καθήμενοις (part. praes. med.)
– просвѣтнтн сѣдаштнѣ въ тзмѣ ι сѣнн смрзтънѣ . Маґ, Зоґр;

Иез 3:27: λέγει κύριος ... ὁ ἀπειθῶν (part. praes. act.) ἀπειθείτω διότι οἶκος παραπικραίνων ἐστίν
– сѣ глеть ѡдонан гѣ ... непокарѣѣн да са покорнтѣ. ѡмже домз
гнѣваѡн ѣсть. по F.I.461 л. 23369.

* * *

Номинации не лиц (не «personal substantives», т. е. каких-то других понятий или конкретных неодушевленных предметов) причастными формами встречаются в старославянских текстах гораздо реже, но такие номинации возможны. Как правило, эти субстантивированные причастия переводят греческие причастные формы, субстантивно употребленные в ср. р. ед. и мн. ч. В старославянском переводе видим также субстантивно употребленные причастные формы ср. р. ед. и мн. ч. Как и в других случаях, первые славянские переводчики стремятся соблюдать соответствия в залоге: τὸ εἰρημένον (part. perf. pass.) – реченоѡ, τὸ ῥηθέν (part. aor. pass.) – реченоѡ, τὸ διατεταγμένον (part. perf. pass.) – повелѣноѡ, τὸ ἐκπορευόμενον (part. praes. med./pass.) – нсходаѡще, τὰ ἐκπορευόμενα (part. praes. med./pass.) – нсходаѡщаѡ, τὰ λαληθέντα (part. aorist pass.) – глаглоланаѡ, τὰ λαλούμενα (part. praes. pass.) – глаглолемаѡ, τὸ γευγόνος (part. perf. act.) – бзвзѡшеѡ, τὸ ποιηθέν (part. aor. pass.) – сзтворѡноѡ, ὁ σπαρεῖς (part. aor. pass.) – сѣаноѡ и т. п. Ср.:

Л 2:33: Καὶ ἦν Ἰωσήφ καὶ ἡ μήτηρ αὐτοῦ θαυμάζοντες ἐπὶ τοῖς λαλουμένοις (part. praes. pass.) περὶ αὐτοῦ.

– ι βѣ носѣѡз ѡ мати его юѡдашта сѡ . о глѣмзѣкѡз о немь . Мар, Зоґр, Ас (глѣмзѣнкѡз), Сав;

Μτ 13:35: ὅπως πληρωθῆ τὸ ῥηθὲν (part. aor. pass.) διὰ τοῦ προφήτου...

– да сѡѡѡдетѡ сѡ реченое пророкомь ... Зоґр,

Л 3:13: Ὁ δὲ εἶπεν πρὸς αὐτοῦς, Μηδὲν πλέον παρὰ τὸ διατεταγμένον (part. perf. pass.) ὑμῖν πράσσετε.

– онѡ же рече кѡ нѣмѡ . нѣтѡже боле повелѣнааго вамѡ творѣте . Мар, Зоґр, Ас, Сав;

Μτ 15:11: Οὐ τὸ εἰσερχόμενον (part. praes. med./pass.) εἰς τὸ στόμα κοινοῖ τὸν ἄνθρωπον· ἀλλὰ τὸ ἐκπορευόμενον (part. praes. med./pass.) ἐκ τοῦ στόματος, τοῦτο κοινοῖ τὸν ἄνθρωπον.

– не вѡходѡштеє вѡ оуста скѡрѡнѣнтѡз ѡка . нѡ исходѡштеє из оустѡз скѡрѡнѣнтѡз ѡка . Зоґр, Мар

(Ср.: Μτ 15:17: Οὐπω νοεῖτε, ὅτι πᾶν τὸ εἰσπορευόμενον εἰς τὸ στόμα εἰς τὴν κοιλίαν χωρεῖ, καὶ εἰς ἀφεδρώνα ἐκβάλλεται;

– не оу лѣ рѡзоумѣѡѡете ѡко всѡко еже вѡходѣнтѡз вѡ оуста . вѡ ѡрѡѡо вѡзѡмѣштаѡтѡз сѡ . ι αφρεδομь (так!) исходѣнтѡз . Зоґр, Мар;

Супр 432,2–3: καὶ ἠνείχето ἐλκόμενος ὁ δημιουργὸς παρὰ τῶν δημιουργημάτων, ὁ πλάστης ὑπὸ τοῦ πλάσματος, ὁ ποιητὴς ὑπὸ τοῦ ποιηθέντος (part. aor. pass.).

– н трѡпѣше влѡкомѡз творѡць отѡ тѡрѣн . зѡдѡтелѡ отѡ зѡданѣнѣнѡ . творѡць отѡ сѡтворѣнааго . (Слово в Великую Пятницу)

Интересна редкая для старославянских текстов номинация причастной формой ж. р. конкретного предмета – мелющих камней в древней мельнице:

Μτ 24:41: Δύο ἀλήθουςαι (part. praes. act.) ἐν τῷ μύλωνι· μία παραλαμβάνεται, καὶ μία ἀφίεται.

– двѣ мелѡштѣ вѡ рѡжѣнѡѡѡѡз . едѣнѣнѡ поѡмлетѡз сѡ . ι едѣнѣнѡ оставѡлетѡз сѡ . Зоґр, Мар, Ас, Сав.

Глава V

Несколькословные номинации

Номинации «лингвистический концепт → однословная номинация» являются «центром» процессов номинации лингвистических концептов в системе языка¹. Небезосновательно одну из своих статей Г. Боой начинает так: «Words are the linguistic expressions par excellence for the function of naming. Words are function as names for concepts» (Booij 2009: 219). Однако функцию номинации в языке выполняют не только однословные наименования, но и наименования несколькословные. Более того, как показывают предыдущие исследования, наличие однословного наименования определенного лингвистического концепта в лексическом инвентаре языка далеко не обязательно (Ефимова, Желязкова 2014а: 39)².

На то, что иногда греческие слова (однословные наименования), особенно композиты, передаются в старославянском переводе словосочетаниями, палеослависты обратили внимание очень давно. Уже в конце XIX в. В. Ягич в своем исследовании славянских композитов привел ряд примеров таких переводов: ὕδροπικὸς – трждь водньи имы; ὄπωροφυλάκιον – овощноѳ хранилище и овощию хранилище; νυκτικὸραξ – ношньи врань; χειροπέδη – ржчьни оковь; νομοθετεῖν – законъ положити; ὀδοποιεῖν – пжть сьтворити; δίστομος – обожду

¹ Идею «центра» процессов номинации в лингвистической системе, обозначенного как «la position “adéquate” du signe», впервые высказал, видимо, Сергей Карцевский в статье «Du dualisme asymétrique du signe linguistique» 1929 г. (Karcevski 2000: 7). Впоследствии понятия «центра» и «периферии» языковых явлений стали широко использоваться лингвистами.

² Например, ст.-слав. и др.-русск. однословное наименование стрзѣн для концепта ‘дядя по отцу’ сохранилось как однословное во многих славянских языках (ср. болг. диал. *стри́ка*, *стри́ко*, серб.-хорв. *стри́ко*, *стри́цу*, чешск. *strýc*, польск. *struj* и др.), но в русском языке для номинации концепта ‘дядя по отцу’ требуется несколькословное наименование *дядя по отцу*.

острь; εὐκαιρία – благо время и подобно время; κληροδοτέω – по жребью разделить и др. (Jagić 1898: 538–540). Для целей наших исследований, однако, важно выявить, какие из подобных словосочетаний следует считать единицами старославянского лексического фонда и, соответственно, определить критерии для такой идентификации.

В нашей статье 2017 г. на примере учета словосочетаний законъ положити и пѣть сътворити современными старославянскими словарями (SJS; Словарь 1994; Речник 1999–2009) было наглядно показано следствие отсутствия критериев для идентификации словосочетаний (Ефимова 2017: 68). В настоящее время если некоторые несколькословные наименования, представляющие собой единицы старославянского лексического фонда, и фиксируются словарями, то не столько на каких-либо теоретических основаниях, сколько благодаря огромному опыту и интуиции лексикографов. Таким образом оказывается, что чем ближе к нашему времени была проделана лексикографическая работа, чем «свежее» издание словаря или его выпусков, тем больше шансов найти в нем старославянские несколькословные наименования, которые включаются, как правило, в словарные статьи на их опорные слова.

Вопрос об идентификации некоторых типов словосочетаний в качестве лексических единиц неоднократно поднимался лингвистами прошлого века. Уже в известной своей книге 1909 г. Ш. Балли о словосочетаниях типа *mauvaise foi* в значении ‘нечестность, вероломство’ высказывался следующим образом: «Psychologiquement, c’est un mot, une *unité lexicologique* (qu’on peut appeler, si l’on veut *unité composée*)» (Bally 1921: 69). Со второй половины прошлого века благодаря исследованиям разного рода компрессии, вербальной экономии, словосложения и т. п. возрос интерес к несколькословным номинациям как альтернативным однословным (Kuchař 1968: 119–129; Kastovsky 1986; Никитевич 1980–1982; Никитевич 1985; Кубрякова 1986; Митурска-Бояновска 2005 и др.). Еще более интенсивно, как кажется, стали изучаться несколькословные наименования («multi-word lexemes», «phrasal lexemes», «phrasal names») в современных европейских языках в последние десятилетия. При этом в поле зрения лингвистов попадают в первую очередь устойчивые словосочетания («fixed expressions») с разной степенью устойчивости, в том числе фразеологизмы (Wray 2002; Wray 2008; Booij 2009; Sprenger 2003; Masini 2009;

Aleksiejewa, Ostapczuk 2013 и др). Считается, что несколькословные наименования представляют собой устойчивые словосочетания, которые хранятся в ментальном лексиконе носителя языка. Г. Боой, в согласии с А. Рэй и С. А. Спренгер, пишет об устойчивых словосочетаниях следующее: «The defining feature of a FE (fixed expression. – *B. E.*) is that it is a word combination, stored in the Mental Lexicon of native speakers, that as a whole refers to a (linguistic) concept» (Booij 2009: 220–221). И именно конвенциональность в языковом узусе таких наименований служит основанием считать их лексическими единицами: «Phrases used as names are often conventional expressions, and hence lexical units» (Booij 2009: 220, разрядка наша).

Рассматривать несколькословные наименования в качестве устойчивых словосочетаний и в старославянском языке пытался Н. Николов (Николов 2003) – единственный, кажется, славист, занимавшийся специально этой проблемой в старославянском языке (в его терминологии «в старобългарския език») до недавнего времени. И лишь в последние годы автор данной монографии совместно с болгарской коллегой В. Желязковой решила начать восполнение этого явного пробела в изучении старославянского лексического фонда (Ефимова, Желязкова 2014а; Ефимова 2015а; Ефимова 2017).

В своем анализе словосочетаний, ориентированного в первую очередь на выявление в старославянском материале словарных единиц, мы исходим из основного противопоставления между единицами номинации, намеченного в свое время Е. С. Кубряковой в статье 2012 г.: единицы-обозначения (как однословные, так и несколькословные) versus единицы-описания, т. е. аналитические дескрипции (Кубрякова 2012а). Единицы-обозначения (как однословные, так и несколькословные) являются лексическими единицами и должны фиксироваться словарями. Не все высказанные в упомянутой статье Кубряковой положения представляются нам бесспорными: сомнительно, например, что конвенциональностью обладает только производное слово³. Надо

³ Е. С. Кубрякова считала, что «именно своей конвенциональностью ПС (производные слова. – *B. E.*) отличаются от всех прочих несколькословных номинаций и развернутых аналитических дескрипций. Разумеется, среди последних тоже встречается немало устойчивых словосочетаний... По сути своей, однако, все они должны рассматриваться скорее как описания,

полагать, что среди несколькихсловных номинаций-обозначений в современных европейских языках есть как неконвенциональные, так и конвенциональные. Тем не менее основная идея разделения номинаций на единицы-обозначения и единицы-описания не теряет своего значения.

В ходе наших совместных с коллегой В. Желязковой исследований прежде всего выяснилось, что для выявления в языковом материале древнейших славянских текстов несколькихсловных наименований-обозначений (то есть лексических единиц, которые должны фиксироваться словарями) пользоваться критериями конвенциональности и устойчивости невозможно. Хотя в современных, живых языках свойства конвенциональности и устойчивости часто присущи несколькихсловным наименованиям-лексическим единицам, в старославянском языковом материале не они должны служить основанием для идентификации несколькихсловных наименований в качестве лексических единиц⁴. (Как мы предполагаем, при более тщательном анализе материала окажется, что и в живых современных языках конвенциональность и устойчивость – лишь часто сопутствующие, но не обязательные свойства несколькихсловных наименований, и также не могут служить критериями для их идентификации. Особенности старославянского языкового материала лишь «высвечивают проблему» и заставляют искать другие критерии.)

Как уже неоднократно отмечалось нами выше, особенности старославянского лексического фонда как лексического фонда литературного («книжного», «литературно-книжного») языка, представляющего собой ранний этап общего для всех славян древнеславянского литературного языка, обусловлены тем, что он создавался узким элитарным кругом книжников по мере выполнения переводов (главным образом, с греческого языка византийского периода). Масса старославянских наименований – как однословных, так и несколькихсловных – создавалась самими книжниками буквально в процессе перевода. Наименования создавались книжниками различными способами – разными

существующие к тому же нередко как своеобразные аналоги имеющимся в словарях названиям (ср. *скорая* и *скорая помощь...*)» (Кубрякова 2012а: 25).

⁴ Не случайно, видимо, Н. Николов смог дать устойчивым словесным комплексам лишь «рабочее определение» («работно определение») (Николов 2003: 235).

видами деривации, разными видами калькирования, путем адаптации грецизмов и. т. д. Многие из этих старославянских наименований закреплялись в языковом узусе, однако и немало оставалось гапаксами, т. е. наименованиями, употребленными в рукописях лишь однажды. Тем не менее у палеославистов, видимо, нет сомнений, что созданные самими книжниками слова (т. е. однословные наименования – как закрепившиеся в узусе, так и гапаксы) представляют собой лексические единицы и должны фиксироваться словарями. Точно так же и несколькословные наименования – результаты словотворчества книжников могут представлять собой лексические единицы, которые должны фиксироваться словарями. Лишь в отношении немногих старославянских несколькословных наименований мы можем предполагать о заимствовании их книжниками из народной славянской речи того времени (ср. *παρλυτικός* ‘разбитый параличом’ – ослабленз(ин) жнаамн в евангельских стихах Мт 9:2 и Мк 2:3). Основная же масса старославянских несколькословных номинаций – результат словотворчества славянских книжников: такие наименования создавались «по потребности» в процессе перевода под влиянием языка греческого оригинала или просто калькировались с соответствующих греческих наименований. Очевидно, что ни о какой «устойчивости в языковом узусе» при этом не может быть и речи. Конвенциональность же только «назначалась» переводчиком в процессе перевода и лишь впоследствии в языковом узусе закреплялась или не закреплялась. Напротив, в некоторых случаях тексты сохраняют нам как бы «пробы пера» первых славянских переводчиков, результаты их творческих поисков в создании лучшего варианта передачи соответствующего греческого наименования. Уже в самых первых переводах – Евангелия и Псалтыри – видим разные варианты перевода композита *εὐκαιρία* ‘подходящее время, подходящий момент’: в Евангелии как подобьно врѣма, в Псалтыри как благо врѣма:

Мт 26:16: Καὶ ἀπὸ τότε ἐζήτει εὐκαιρίαν ἵνα αὐτὸν παραδῶ.

– ι отъ тоаи искааше подобьна врѣмене . да ι прѣдастъ . Зоґр, Мар, Ас, Сав;

Пс 9:10: καὶ ἐγένετο κύριος καταφυγὴ τῷ πένητι βοηθὸς ἐν εὐκαιρίαις ἐν θλίψει

– і взиствъ гъ прѣвѣжнще оубоґоумоу . помощьнкъ . вѣ благо врѣма въ печалехъ Син.

Паремейник по времени перевода, видимо, не на много отстоит от Псалтыри. Тем не менее в Псалтыри композит *χειροπέδα* ‘наручники’ передается как *рѣчьннн оковн*, тогда как в Паремейнике – как *рѣчьнннн ꙗзы*:

Пс 149:8: τοῦ δῆσαι τοὺς βασιλεῖς αὐτῶν ἐν πέδαις καὶ τοὺς ἐνδόξους αὐτῶν ἐν χειροπέδαις σιδηραῖς

– СВЪМЪЗАНН ЦРНА ІХЪ ПѢТЬ(І...) І СЛАВЪНННН ІХЪ *рѣчь(ннн)мн оковн* *желѣзннннн(н)* СинН;

Ис 45:14: καὶ ὀπίσω σου ἀκολουθήσουσιν δεδεμένοι χειροπέδαις

– н вѣсладѣ тебе ндѣтъ свѣзанн . *рѣчьнннн ꙗзымн ꙗзымн* Григ.

Таким образом, сам материал находящегося в состоянии формирования старославянского языка диктует в данном случае применение синхронного подхода к его изучению. Свойства же конвенциональности и устойчивости, отмечаемые лингвистами у несколько-словных наименований при исследовании лексического инвентаря современных европейских языков и являющиеся по своей сути параметрами, относящимися к диахроническому подходу к языку, присущи в некоторых случаях и старославянским несколько-словным наименованиям, но – в силу того, что старославянский язык представляет собой лишь начальный этап общего для всех славян древнеславянского литературного языка и, следовательно, временная протяженность этого этапа невелика – очень ограничено, о чем будет сказано ниже. Идентификация же несколько-словных наименований в качестве лексических единиц возможна в старославянском языке (как и в других языках?) только на тех же основаниях, что и любых наименований: следует исходить из основного, определяющего свойства наименований – функции номинации лингвистических концептов⁵.

⁵ Как мы уже отмечали в предыдущей главе (с. 133), при всем многообразии подходов и множестве суждений о (лингвистическом) концепте представителями разных школ, можно принять определение, что (лингвистический) концепт – это некая дискретная единица ментального лексикона носителя языка. Поскольку лингвистические концепты составляют лишь часть ментального лексикона человека, собственно лингвистический концепт может быть охарактеризован как концепт, поддающийся вербализации. При анализе старославянских текстов по большей части мы имеем дело с «кон-

Несколькословное наименование в качестве единицы лексического фонда должно номинировать лингвистический концепт, причем несколькословное наименование-обозначение должно номинировать лишь один лингвистический концепт. В приведенных нами примерах наименования *εὐχαίρια*, подобно *вѣѣма* и благо *вѣѣма* номинируют один, причем один и тот же лингвистический концепт – ‘подходящее время, подходящий момент’. Так же и наименования *χειροπέδα*, *рѣчьннн оковн* и *рѣчьннн ѡззы* номинируют один, причем один и тот же лингвистический концепт – ‘наручники’. Таким образом, мы приходим к заключению, что единственным возможным критерием для дифференциации старославянских несколькословных наименований на единицы-обозначения (т. е. лексические единицы) и единицы-описания является не их конвенциональность или устойчивость в языковом узусе, а функция номинации одного лингвистического концепта у лексической единицы и, соответственно, функция номинации более, чем одного лингвистического концепта у несколькословных наименований, лексическими единицами не являющихся. Однако следует иметь в виду, что в древнем тексте определить, один или больше лингвистических концептов номинирует несколькословное наименование, – не всегда простая задача для исследователя. В некоторых случаях определение концепта (или концептов), стоящего (или стоящих) за несколькословным наименованием, зависит от интерпретации текста, причем интерпретации не только старославянского текста, но в первую очередь интерпретации текста греческого оригинала.

Начиная с первых славянских переводов несколькословными наименованиями передаются греческие композиты. Чаще всего это несколькословные наименования, представляющие собой имя (ποση) с атрибутом, и здесь мы наблюдаем особый род поморфемного калькирования, когда компоненты композитов передаются отдельными словами. Как было показано в Главе III, базовыми структурными

кретными» концептами, которые более традиционно можно было бы называть «стоящими за словами понятиями». Применительно к старославянскому материалу определение понятия «лингвистический концепт» см. также (Ефимова, Желязкова 2014а: 35–39).

моделями как для греческих, так и для старославянских именных композитов являлись, в основном, модели [основа-основа] и [основа-слово]. При передаче несколькословным старославянским наименованием греческого композита, образованного по модели [основа-слово], опорный компонент в виде слова передавался соответствующим славянским словом. Первый же компонент в виде основы (корня) также передавался словом:

[StN - cop - N]
[χειρ - ο - πέδαι] Пс 149:8; Ис 45:14

↓
рѣчьннн оковн СинН
рѣчьннннн ѡззи Григ;

[StA - cop - N]
[ψευδ - ο - προφήτης] Мт 7:15; Мк 13:22

↓
лзжнн пророкъ Мт 7:15 Зогр, Мар, Ас; Мк 13:22 Зогр Мар;

[StN - cop - N]
[δεσμ - ο - φύλαξ] Деян 16:23; Деян 16:27

↓
тъмьннчъннннн стражъ Христ, Охр, Слепч, Струм, Шиш, Мат.

При передаче несколькословным старославянским наименованием греческого композита, образованного по модели [основа-основа], оба компонента передавались славянскими словами с подходящей сехих мантикой:

[[StAdv - StN] - Suf]
[[εὖ - καιρ] - ία] Мт 26:16; Пс 9:10

↓
подобьно вѣрма Зогр, Мар, Ас, Сав
благо вѣрма Син

Как видим, при передаче греческих композитов несколькословными наименованиями, как и при передаче греческих композитов старославянскими композитами, для славянских книжников имела значение лишь общая семантика (le sens général) калькируемых корней (основ). Опорный компонент (head) композитов становился

опорным словом несколькословного наименования, однако в отношении семантической нагруженности в такого типа несколькословных наименованиях оба слова, видимо, следует считать равноценными, так как в случае предположительной универбации степень конвенциональности наименования была бы очень высока. Это было показано нами в статье 2014 г. на примере сопоставления передачи в Супрасльской рукописи греч. *δεσμώτης* в значении ‘тюремный надзиратель’ несколькословным наименованием *тъмьнчънзын стражъ* (Супр 182,17)⁶ и передачи *δεσμώτης* в значении ‘узник’ суффиксальным дериватом *тъмьнчъннкъ* (Супр 17,12). Таким образом, возможная универбация *тъмьнчънзын стражъ* → *тъмьнчъннкъ* дала бы омонимию с суффиксальным образованием *тъмьнчъннкъ* ‘узник’, то есть со словом с прямо противоположным значением (Ефимова, Желязкова 2014а: 40).

Порядок слов в несколькословных наименованиях чаще соответствует порядку компонентов в композитах (ср.: *εὐχαίρια* – подобно *врѣма, благо врѣма*), однако далеко не обязательно. Ср.:

[StN - сор - N]
[δεσμ - ο - φύλαξ] Деян 16:36

↓

стражъ тъмьнчънзын Христ, Мат (т. е. в полном Апостоле).

Такого же рода калькирование наблюдается и при передаче композитов несколькословными наименованиями с опорными словами, обладающими глагольной семантикой. Зависимыми словами обозначаются, как правило, объекты или адресаты действия.

[StV - N]
[μῖς - ἄνθρωπος]

↓

ненавнстъннкъ ѱловѣкомъ. Ср.:

⁶ Первоначально, как было показано выше, наименование *тъмьнчънзын стражъ* было создано для передачи композита *δεσμοφύλαξ* в Апостоле (Деян 16:23; Деян 16:27), а в Супрасльской рукописи было использовано уже как готовое наименование для перевода греческого суффиксального деривата *δεσμώτης* со сходным значением со значением *δεσμοφύλαξ*.

Εὐλογημένος ὁ ἐρχόμενος ἐν ὀνόματι κυρίου, ὁ ἀληθινὸς κατὰ τοῦ ψεύ-
στου, ὁ σωτὴρ κατὰ τοῦ λυμεώνος, ὁ εἰρηνάρχης κατὰ τοῦ πολεμήτορος,
ὁ φιλόανθρωπος κατὰ τοῦ μισανθρώπου.

– БЛАГОСЛОВИЕНЪ ГРАДЗИН ВЪ НМА ГОСПОДЬНЕ . НСТОВЗИН НА ЛЪЖААГО
СЪПАСЪ . НА ПРОКОУГДЬНКА . МНОТВОРЬЦЪ НА СПРОТНЬВЬНКА .
УЛОВЪКОЛЮБИЦЪ НА НЕНАВНСТЬНКА УЛОВЪКОМЪ . Супр 329,11.

[[StV - cop - StV] - Suf]
[[ἐνοικ⁷ - η - ματ] - ικός⁸]

↓

УАРОМЪ ОВРѢТАТЕЛЪ ‘чародей, колдун’. Ср.:

‘Ορκίζω σε κατὰ τοῦ Θεοῦ τοῦ παντοκράτορος ... φοβήθητι, φύγε ...
ὅπου ἂν τυγχάνης, ἢ ἀπέρχη, ἢ αὐτὸς εἶ ὁ Βεελζεβούβ ... ἢ ἀστρομα-
γικόν, ἢ ἐνοικηματικόν ... Евх 54a18.

– ЗАКАННАИѢ ТА БГОМЪ ВЪСЕДРЪЖНТЕЛЕМЪ... ОУБОН СА . БЪЖН... НДЕЖЕ АЩЕ
ЕСН . І ОТЪЗНИѢ АЩЕ НДЕШН . ІАН САМЪ ЕСН ВЕЛЪЗЪОЛЪ... ІАН ЗВЪЗДОЗЪРЕЦЪ .
ІАН УАРОМЪ ОВРѢТАТЕЛЪ...

Опорными словами в несколькословных наименованиях с зави-
симыми словами, обозначающими объекты действия, могут быть при-
частия. Например:

[StV - N]
[φιλ - ἀληθής]⁹

↓

ЛЮБАН НСТННѢ. Ср.:

⁷ Ср. значение глагола: «ἐνοικέω *indwell*... В. of demons in men...» (Lampe 1961: 477).

⁸ О суффиксе -ικός см. (Chantraine 1933: 385–386).

⁹ Второй компонент композита -ἀληθής по происхождению сам является древним композитом, принадлежащим к типу так называемых сигматических композитов-адъективов на -ης (Chantraine 1933: 425), однако в рассматриваемую эпоху прочно укоренился в употреблении в качестве субстантива. Первый компонент композита φιλ-, первоначально именной в композитах бахуврихи – таких как φιλόξενος (‘having guests dear’), позднее был реинтерпретирован как образованный от глагола φιλέω (Tribulato 2015: 168).

Ταῦτα δὲ καὶ τὴν ἐκείνων δείκνυσιν ἀμότητα καὶ τούτων τὸν ἀπλοῦν καὶ φιλαληθῆ τρόπον – се же покажутъ н онѣхъ боуестъ . н снхъ безълюбвнзин н любаштнн нстннѣ образъ . Супр 440,17.

Особенно часто в текстах встречаются несколькословные наименования, опорными словами в которых являются причастия, употребленные субстантивно (см. также об этом ниже). Например:

[StN - cop - [StV - Suf]] ‘противник Закона
[λογ - ο - μάχ - ος] (сторонник взглядов Ария)¹⁰,
↓
словесы прѣпнраѣн сѣ Супр 328, 15;

[StN - cop - [StV - Suf]]
[νομ - ο - μαθ - ῆς] ‘знаток Закона’
↓
законоу възкнѣвзин Супр 425,3–4.

Для многих старославянских несколькословных наименований характерен буквализм в передаче компонентов греческих композитов. Это объясняется тем, что славянские книжники создавали их «с листа», по потребностям перевода, что свидетельствует о полном отсутствии конвенциональности и устойчивости в языковом узусе. В качестве примера такой «механической» передачи компонентов композита можно указать перевод *κωμόπολις* ‘городок, местечко’ как вьсьнзин градъ:

[StN - cop - N]
[κωμ - ό - πολις]
↓
вьсьнзин градъ. Ср.:

Γέγονε τις ἀναχωρητῆς ἐν κωμοπόλει Πορφυρίωνι καλουμένη, ὀνόματι Ἰάκωβος...

– бзистъ нѣкзин отъшзальць . въ веснѣемь градѣ . порфурнхнз нарн-цаѣмѣ . нменемь наковъ . Супр 514,7 (Житие Якова черноризца).

¹⁰ Ср.: «*λογομάχος, ὁ... 2. contender against the Logos [i. e. one holding Arian view]*» (Lampe 1961: 807)

При передаче композитов, имеющих уже в греческом языке определенную терминологичность, несколькословные наименования сохраняют это свойство и в старославянском переводе. Таким образом, в отношении этих несколькословных наименований можно с уверенностью предполагать номинацию ими одного лингвистического концепта и идентифицировать их как лексические единицы старославянского лексического фонда. Так, например, наименование ушастой совы *νυκτικώραξ* идиоматично уже в греческом языке¹¹:

Пс 101:7: *ὠμοιώθην πελεκᾶνι ἐρημικῶ ἐγενήθην ὡσεὶ νυκτικώραξ ἐν οἰκοπέδῳ*

– оуподобнхъ съ неѣсзѣти поуствѣнѣ . бзѣхъ ѣко нощѣнзѣн вранз на нзѣнши . Син.

Передача компонентов композита была выполнена «буквалистски»:

[StN - cop - N]

[*νυκτ* - *ι* - *κώραξ*]

↓

нощѣнзѣн вранз.

Соответственно и перевод наименования *νυκτικώραξ* как нощѣнзѣн вранз идиоматичен, так как значение ‘ушастая сова’ не выводится из значений слов в этом словосочетании.

Так же идиоматично уже в греческом языке значение композита *ὄπωροφυλάκιον* ‘шалаш стерегущего урожаем сторожа’¹². Передача компонентов композита также была выполнена «буквалистски»:

[StN - cop - N]

[*ὄπωρ* – *ο* - *φυλάκιον*] Пс 78:1; Ис 1:8

↓

овощноѣ храннлнще Син, Лоб, Пар, Григ.

Соответственно и перевод наименования *ὄπωροφυλάκιον* как овощноѣ храннлнще идиоматичен, так как его значение ‘шалаш стерегущего урожаем сторожа’ (во всяком случае, первоначальное его значение в старославянском лексиконе) не выводится из значений слов в этом словосочетании. Таким образом, наименование овощноѣ храннлнще

¹¹ Ср.: *νυκτικώραξ* ‘long-eared owl’ (Lampe 1961: 927).

¹² Ср.: *ὄπωροφυλάκιον* ‘crop-watcher’s hut’ (Lampe 1961: 968).

мы тоже должны считать единицей старославянского лексического фонда, хотя следует отметить, что в передаче *ὄπωροφυλάκιον*, начиная с самых древних списков, наблюдается варьирование: **овоштьное храняиште** – **овоцоу храняиште**. Позже появляются и композиты **овоштохраняиште** и **ягодахраняиште** (с изменением значения?). Ср.:

Пс 78:1 *ἔθεντο Ἱερουσαλημ εἰς ὄπωροφυλάκιον*

- **положнша ꙗѣма ꙗко овоштьное храняиште** . Син, Лоб, Пар
- **овоцоу храняиште** Пог – **овошциню храняиште** Бол
- **овоштохраняиште** Норов;

Ис 1:8 *ἐγκαταλειφθήσεται ἡ θυγάτηρ Σιων ὡς σκηνὴ ἐν ἀμπελῶνι καὶ ὡς ὄπωροφυλάκιον ἐν σικυηράτῳ*

- н **вставена бѣдетъ дзщѣ снѡнова** . ꙗко хвизница въ внноградѣ . ꙗ ꙗко **овоштьное храняиште** въ врзтоградѣ . Григ
- **ягодахраняиште** Лобк, Зах
- **храняишница ягодаиша** Перфир 1378.

Значения упомянутых в начале главы композитов *ὀδοποιεῖν* и *νομοθετεῖν* идиоматичны уже в греческом тексте Псалтыри (Пс 67:5; Пс 118:33). Соответственно, переводящие их несколькословные наименования **пѣть сзтворити** и **законъ положити** с опорными словами-глаголами также идиоматичны:

Пс 67:5: *ὀδοποιήσατε τῷ ἐπιβεβηκότι ἐπὶ δυσμῶν*

- **пѣть сзворите** въшедзшюмоу на з^п^д' . Син;

Пс 118:33: *Νομοθέτησόν με κύριε*

- **законъ положн** мнѣ ꙗ . Син.

Следует отметить попутно, что старославянские несколькословные наименования с семантически недостаточными глаголами типа **сзтворити** или **положити**, требующими информативно восполняющих зависимых слов, являются, как правило, лексическими единицами, так как дают бесспорные примеры номинации одного единственного лингвистического концепта.

Отдельного упоминания заслуживают переводы греческих композитов с первым компонентом *ἀρχι-* несколькословными наименованиями с опорным словом **старѣишна**, так как они являются одними из, по-видимому, немногих надежных примет деятельности

преславских книжников. И. Добрев еще в 70-х годах прошлого века справедливо связывал такой перевод с Преславской школой письменности (Добрев 1978: 93–94). В Супрасльской рукописи, части которой, как известно, были либо переведены, либо в большей или меньшей степени редактированы преславскими книжниками¹³, находим достаточно много таких примеров: *ἀρχιερεὺς* ‘первосвященник’ – старѣншна жрьцьемз (Супр 340,15; 340,18), старѣншна жрьцьскз (Супр 230,14; 407,27; 408,28; 410,26–27) и старѣншна молнтвѣннкомз (Супр 330,13; 359,7); *ἀρχιδιάκος* ‘верховный жрец’ – старѣншна жрьцьскз (Супр 257,6) и старѣншна влзшьскз (Супр 260,7), *ἀρχιποιτήν* ‘главный пастырь (перен.)’ – старѣншна паствнѣ (Супр 328,26). Есть примеры использования в Супрасльской рукописи несколькословных номинаций со словом старѣншна и для передачи наименований-композигов, но не с первым компонентом *ἀρχι-*: *ναύκληρος* ‘командир судна, кормчий’ – старѣншна корабьннкомз (Супр 119,30), *πατριάρχης* ‘родоначальник, патриарх’ – старѣншна отьцемз (Супр 321,19). Отметим, что евангельский перевод несколькословных номинаций со словом старѣншна еще не знает, и для передачи в Л 19:2 композита *ἀρχιτελώνης* с первым компонентом *ἀρχι-* используется несколькословное наименование, но с компаративом старѣн: старѣн мзытаремз (Зогр, Мар, Ас). Однако в Зографском палимпсесте (рукописи, которую тоже традиционно связывают с деятельностью преславских книжников) находим в Мт 21:23 замену грецизма *ἀρχιερεὺν* несколькословным наименованием старѣншна жрьцьскз.

Тип несколькословных наименований, представляющих собой имя с атрибутом, достаточно часто используется и для передачи греческих несколькословных наименований. Калькирование при этом заключается в пословном переводе – с учетом предпочтений славянской сочетаемости в структуре словосочетаний (атрибута в виде прилагательного вместо генитива существительного в греческом, выбор предлога и т. п.). Ср., например, *ὁ θεοῦ διάκονος* – божнн слоуга:

¹³ Изучению языка Супрасльской рукописи в аспекте степени влияния на различные ее части узуса преславских книжников посвящена довольно обширная литература. Укажем на некоторые работы: Благова 1966; Добрев 1978; Дограмаджиева 1980; Благова 1980; Дунков 1985; Дунков 1990; Мирчева 1997; Мирчева 2011 и др.

Рим 13:4: θεοῦ γὰρ διάκονός ἐστιν σοὶ εἰς τὸ ἀγαθόν. ἐὰν δὲ τὸ κακὸν ποιῆς, φοβοῦ· οὐ γὰρ εἰκῆ τὴν μάχαιραν φορεῖ· θεοῦ γὰρ διάκονός ἐστιν ἔκδικος εἰς ὀργὴν τῷ τὸ κακὸν πράσσοντι.

– БЖНН БО СЛОУГА ꙗсть вѣ бл҃гоиє . аще лн н ззлѡиє дѣѣшн . бон сѧ . не без оума бо мечь носить . БЖНН БО СЛѦГА ꙗсть . мьстьннкз вѣ гнѣвз творащемоу ззлѡиє . Христ, Охр (1х), Слепч, Мат, Шиш;

или ὁ ἄνθρωπος τοῦ θεοῦ – чловѣкъ божи:

ТК Иез 6:2: ὁ ἄνθρωπος τοῦ Θεοῦ τοὺς λόγους ἐποίησατο.

– гла чл҃къ БЖНН . F.I.461 л. 237a 30;

или ὁ δοῦλος τοῦ θεοῦ – рабъ божи:

Τοῦ δὲ ἀπὸ τοῦ συνειδότης τυπτομένου καὶ πρὸς τὸ μεταλαβεῖν ἐπὶ πολὺ ἀνανεύοντος ῥίπτει ἑαυτὸν πρὸς τοὺς πόδας αὐτοῦ ὁ δοῦλος τοῦ θεοῦ παρακαλῶν αὐτόν...

– ономоу же отъ съѣстн быемоу . н на прнчаштєннє ннкакѡже не ѡбораштоу сѧ . поврзже себє прѣдъ ногѧма рабъ бжнн . мола юго ...

Супр 524,14;

или ὁ ἐπιτήδειος εἰς τὸ κολλάζειν ‘палач’ – чждожиъзин на мѣченнє (с суб-стантивно употребленным прилагательным в качестве опорного слова):

ТК Иез 21:11: Таύτην γὰρ, φησὶ, «τὴν μάχαιραν εὐτρεπῆ» γενομένην ἐνεχείρισε τοῖς εἰς τὸ κολλάζειν ἐπιτηδέοις· σημαίνει δὲ τοὺς Χαλδαίους.

– снн оубо мечь оуготованъ бывшъ . вздастъ н чждожиъзиннѣ на мѣченнѣ . ѧвѧвет же снмѣ словомъз чалдеѧ . F.I.461 л. 270б 3.

Однако, если в случае перевода греческого композита (т. е. одно-словного наименования) исследователь может предполагать с высокой степенью вероятности номинацию старославянским несколько-словным наименованием одного лингвистического концепта (хотя и не «гарантированно», см. об этом ниже), то в случаях перевода греческих несколькословных наименований для идентификации старославянского несколькословного наименования как лексической единицы становится важной интерпретация греческого исходного текста. Так, например, мы можем предполагать номинацию одного лингвистического концепта несколькословным наименованием *ἰατρῶν παῖδες* ‘лекари (как сословие)’ (т. е. не наименование лекаря, употребленное во мн. ч., а номинацию цельным словосочетанием определенного

сословия) и, соответственно, старославянским наименованием врачевьскнн отроцн¹⁴. Ср.:

“Ὡσπερ γὰρ ιατρῶν παῖδες τὰς ὀφιώδεις πληγὰς ἰῶνται ... οὕτως ὁ Σωτὴρ πάσαις ταῖς κακῶν ἀφορμαῖς πρὸς ἀγαθὸν συνεχρήσατο ...

– якоже бо врачевьстнн отроцн . змнннзи язвзи цѣлатъ ... тако же н сзпас' вса зъязи вннзи . на благоиє прѣтворн . Супр 430,14.

Номинируют один лингвистический концепт несколькословные наименования, имеющие уже в греческом языке определенную терминологичность или идиоматичность. Соответственно, номинируют один лингвистический концепт и, следовательно, являются лексическими единицами, переводящие их буквально старославянские несколькословные наименования. В ряде случаев такие наименования восходят к древнееврейским выражениям: οἱ πτωχοὶ τῷ πνεύματι (Мт 5:3) – нншнн доухомъ, οἱ καθαροὶ τῆ καρδίᾳ (Мт 5:8) – чнстнн срьдьцьмъ, οἱ εὐθεῖς τῆ καρδίᾳ (Пс 63:11) – правн срьдьцьмъ, οἱ ἀπερίτμητοι καρδίαις καὶ τοῖς ὠσίν (Деян 7:51) – необрѣзанн срьдьцн нн оушесзи и под.¹⁵

* * *

Как отмечалось выше, при интерпретации старославянского текста в случае перевода однословного греческого наименования (в том числе и чаще всего композита) исследователь может предполагать с высокой степенью вероятности номинацию старославянским несколькословным наименованием одного лингвистического концепта. Тем не менее встречаются случаи, когда старославянский перевод греческого однословного наименования дает номинацию не одного, а двух концептов, т. е. не дает старославянскую лексическую единицу. Известно, что языковая концептуализация мира различна у разных народов, и различиям в разных языках в содержании концептов, сходных на первый взгляд, посвящено довольно много исследований (Goddard, Wierzbicka 2014: 46–54; 75–101 и др.). Однако

¹⁴ Наименование врачевьскнн отроцн плохо фиксируется старославянскими словарями: отмечено в (Речник 1999–2009), но не отмечается в (Словарь 1994 и SJS).

¹⁵ Подробнее см. в (Ефимова, Желязкова 2014: 41–43). О наименовании οἱ πτωχοὶ τῷ πνεύματι – нншнн доухомъ см. также (Григорьев 2006: 127–136).

при анализе старославянских текстов мы имеем дело, главным образом, с результатами словотворчества славянских книжников, стремившихся, как правило, к возможно более точной передаче содержания греческих оригиналов – что, казалось бы, предполагает отсутствие (или, по крайней мере, сведение к минимуму) различий в содержании концептов, номинированных старославянскими наименованиями, в сравнении с греческими. Тем не менее сдвиги в содержании концептов иногда наблюдаются, и, следовательно, для современного исследователя древнего текста соответствие в тексте старославянского несколькословного наименования греческому однословному не дает «гарантии» того, что старославянское несколькословное наименование номинирует один лингвистический концепт и является лексической единицей старославянского лексического фонда. И, следовательно, такое соответствие может давать исследователю лишь «подсказку». Для установления же, один или более лингвистических концептов номинирует какое-либо несколькословное наименование, требуется достаточно глубокое проникновение в содержание древних текстов – прежде всего греческого, а затем и старославянского.

Возвращаясь к примерам, приведенным Ягичем в работе конца XIX в., обратим внимание на пример перевода *κληροδοτεῖν* – по жрѣбью раздѣлити (Jagić 1898: 540). Пример взят Ягичем из Псалтыри:

Пс 77:55: καὶ ἐκληροδότησεν αὐτοὺς ἐν σχοινίῳ κληροδοσίας
– | по жрѣбью раздѣлн имз землѣж . жже дѣломѣрнѣимз¹⁶ . Син.

При том, что *κληροδοτεῖν* в греческом языке номинировал, видимо, один концепт, перевод по жрѣбью раздѣлн «распадается», как кажется, на номинацию двух концептов: лингвистический концепт «раздела», сема которого присутствует во втором компоненте греческого композита (как присутствует она и в глаголе *δίδομι* – ср. *δοτήρ* не только ‘податель, даритель’, но и ‘распределитель’), реализуется в глаголе раздѣлн, и – отдельно – представлен атрибут по жрѣбью (т. е. «как разделить?»). Надо полагать, что в этом случае авторов SJS интуиция не подвела: словосочетание по жрѣбью раздѣлн, воспринимаемое ими, видимо, как свободное, а не как представляющее

¹⁶ Не можем не упомянуть здесь о блестящем «эссе» Е. М. Верещагина, посвященном наименованию жже дѣломѣрное (Верещагин 2012: 178–192).

собой лексическую единицу несколькословное наименование, не фиксируется ни в словарной статье на жрѣвнн, ни в статье на раздѣлнтн¹⁷.

В ряде случаев сдвиги в содержании концептов можно объяснить трудностью (или даже невозможностью) создать равнозначное наименование «из славянского материала». Так, видимо, переводчику Слова Епифания Кипрского на погребение Христова трудно было перевести номинирующее один концепт наречие *ἐνδότερον*, и он передал его словосочетанием *вз жтрѣннхз прнѣжнштнхз*, номинирующим два лингвистических концепта:

καὶ ἄλλος ἐνδότερον ἔφευγεν.

– а дроугзын *вз жтрѣннхз прнѣжнштнхз* нштазааше . Супр 466,16.

Или, например, в греческих оригиналах старославянских текстов неоднократно встречается наименование-комполит *παμβασιλεύς* ‘соверен, обладающий неограниченной властью’¹⁸. Видимо, греческое однословное наименование *παμβασιλεύς* номинировало один лингвистический концепт. Значение слова *παμβασιλεύς* включает в себя семантику первого компонента *παν-*, который мог сообщать греческим комполитам не только значение местоимения *πας* ‘весь’, ‘всякий’, но и суперлативное значение, т. е. образовывал лексические суперлативы (Ефимова 2017а: 84–85). При передаче же комполита в старославянских переводах старославянское несколькословное наименование «распадается» на номинацию двух лингвистических концептов: местоимение *всь* номинирует свой собственный лингвистический концепт. Устойчивости это наименование не демонстрирует. В Житии Василиска *παμβασιλεύς* переведено несколькословным наименованием *всьмъз цѣсарь* (наименованием-описанием, а не лексической единицей) с местоимением *всь* в дат. п. мн. ч.:

Βασιλίσκος εἶπεν· “Πατὴρ καλεῖται καὶ παντοκράτωρ καὶ κύριος καὶ θεὸς καὶ παμβασιλεύς καὶ κύριος Σαβαῶθ...”

– васланскъ рече отецъ нарцаатъ св. н вседръжнтель н гь н бз н *всьмъз цѣрь* . н гь саваудъ . Супр 21,18.

¹⁷ Речник 1999–2009 фиксирует, однако, словосочетание *раздѣлнтн по жрѣбью* и в словарной статье на *жрѣвнн*, и в словарной статье на *раздѣлнтн* (Речник 1999: 504; Речник 2009: 579).

¹⁸ Ср.: *παμβασιλεύς* ‘king of all, universal sovereign’ (Lampe 1961: 999–1000).

В Толковании на книгу пророка Иезекииля *παμβασιλεύς* переводится несколькословным наименованием *вѣѣхъ цѣсарь* с местоимением *всь* в род. п. мн. ч.:

ТК Иез 1:8: τοῦ παμβασιλέως Θεοῦ τὴν πάντοτε διήκουσαν ἐποφίαν.
– *вѣѣхъ цѣрѣ н бѣ* . *вѣѣмо ѡбѣходящъ зракъ* . по F.I.461 л. 227б 29.

В случае перевода Толкования наблюдается и некоторое переосмысление текста: в исходном греческом тексте композит *παμβασιλεύς* служит атрибутом имени Θεός (т. е. композит употреблен как адъектив), тогда как в старославянском переводе вставлен союз *н*, который имена *цѣсарь* и *богъ* делает равноправными.

Провести границу между старославянской лексической единицей, номинирующей один лингвистический концепт, и словосочетанием, номинирующим два лингвистических концепта, современному исследователю нередко бывает трудно. И, как было сказано выше, соответствие старославянского несколькословного наименования однословному греческому не дает «гарантии» в правильности решения, но лишь «подсказку», которая может и не оправдаться. В качестве примера рассмотрим наименование *πυρέσσουσα* и его старославянский перевод в рассказе о больной теще Симона, приведенном во всех трех синоптических Евангелиях. В греческом тексте Евангелий от Матфея и Марка теща охарактеризована как *πυρέσσουσα*, причастием от гл. *πυρέσσειν* ‘быть в жару’, в старославянском – словосочетанием *огньмъ жегома*:

Мф 8:14: εἶδεν τὴν πενθερὰν αὐτοῦ βεβλημένην καὶ πυρέσσουσαν
– *вндѣ тѣштѣ его лежѣштѣ огньмъ жегомѣ* . Зогр, Мар, Ас, Остр;

Мк 1:30: Ἡ δὲ πενθερὰ Σίμωνος κατέκειτο πυρέσσουσα
– *тѣшта же снимова* . *лежааше огньмъ жегома* . Зогр, Мар.

В греческом языке глагол *πυρέσσειν* номинирует один лингвистический концепт (одно понятие), так же и образованное от него причастие. Однако в отношении словосочетания *огньмъ жегома* у нас есть основания предполагать, что оно номинирует здесь два лингвистических концепта. По всей видимости, слово *огнь* здесь было использовано как самостоятельное наименование лихорадки, что подтверждается продолжением рассказа в следующих стихах:

Мф 8:15: καὶ ἀφῆκεν αὐτὴν ὁ πυρετός.
– *и остави ѿ огнь Зогр, Мар, Ас, Остр;*

Мк 1:31: *καὶ ἀφῆκεν αὐτὴν ὁ πυρετὸς* [εὐθέως]

– ι оставн ѿ огнь Зоґр

– ι оставн ѿ абне огнь Мар.

Наше предположение о том, что словосочетание огньмь жегома в стихах Мф 8:14 и Мк 1:30 номинирует два лингвистических концепта, подтверждается, как кажется, и изменением текста в стихе Мф 8:14 в Саввиной книге, где вместо словосочетания огньмь жегома используется словосочетание болащн огньмь:

Мф 8:14 – Мф 8:15: *ὄψιν εμοῦ* *лежащн н болащн огнемь* .
[...] *н оставн ѿ огнь* . Сав.

В синоптическом Евангелии от Луки теща не жегома, а одръжнма огньмь, в соответствии с греч. *συνεχομένη πυρετῶ*:

Л 4:38: *πενθερὰ δὲ τοῦ Σίμωνος ἦν συνεχομένη πυρετῶ μεγάλη· καὶ ἠρώτησαν αὐτὸν περὶ αὐτῆς.*

– тзшта же снмонѣ бѣ . одръжнма огньемь вельемь ι молнша ι о nei Зоґр, Мар.

Подтверждение тому, что наименование огнь могло самостоятельно номинировать какую-то лихорадку, находим и в тексте Апостола: в Деяниях рассказывается, что отец Публия болел огньмь наряду с дизентерией (или каким-то другим тяжелым кишечным заболеванием):

Деян 28:8: *Ἐγένετο δὲ τὸν πατέρα τοῦ Ποπλίου πυρετοῖς καὶ δυσεντερίᾳ συνεχόμενον καταχεῖσθαι·*

– bzic же оцю попановоу огньмь н уревзмь болащю сзлежатн . Христ, Струм, Шиш.

С другой стороны, жещн мог не только огнь, но и какая-нибудь другая тяжелая болезнь:

ι нжденн из него [...] в'снѣ языѣ жегѣщнѣ пать его . Евх 29b 21.

Вместе с тем в Слове Иоанна Златоуста за Воскресение Христово встречается рассказ о больных, номинированных как жегомнн огньмь:

касааше са жгозмннмз огньемз . н хладнн бзиваакѣ . Супр 476,17 (греческий текст не найден).

В данном случае наименование жегомзнн огньмь номинирует уже один лингвистический концепт, одно понятие о человеке, заболевшем лихорадкой.

Различие между старославянской лексической единицей и словосочетанием, номинирующим два лингвистических концепта, иногда трудно уловимо. Так, например, в старославянских текстах многократно встречается наименование *свонма оунма*. SJS фиксирует его как словосочетание со значением ‘собственными глазами’ (SJS II: 530). Словарь 1994 также его фиксирует, но со знаком, который обозначает словосочетание, «не связанное с определенным значением» (Словарь 1994: 52, 409). В старославянских текстах наименование *свонма оунма* переводит как греческие однословные наименования, номинирующие один лингвистический концепт, так и словосочетания. Так, например, в Житии Павла и Юлиании оно переводит наречие *αὐτοψεί*:

οὐδεὶς γὰρ ἠδύνατο αὐτοψεί θεὸν ἰδεῖν·

– ннк¹⁹тоже бо можааше *свонма оунма* б̄а бесплзтзна вндѣти . Супр 11,1.

Отметим, что наречие *αὐτοψεί* многозначно. Если в приведенном примере его значение можно определить как ‘собственными глазами’, то в другом месте Жития Павла и Юлиании оно имеет, видимо, значение ‘наяву, в действительности’ и переведено адвербиализованной предложно-падежной формой *вз лице*¹⁹:

Ἀποκριθεὶς δὲ ὁ Παῦλος εἶπεν· “Τοῦτον τὸν Δία, ὃν λέγεις εἶναι θεόν, ἄνθρωπος ἦν υἱὸς τῶν ἀποστάτων [...] θεωρῶν τὰς τῶν ἀνθρώπων περικαλλεῖς γυναικας καὶ θυγατέρας τούτων ὁρῶν καὶ αὐτοψεί ὁμιλῶν αὐταῖς καὶ συμμιγνύμενος...” – сѣзн же паоулз отзвѣштавз рече . сего дня . югоже мѣнншн богу бзти . чловѣкз бѣ оученикз сотонннз . [...] внда чловѣчьскзи добрзиа жензи . н дштерн . тѣмз похота н *вз лице* бесѣдоуа нмз . н свзскоуплѣа са съ нннн . Супр 7,20.

Возможно, калькой *αὐτοψεί* было наречие *самовндѣнѣ*, однословное наименование, созданное славянскими книжниками в качестве возможно более точного соответствия греческому, встречающееся в Супрасльской рукописи в Житии Анина:

¹⁹ Словарь 1994 квалифицирует *вз лице* как словосочетание со значением ‘лицом к лицу’ (Словарь 1994: 308), что, однако, вызывает сомнения. Ср. известные значения наречия *αὐτοψεί*: ‘with one’s own eyes’, ‘manifestly’ (Lampe 1961: 273), значение сущ. *αὐτοψία*: ‘supernatural manifestation, vision’ (Liddell-Scott 1996: 284, в словарной статье на *αὐτοψεί*).

НАУА САМОВНДНѢ . ϣЦѢ ОПАКЗИ СВАЗΟΥА СН . Н НА ОБЛНЧЕНЬЕ НАУА-
ТНЮ НЕЧЪСТНІА СВОЕГО СВЪРАШТАТН СА . Супр 560,5.

Однако греческий оригинал к этому житию, насколько нам известно, не найден, а Ф. Миклошич считал, что наречие САМОВНДНѢ ошибочно употреблено здесь вместо САМОВОЛЬНѢ (Miklosich 1862–1865: 819), что, однако, не отрицает наличия наречия САМОВНДНѢ в старославянском лексическом инвентаре.

В Толковании на книгу пророка Иезекииля словосочетание СВОНМА ОУНМА также используется для перевода однословного наименования – сущ. *αὐτόπτης* в форме вин. п. мн. ч.:

ТК Иез 12:25: *ὕμᾱς ποιῶν αὐτόπτας τῆς ἀληθείας τῶν λόγων.*

– ВѢ САМЫ СЗТВѢРА СВОНМА ОУНМА· ДА ВДНТЕ НСТННЖ СЛОВЕ· по F.I.461 л. 249a7.

С другой стороны, наименование СВОНМА ОУНМА (ОУНМА СВОНМА) используется и для перевода греческих словосочетаний, номинирующих, видимо, два лингвистических концепта. Например, в Житии Иоанна Молчаливого:

καὶ ἐξήτει αὐταῖς ὄψεσιν ἰδεῖν εἰ οὕτως ἔχει

– Н ХОТѢШЕ СВОНМА ОУНМА ВДѢТН АШТЕ ТО ЕСТЪ ТАКО . Супр 296,11;

или, например, в переводе книги пророка Иезекииля:

Иез 8:5: *καὶ εἶπεν πρὸς με υἱὲ ἀνθρώπου ἀνάβλεψον τοῖς ὀφθαλμοῖς σου πρὸς βορρᾶν*

– Н РЕЧЕ КЪ МНѢ, СНѢ ЧЛѢЪ· ВЪЗРНѢ ОУНМА СВОНМА НА СВЕРЪ· по F.I.461 л. 241a12.

* * *

Особого рассмотрения требуют несколькословные номинации с субстантивированными причастиями. Как было показано в предыдущей главе, субстантивно употребленные причастия – таким же образом, как и древние имена, или как субстантивно употребленные прилагательные в более позднем периоде развития языка – номинируют соответствующий предметный лингвистический концепт и являются лексическими единицами. Во многих случаях номинируют предметный лингвистический концепт и являются лексическими единицами также и несколькословные наименования с опорными словами

в виде субстантивированных причастий. Такие наименования переводят греческие как несколькословные наименования, так и греческие композиты, иногда «простые» слова (*simplicia*). В случае передачи композита (т. е. однословной номинации) или *simplex*'а у нас есть основание предполагать, что старославянское наименование номинирует один лингвистический концепт, а не два, и, следовательно, является лексической единицей. Ср. пример из Синайского евхология (в Молитве над бесноватыми), где целый ряд композитов-однородных членов – *φαρμακόφιλος* ‘колдун’, *ἔρωτομανής* ‘безумный от любви’, *ἀστρομαγικός* ‘астролог’ – переводится и несколькословным наименованием с субстантивированным причастием (ϕαρσι любѧ), и несколькословным наименованием с субстантивированным прилагательным (на похоть ненствоѡз), и композитом ѕѣѡѕдѡѕрьць:

‘Ορχίζω σε κατὰ τοῦ Θεοῦ τοῦ παντοκράτορος ... φοβήθητι, φύγε ... ὅπου ἂν τυγχάνης, ἢ ἀπέρχη, ἢ αὐτὸς εἶ ὁ Βεελζεβούβ ... ἢ φαρμακόφιλον, ἢ ἔρωτομανές, ἢ ἀστρομαγικόν...

– ЗАКАННАѢ ТА БГОМЪ ВЪСДРЪЖНТЕЛЕМЪ... ОУБОН СА . БЪЖН... НДЕЖЕ АЩЕ ЕСН . І . ОТЪННѢДѢ АЩЕ НДЕШН . ІА Н САМЪ ЕСН ВЕЛЪЗЪЛОЪ... НАН ϕАРСИ ЛЮБА . НАН НА ПОХОТЬ НЕНСТВОЪЗ . НАН ЗѢѢДѢДѢРЬЦЪ ... Евх 54а 16–17.

Примеры перевода композитов и *simplicia* несколькословными наименованиями с субстантивированными причастными формами – не редкость в старославянских текстах. В большинстве случаев очевидно, что такие наименования создавались переводчиками «с листа», по потребностям перевода или при желании создать перевод лучший, чем тот, который уже наличествовал в старославянском лексическом инвентаре. Покажем это на некоторых примерах.

νομοθέτης ‘номотет, законодатель’ – ЗАПОВѢДАВШИН ЗАКОНЪ:

ТК Иез 20:20: τὴν δὲ ἐμὴν δεσποτείαν ἐπιγνώναι, καὶ τοῖς ἐμοῖς προστάγμασι ἐπεσθαι ... καὶ ποδηγεῖσθαι πρὸς τὸν νομοθέτην διὰ τὸν νόμον – Н ПОЗНАТН МОЕ ВЛЧСТВО· Н ПОСЛОУШАТН МОН ЗАПОВѢДНН· Н ПРНБАНЖАТН ЗАКОНМЪ, КЪ ЗАПОВѢДАВШОМОУ ЗАКОНЪ . л. 267а 10 по F.I.461.

Переводчик Толкований к книге пророка Иезекииля²⁰ счел необходимым заново перевести композит *νομοθέτης* – несмотря на то, что

²⁰ Издатели книги пророка Иезекииля с толкованиями по рукописи F.I.461 считают текст целиком преславским (Тасева, Йовчева 2003: 55).

этот композит уже был переведен в Псалтыри композитом **ЗАКОНΟΔΑΒΥΞ**, и переводчик не мог не знать псалтырного текста:

Пс 9:21: *κατάστησον κύριε νομοθέτην ἐπ' αὐτοῦς*
– постави г҃ **ЗАКОНΟΔΑΒΥΞΑ** НАДЪ НИМН Син.

ἡ αἰμορροῦσα ‘женщина, страдающая кровотечением’ – **КРЪВЪ ТОУАЩНН**:
Εἶδον τῆς αἰμορροῦσης σταλείσας τὰς τοῦ αἵματος ῥύακας· κάκεῖνοι τῆ βασκανία κατεστασίαζον
– ВНДѢША **КРЪВЪ ТОУАШТАА** СТАВЪЕНЗИ КРЪВЪНЗИА РѢКЗИ . ТОЖЕ ОНН РЪВЪНОСТННЖ ЗАДЪКННТН СА ХОТѢАХЖ. Супр 398,27–28 (Слово о зависти, № 35).

Здесь переводчик также счел необходимым заново перевести композит **αἰμορροῦσα** – несмотря на то, что этот композит уже был переведен в Евангелии композитом **КРЪВОТΟΥНВА(Я)** (в самом евангельском тексте употребленном в качестве атрибута, но в оглавлении субстантивно)²¹:

Мт 9:20: *Καὶ ἰδοῦ, γυνὴ αἰμορροῦσα δώδεκα ἔτη, προσελθοῦσα ὀπισθεν, ἤψατο τοῦ κρασπέδου τοῦ ἱματίου αὐτοῦ.*
– і се жена **КРЪВОТΟΥНВА** . ДЪВѢ НА ДЕСАТЕ ЛѢТѢ НМЖШТН . ПРНСТЖПШН СЪ ЗАДН . ПРНКОСНЖ СА ВЪСКРНЛНН РНЗЗИ ЕГО . Мар, Ас, Остр, **КРЪВОТΟΥНВАЯ** в Сав;
περὶ τῆς αἰμορροῦσης
– ω **КРЪВОТΟΥНВѢН** Зогр 29b9, Мар 76b5 и др.

Во всяком случае атрибуция перевода Толкований к книге пророка Иезекииля преславским книжникам представляется нам вполне обоснованной.

²¹ Как уже давно было замечено исследователями, преславские книжники всегда стремились к большей филологической точности перевода, и, возможно, в представлении преславского книжника-переводчика (или, скорее, редактора этой части) перевод греческого причастия **αἰμορροῦσα** наименованием **кръвъ тоуащнн** с причастием в качестве опорного слова являлся более точным. Тем не менее, в Супрасльской рукописи находим также и новый перевод композита **αἰμορροῦσα** суффиксальным существительным-компози́том **кръвоточнца**:

τὸ ὕδωρ εἰς οἶνον μετέβαλε, τὴν αἰμορροῦσαν ἰάσατο...
– ВОДЖ ВЪ ВНО ПРѢЛОЖНАЗ . **КРЪВЪТΟΥНЦЖ** НЦѢЛНАЗ ... Супр 480,25 (Слово на Пасху, № 42).

λογομάχος ‘противник Закона (сторонник взглядов Ария)

– словесѣ прѣпрѣраѣн сѣ:

‘Ο γὰρ λογομάχος οὐκ εὐγνώμων δοῦλος, ἀλλὰ πρόδηλος δυσμενής.

– словесѣ бо прѣпрѣраѣн сѣ не прѣназнѣвѣ рѣбѣз . нѣз ѣвѣ сѣпѣрннѣз .
Супр 328, 15.

Композиты со вторым компонентом *-μάχος* были очень распространены в греческом языке интересующего нас периода. Многократно был переведен славянскими книжниками композит *θεομάχος* ‘богоборец’ и ‘богоборческий’ – как композитами-существительными, так и композитами-прилагательными: *богоборѣць* (Супр 87,13–14; Супр 480,18–19), *богоборѣннѣз* (Гр.Наз.ХІ в., л. 155 – Срезн I: 128), *богоборѣнѣз* (Супр 188,19; Супр 188,28–29; Супр 191,10), *богосварѣнѣз* (Супр 396,8), *боготорѣнѣз* (Супр 504,15–16), *богоратѣнѣз* (Изб.1073 14с10–11; Изб.1073 130b16). Однако, очевидно, переводчика не устроило окказиональное образование композита по той же модели (**словоборѣць* или **словоборѣннѣз*), и он счел перевод *λογομάχος* несколькословным наименованием с субстантивированной причастной формой более подходящим по смыслу.

λομομαθής ‘знаток Закона’ – *ζακονου* *взкнѣвзнн*:

πάλιν μαθητής πιπράσκει, νομομαθεῖς δὲ ἀγοράζουσι καὶ ληστής ἐπὶ σταυροῦ θεολογεῖ.

– пакѣ оученнѣз продаѣтѣз . н ζακονου взкнѣвзнн коупоуѣтѣз . н
развоннѣз на крѣстѣ богословѣтѣз . Супр 425,3–4.

Композиты со вторым компонентом *-μαθής* также неоднократно переводились славянскими книжниками композитами (употребленными, однако, в качестве атрибутов): *φιλομαθής* – *любовѣѣѣѣ* (φέρε τὴν χεῖρά σου... *φιλομαθῆ* – прѣнесн сн рѣкѣ ... *любовѣѣѣѣтѣтѣ* Супр 503,25–26, Слово о неверии Фомы, № 44); *πολυμαθής* – *многооученнѣз* (τοῦ πολυμαθοῦς Σιράχ – *многооученаго* снраха НомУст 49a12–13). В случае перевода *νομομαθής* возможно бы было также образование композита, однако переводчик и здесь счел более подходящим перевод несколькословным наименованием с субстантивированной причастной формой.

ὁ ἀντιλέγων – глаголан сѣпротнѣз и сѣпротнѣз глаголан:

ТК Иез 2:8: μηδὲ ζηλώσης τοὺς ἀντιλέγοντας

– нн възсѣдоун гласннѣз сѣпротнѣз л. 230б 25–26 по F.I.461;

ТК Иез 4:3: Ταῦτα δὲ, φησὶ, σημεῖον διδοὺς τὴν διὰ τῶν πραγμάτων προφητείαν τοῖς νῦν ἀπειθοῦσι καὶ ἀντιλέγουσι.

– се же сзтворн знаменїе даѣ непокарѣѣщнїм са· н̄ сзпротнв̄ глащнн̄мь пррѣцств̄ . л. 234а б по F.I.461.

Все же в некоторых случаях даже перевод *simplicia*²² несколькими наименованиями с субстантивированными причастными формами вызывает сомнения: один лингвистический концепт номинирует такое старославянское наименование или два. Например:

οἱ περίοικοι – окрзсть жнвѣщен:

Л 1:58: Καὶ ἤκουσαν οἱ περίοικοι καὶ οἱ συγγενεῖς αὐτῆς ὅτι ἐμεγάλυνεν κύριος τὸ ἔλεος αὐτοῦ μετ' αὐτῆς

– ι слзшаша окрзсть жнвѣщен ι рожденне еѣ . ѣко възвелнчнлз естз гѣ . мнлость своѣѣ сз неѣ . Зогр, Мар, Ас.

οἱ συναναχειμένοι – възлежѣщен сз ннмь:

Мт 14:9: Καὶ ἐλυπήθη ὁ βασιλεύς, διὰ δὲ τοὺς ὄρκους καὶ τοὺς συναναχειμένους ἐκέλευσεν δοθῆναι.

– ι печалнлз бѣзι црѣ клатвлз радн . ι възлежѣштнїкз сз ннмь повелѣ датн . Зогр, Мар.

Еще сложнее определить, номинирует ли старославянское несколькословное наименование с причастной формой один, а не два лингвистических концепта (т. е. является ли оно лексической единицей) в тех случаях, когда оно переводит греческое несколькословное наименование.

Ряд старославянских несколькословных наименований с субстантивно употребленными, но семантически недостаточными причастными формами, требующими информативно восполняющих зависимых слов, безусловно можно признать единицами старославянского лексического инвентаря. Прежде всего это наименования с причастиями творѣн (или реже сзтворз) и дѣланн, переводящие греческие несколькословные наименования с причастиями ποιῶν, ποιήσας, ἐργαζόμενος. Например:

²² Напомним, что *simplicia*, представляющие собой префигированные имена, близки к композитам и рассматривались в классическом языкознании в качестве композитов – см. выше, с. 79.

ποιῶν ἀγαθόν – творѣн добра:

Пс 52:2: οὐκ ἔστιν ποιῶν ἀγαθόν
– нѣстѣ творѣн добра . Син;

οἱ ποιοῦντες τὴν ἀνομίαν – творѣштен безаконенне:

Пс 36:1: μηδὲ ζήλου τοὺς ποιοῦντας τὴν ἀνομίαν
– нн завннн творѣшнѣмз безаконенне . Син;

οἱ ἐργαζόμενοι τὴν ἀνομίαν – творѣштен безаконенне:

Пс 5:6: ἐμίσησας πάντας τοὺς ἐργαζομένους τὴν ἀνομίαν
– взненавндѣ всѣм творѣшнѣм безаконенне . Син;

ὁ ποιήσας τὸ ἔλεος – сзтворз(н) мнлостзнѣнѣ:

Л 10:37: Ὁ δὲ εἶπεν, Ὁ ποιήσας τὸ ἔλεος μετ’ αὐτοῦ.
– онз же рече . сзтворы мнлостзнѣнѣ сз ннмѣ . Зопр, Мар, Ас, Сав;

ἐργαζόμενοι τὴν ἀνομίαν – дѣлаѣшцен неправдѣнѣ:

Пс 63:3: ἐσκέπασάς με ἀπὸ συστροφῆς πονηρευομένων ἀπὸ πλήθους ἐργαζομένων τὴν ἀνομίαν
– покрзнн мѣ отз сонзма ззлбнвзкз . ꙗ отз дѣлаѣшцнхз неправдѣнѣ . Син.

Как видим, эти несколькословные наименования номинируют единые, цельные лингвистические концепты лиц с положительной или отрицательной характеристикой, причем семантически нагруженными оказываются не причастия, а зависимые слова. Тип наименований с причастиями творѣн и дѣлаѣн хорошо «прижился» в старославянском языке, и уже в тексте Евангелия-тетр мы видим перевод таким наименованием однословного греческого: οἱ ἐπηρεάζοντο – творѣштен обндѣнѣ:

Л 6:28: προσεύχεσθε ὑπὲρ τῶν ἐπηρεάζοντων (part. praes. act.) ὑμᾶς.
– молнте сѣ за творѣштѣмз вамз обндѣнѣ . Мар, Зопр.

По-видимому, единицами старославянского лексического инвентаря нужно признавать несколькословные наименования и с другими семантически недостаточными причастными формами, требующими информативно восполняющих зависимых слов, если они номинируют единые, цельные лингвистические концепты. Среди них много наименований с причастными формами, имеющими семантику любви, ненависти, желания, а также мысли и речи. Например:

ὁ δὲ ἀγαπῶν ἀδικίαν – **ΛΥΒΙΑΗ ΝΕΠΡΑΒΖΔΨ**

Ps 10:5: ὁ δὲ ἀγαπῶν ἀδικίαν μισεῖ τὴν ἑαυτοῦ ψυχὴν
– **Α ΛΥΒΙΑΗ ΝΕΠΡΑΒΖΔΨ ΝΕΝΑΒΕΙΔΙΤΖ ΣΒΟΕΙΑ ΔΨΙΑ . Син;**

οἱ προσδεχόμενοι λύτρωσιν – **ΥΑΨΗΤΗΝ ΗΖΒΑΒΛΕΝΗΪ**

Л 2:38: καὶ ἐλάλει περὶ αὐτοῦ πᾶσιν τοῖς προσδεχομένοις λύτρωσιν ἐν
Ἱερουσαλήμ.

– **Ι ΓΛᾶШЕ О НЕМЬ . ВЪСЪМЪ ΥΑΨΗΤΕΙМЪ ΙΖΒΑΒΛΕНЬЕ ВΖ ΙΛ᾿МѢ . Зогр,
Мар, Ас 142b, Сав;**

οἱ λαλοῦντες τὸ ψεῦδος – **ΓΛΑΓΟΛΨΗΨΗΝ ΛΖЖΨ**

Ps 5:7: ἀπολείς πάντας τοὺς λαλοῦντας τὸ ψεῦδος
– **ΠΟΓΟΥΒΗШИ ВЪСΙΑ ΓΛ᾿ΨΗΨΙΑΚΑ[ΨΗΚΑΨΙΑ] ΛΖЖΨ . Син;**

οἱ ἀγαπῶντες τὸ ὄνομά σου – **ΛΥΒΙΑΨΗΝ ΗΜΙΑ ΤΒΟΕ**

Ps 5:12: καὶ καυχῆσονται ἐν σοὶ πάντες οἱ ἀγαπῶντες τὸ ὄνομά σου
– **Η ΠΟΧΒΑΛΙΑΤΖ СΙΑ ΤΟΒΟΨ ΛΥΒΙΑΨΗ-ΜΙΑ ΤΒΟЕ . Син;**

οἱ θέλοντες τὴν δικαιοσύνην μου – **ΚΟΤΙΑΨΗΝ ΠΡΑΒΖΔΪ ΜΟΕΝ**

Ps 34:27: ἀγαλλιάσαιντο καὶ εὐφρανθεῖησαν οἱ θέλοντες τὴν δικαιοσύ-
νην μου

– **ΔΑ ΒΖΔΡΑΔΟΥΨΤΖ СΙΑ Η ΒΖΖΒЕСЕΛΙΑΤΖ СΙΑ ΚΟΤΙΑΨΗΝ ΠΡΑΒΖΔΪ ΜΟΕῖ .
Син;**

οἱ γινώσκοντες τὸ ὄνομά σου – **ΖΝΑΨΗΨΗΝ ΗΜΙΑ ΤΒΟΕ**

Ps 9:11: καὶ ἐλπιδάτωσαν ἐπὶ σέ οἱ γινώσκοντες τὸ ὄνομά σου
– **ΔΑ ΟΥΠΖΒΑΨΤΖ ΝΑ ΤΙΑ ΖΝΑΨΗΨΗ-Ι-ΜΙΑ ΤΒΟЕ . Син.**

Цельные лингвистические концепты номинируют также наименования, переводящие греческие несколькословные наименования обитателей (какой-либо местности или всей вселенной) с причастиями οἰκῶν, κατοικῶν, παροικῶν. Примеры таких наименований находим уже в тексте Псалтыри:

οἱ παροικοῦντες κυκλόθεν – **ЖНВΨΗΝ ΟΚΡΖСТΖ**

Ps 30: 14: ὅτι ἤκουσα φῶγον πολλῶν παροικούντων κυκλόθεν

– **ѢКО СЛЗИШАКЪ РΨЖЕНЪЕ ΜΝΟΓΟ ЖИВΨΗΤΙΚЪ ΟΚΡΖСТΖ... Син**
(ср. перевод οἱ περίοικοι – **ΟΚΡΖСТЪ ЖНВΨΗΝ** в Л 1:58);

οἱ κατοικοῦντες τὴν οἰκουμένην – жнвѣщен по оуселенѣн /по вѣселенѣн

Пс 32:8: ἀπ’ αὐτοῦ δὲ σαλευθήτωσαν πάντες οἱ κατοικοῦντες τὴν οἰκουμένην

– ωтѣ него же подвижатѣ сѧ живѣште по оуселенѣ . Син

Пс 48:2: ἐνώπιον σου πάντες οἱ κατοικοῦντες τὴν οἰκουμένην

– взуште вѣси живѣше по вѣселенѣ . Син.

В переводах Ветхого Завета и Толкований, несколько более поздних по отношению к переводу Евангелия и Псалтыри, такие наименования становятся довольно употребительными и конкурирующими с наименованиями-существительными:

οἱ κατοικοῦντες τὴν γῆν – жнвѣщен на землн

Иоил 2:1: καὶ συγχυθήτωσαν πάντες οἱ κατοικοῦντες τὴν γῆν

– н да сѣверѣт сѧ вѣсн живѣщен на землн . по F.I.461 л.186б 13–14;

οἱ κατοικοῦντες ἐπὶ τοῦ ποταμοῦ τοῦ Χοβάρ – жнвѣщен на рѣцѣ коварѣ

Иез 3:15: καὶ περιῆλθον τοὺς κατοικοῦντας ἐπὶ τοῦ ποταμοῦ τοῦ Χοβαρ...

ι ωβηδοκѣ живѣшѣн на рѣцѣ коварѣ . по F.I.461 л. 232а 10;

οἱ τὴν Ἰουδαίαν οἰκοῦντες – жнвѣщен на жндовсѣ землн

ТК Иез 12:22: οἱ τὴν Ἰουδαίαν οἰκοῦντες λέγειν εἰώθασιν... ὅτι τὰ μετὰ πολὺν ἐτῶν ἀριθμὸν ἐσόμενα προαγορεύετε, ψεῦδος ἀναμιγνύντες τοῖς λόγοις, καὶ οὐδὲν ἀληθὲς προθεσπίζοντες;

– живѣшѣн на жндовсѣ землн. ꙗкоже, ѣмоуже ѣсть быти по чнслѣ многъ лѣтъ. то же прорнчете сѣмѣшаѣше сѣ азжамн. ꙗ ннѣсоже вѣ истннѣ проповѣдаѣше. по F.I.461 л. 248б 18;

οἱ κατοικοῦντες Ἱερουσαλὴμ – жнвѣщен вѣ иероусалнмѣ

Иез 11:15: οἷς εἶπαν αὐτοῖς οἱ κατοικοῦντες Ἱερουσαλὴμ

– ꙗже рѣшѣ сѣбѣ самн живѣшн вѣ ѣрлнмѣ. по F.I.461 л. 246а13–14.

Формула «жнвѣщен + локация» становится для переводчиков настолько привычной, что применяется и для перевода греческих конструкций с субстантивирующим артиклем без причастий. Ср.:

οἱ ἐν Ἱερουσαλύμοις – жнвѣщен вѣ иероусалнмѣ

ТК Иез 12:20: Ταῦτα δὲ τοῖς ἐν Ἱεροσολύμοις προηγόρευσεν ὁ προφήτης ἐν τῇ αἰχμαλωσίᾳ τυγχάνων.
се же жнвѣщннѣмъ въ ѱерлннѣмъ проповѣда прѣкзъ. въ плѣтнннцѣхъ сынъ по F.I.461 л. 24869–10.

В данном примере наименованием жнвѣщннѣмъ въ ѱерлнннѣмъ номинируются не жители Иерусалима на момент нарратива, а именно иерусалимляне, так как пророк проповедовал среди иерусалимлян, оказавшихся в плену, т. е. в греческом тексте букв. ‘тем, которые были среди иерусалимлян’²³.

Некоторые несколькословные наименования с субстантивно употребленными причастными формами переводят греческие несколькословные наименования, идиоматичные уже в греческом языке. Буквалистски калькированные наименования с причастными формами – как и в других случаях калькирования греческих идиоматичных несколькословных наименований – переносят эту идиоматичность и в старославянский перевод. Разумеется, такие наименования являются лексическими единицами. Ср., например:

γεννητοὶ γυναικῶν ‘смертные’ (а не небожители в Царствии Божиим)
– рожденнн женамн ‘смертные’

Л 7:28: μείζων ἐν γεννητοῖς γυναικῶν προφήτης Ἰωάννου τοῦ βαπτιστοῦ οὐδεὶς ἐστίν.
– волнн рожденннцкз женамн прѣкзъ . ѱоана крзстнтелѣ ннктоже нѣстзъ .
Мар, Зогр;

οἱ καταβαίνοντες εἰς λάκκον ‘умирающие, букв. нисходящие в ров’ –
ннззходѣштнн въ ровзъ ‘умирающие’

Пс 27:1: καὶ ὁμοιωθήσομαι τοῖς καταβαίνουσιν εἰς λάκκον
– н оуподоблѣ сѣа сз ннззходѣштннн въ ровзъ . Син;

Пс 29:4: κύριε ἀνήγαγες ἐξ ἄδου τὴν ψυχὴν μου ἔσωσάς με ἀπὸ τῶν
καταβαίνόντων εἰς λάκκον
– отз ннззходѣштнннцкз въ ровзъ . Син;

²³ Ср. указанное Фрайбергом второе значение для Ἱεροσόλυμα: «(b) in reference to its inhabitants» (Friberg 2000).

οί μεριζόμενοι τὸν λογισμόν ‘колеблющиеся’ (от μερίζεσθαι τὸν λογισμόν ‘сомневаться, колебаться’) – РАЗДѢЛѢНШЕН ОУМЪ ‘колеблющиеся’

Εἶτα τοῖς μὲν ἐπιδημοῦσι τῶν ἀδελφῶν πολλὴν ἀμφιβολίαν συμβαίνει γίνεσθαι καὶ δυσκολίαν ἀντὶ ἀναπαύσεως, μεριζόμενοις τὸν λογισμόν πρὸς τίνας χρῆ καταχθῆναι.

– таче прнкодаштен братнн много невѣрство сзбываетъ сѧ бывати н тѧгость вѧ покою мѣсто , РАЗДѢЛѢНШЕМЪ ОУМЪ свон кѧ конмѧ естѧ лѣпо прнвѧнжатн сѧ . Зоґр-лл Пб 3.

* * *

Отдельного упоминания заслуживают несколькословные номинации (хотя и немногочисленные в старославянских текстах), которые переводят греческие конструкции, отвечающие Правилу Шарпа. В таких греческих конструкциях лицо характеризуется как бы с разных сторон по разным основаниям словами, соединенными союзом *καί*. Таким образом, один денотат характеризуется двумя лингвистическими концептами, однако артикль ставится только перед первым словом. Например:

Евр 3:1: κατανοήσατε τὸν ἀπόστολον καὶ ἀρχιερέα τῆς ὁμολογίας ἡμῶν Ἰησοῦν χριστόν...

В таких конструкциях лингвистические концепты могут номинироваться не только существительными (т. е. собственно существительными или словами, употребляемыми обычно в качестве существительных), но и субстантивно употребленными прилагательными и причастиями. Ср. номинацию субстантивно употребленными прилагательными:

Мт 12:22: Τότε προσηνέχθη αὐτῷ δαιμονιζόμενος, τυφλὸς καὶ κωφός· καὶ ἔθεράπευσεν αὐτόν, ὥστε τὸν τυφλὸν καὶ κωφὸν καὶ λαλεῖν καὶ βλέπειν.

В первой половине стиха *τυφλός* и *κωφός* функционируют как адъективы, определяя субстантивно употребленное причастие *δαιμονιζόμενος*. Во второй части стиха *τυφλός* и *κωφός* сами становятся субстантивно употребленными прилагательными, характеризующими лицо с разных сторон в конструкции, отвечающей Правилу Шарпа. Так же, видимо, следует рассматривать и переводящие их прилагательные в старославянском тексте, хотя отсутствие артикля в

славянском строе сказывается здесь негативно, и четкая греческая конструкция в славянском переводе «размывается», что, видимо, затрудняло понимание текста писцами при переписывании. Ср.:

– ТЪГДА ПРНВѢСА КЪ НЕМОУ БѢСЗНОУЇШТЬ СѦ СЛѢПЪ Н НѢМЪ . Н НСЦѢАН
Н . ЪКО СЛѢПЪ І НѢМЪ ГЛѢШЕ Н ГЛАДАШЕ . Мар

– ТОГДА ПРНВѢСА ЕМОУ БѢСЗНОУЇШТЬ СѦ СЛѢПЪ І НѢМЪ . І НСЦѢАН І . ЪКО
СЛѢПЪ І ГЛОУХЪ І ГЛѢШЕ І ГЛАДАШЕ . Зогр.

Как видим, во второй части стиха прилагательные *слѣпъ* и *нѣмъ* (Мар), *слѣпъ* и *глоухъ* (Зогр) субстантивно употреблены в краткой форме (хотя следовало бы ожидать употребления полной формы, поскольку речь идет об определенном, указанном выше лице – см. (Толстой 1957: 105–122)).

В старославянских текстах встречаются такого же типа конструкции и с субстантивно употребленными причастиями. Ср.:

И 8:50: Ἐγὼ δὲ οὐ ζητῶ τὴν δόξαν μου· ἔστιν ὁ ζητῶν καὶ κρίνων.

– азъ же не штъ ꙗ славы моеѧ . естъ штанъ і сѣдѧ . Зогр

– ншта н сѣдѧ Мар – нштан н сѣданъ Ас 21b – нштан н сѣдѧ Остр 33а.

На подобные конструкции с субстантивированными причастиями обратил внимание Р. Ружичка (Růžička 1963: 275–277), хотя он, видимо, не связывал их появление с греческими конструкциями, отвечающими Правилу Шарпа, поскольку среди его примеров находим и пример конструкции с употреблением субстантивированных причастий во мн. ч. (№ 1050 – Л 11:28), что Правило Шарпа запрещает²⁴. Ружичку интересовали условия употребления полной и краткой формы, и он констатировал в таких конструкциях (вслед за Ф. Миклошичем) употребление полной формы в первом причастии и краткой

²⁴ Правило Шарпа цитируем по труду Д. Уолласа: «*When the copulative and connects two nouns of the same case, [viz. nouns (either substantive or adjective, or participles) of personal description, respecting office, dignity, affinity, or connexion, and attributes, properties, or qualities, good or ill], if the article ὁ, or any of its cases, precedes the first of the said nouns or participles, and is not repeated before the second noun or participle, the latter always relates to the same person that is expressed or described by the first noun or participle: i.e. it denotes a farther description of the first-named person*» (Wallace 1996: 271).

формы во втором. Несомненно, такое распределение полной и краткой формы отражает влияние греческой конструкции с употреблением артикля только при первом слове. (Как показывает приведенный пример, который Ружичка процитировал, видимо, по Зогра, писцы такие конструкции понимали не очень хорошо и вряд ли сопоставляли при переписывании с греческим текстом, но данная тенденция при переводе, несомненно, существовала.) В приведенном выше примере из Евангелия от Иоанна лицо (Бог-Отец) характеризуется субстантивно употребленными причастиями по его постоянным действиям, и, следовательно, эти субстантивно употребленные причастия нужно считать номинирующими предметные лингвистические концепты и самостоятельными лексическими единицами. Однако встречаются отвечающие Правилу Шарпа конструкции и с субстантивно употребленными причастиями, номинирующими лиц по непостоянным действиям и временным состояниям. Например:

Л 16:18: Πᾶς ὁ ἀπολύων τὴν γυναῖκα αὐτοῦ καὶ γαμῶν ἑτέραν μοιχεύει.
– в'сѣкъ поуштаѡи женѡ своиѡ . ѡ прѣвода инѡ . прѣлюбви дѣтетъ Зогра, Мар

(ср. употребление глаголов в личной форме в схожем контексте в синоптическом Мк 10:11:

Ὅς ἐὰν ἀπολύσῃ τὴν γυναῖκα αὐτοῦ καὶ γαμήσῃ ἄλλην, μοιχᾶται ἐπ' αὐτήν.

– ѡже бо аште поустнтѡ женѡ своиѡ . ѡ ожентѡ сѡ иноѡ . прѣлюбви творнтѡ на нѡ . Зогра, Мар [в Мар нже аште...]);

Μτ 27:40: Ὁ καταλύων τὸν ναὸν καὶ ἐν τρισὶν ἡμέραις οἰκοδομῶν, σώσον σεαυτὸν· εἰ υἱὸς εἶ τοῦ θεοῦ, κατάρβηθι ἀπὸ τοῦ σταυροῦ.

– ѡзѡрѣѡи црѡковь . ѡ трѣмн дньмн сѡзндѡи ѡ . ѡпн себе . аште ѡнѡ бжнн есн . сѡлѣзн сѡ крста . Зогра
– ѡзѡрѣѡи црѡкѡв . ѡ трѣмн дньмн сѡзндѡи сѡпн себе ... Мар

(ср. субстантивное употребление причастных форм οἱ οἰκοδομοῦντες и зндѡштѡн, номинирующих лиц по роду их занятий в Пс 117:22:

λίθον ὃν ἀπεδοκίμασαν οἱ οἰκοδομοῦντες οὗτος ἐγενήθη εἰς κεφαλὴν γωνίας

– камень ѡже не врѣдоу сѡтворнѡи зндѡштѣї . сѡ бѡстѡ вѡ главѡ пѡгѡлу . Син).

Как мы отмечали в предыдущей главе, такие субстантивно употребленные причастия близки к глагольным, и хотя занимают в предложениях синтаксические позиции, обычно занимаемые существительными, однако номинируют не предмет (лицо) по его характерным признакам и свойствам (в том числе и постоянно совершаемым действиям), а действия этого предмета (лица). Единицами же старославянского лексического инвентаря в таких случаях следует считать, как нам представляется, не субстантивно употребленные причастия, а исходные глаголы, так как именно они номинируют лингвистические концепты действий.

Глава VI

Передача греческого суперлатива

В предыдущих главах мы неоднократно обращались к рассмотрению переводческих установок св. Кирилла, благодаря которым удавалось преодолеть такое различие в грамматическом строе славянского и греческого языка эпохи первых переводов, как наличие артикля в греческом при отсутствии такового в славянском. Перед св. Кириллом и его последователями предстала также задача преодоления и другого различия в грамматическом строе славянского и греческого языка – наличия в греческом языке суперлатива в отсутствие славянских специальных (синтетических) адъективных и адвербиальных суперлативных форм.

В палеославистической литературе содержится не очень много сведений по вопросу передачи греческого суперлатива славянскими языковыми средствами. А. Вайан писал следующее: «“Абсолютная” превосходная степень <...> выражается или наречием со значением “очень, весьма” <...> или посредством увеличительной приставки прѣ- <...>. Греческая превосходная степень, относительная и абсолютная, переводится обычно простым прилагательным (т. е. прилагательным в положительной степени. – В. Е.) <...>. Приставка нан- может усиливать сравнительную степень, придавая ей значение превосходной <...> соединяется нан- только с наречиями. Форма нантѣъшн <...> представляет исключение» (Вайан 1952: 164). Такие же указания или даже еще более скупые можно найти в грамматиках (Грамматика 1991: 202; Харалампиев 2001: 106–107). В статье 2000 г. мы показали, что греческий суперлатив, в том числе и суперлатив с элативным значением, мог передаваться в старославянском языке также и формами компаратива (Ефимова 2000а: 42–46). Очередной вклад в исследование суперлатива внесла недавно опубликованная статья Т. Славова. Она обратила внимание на употребление в Шестодневе Иоанна Экзарха прилагательных с префиксом нан-, на основании чего пришла к выводу, что в регионе Северо-Восточной Болгарии

процесс оформления префикса нан- в качестве средства для выражения превосходной степени прилагательных начался уже в X в. Судя по приведенным автором примерам из Шестоднева, в большинстве случаев, имеющих греческий оригинал (в четырех из пяти), – это переводы суперлативной формы *πλεῖστος* (Славова 2016).

В старославянских текстах мы наблюдаем многообразные способы передачи греческого суперлатива. Это многообразие обусловлено целым рядом взаимоперекрещивающихся факторов. Прежде всего, при наличии в греческом языке специальных синтетических адъективных и адвербиальных суперлативных форм, в эпоху создания текстов Св. Писания и раннехристианской литературы в нем уже начался процесс смешения компаративных и суперлативных форм, особенно в обыденной речи. Таким образом, в греческих оригиналах старославянских текстов суперлативное значение (как собственно суперлативное, так и элативное) могли иметь не только суперлативные формы прилагательных и наречий, но и компаративные (Blass, Debrunner 1961: 127–128). Кроме того, суперлативное значение могли иметь и позитивные формы прилагательных и наречий, иногда «подкрепленные» наречиями типа *λίαν*. В последнем случае следует отметить достаточную регулярность, с которой суперлативное значение сообщали греческим адъективам определенные префиксы или первые компоненты сложений.

В статье 2017 г. мы попытались пролить некоторый свет на проблему старославянского перевода греческого суперлатива и, в целях упорядочивания нагромождения разнообразных способов передачи суперлативных значений прилагательными и наречиями в языке-источнике и передачи их в языке-реципиенте, вопрос перевода греческого суперлатива в старославянском языке разделили на два взаимосвязанных: а) перевод греческих суперлативных форм и б) перевод греческих прилагательных и наречий в формах позитива (т. е. в формах положительной степени) и компаратива, имеющих суперлативные значения (Ефимова 2017а).

Итак, рассмотрим сначала вопрос передачи в старославянских текстах греческих суперлативных форм.

Греческие оригиналы старославянских текстов весьма различны по наличию в них адъективных и адвербиальных суперлативных

форм – как с точки зрения их частотности, так и «репертуара». На раннем этапе становления старославянского языка задача перевода греческих суперлативных форм была не слишком актуальной, так как для языка Евангелия и Псалтыри – несмотря на поэтический жанр последней – употребление данных форм не характерно, и их репертуар ограничен, т. е. встречается всего несколько слов в формах суперлатива и слов, представляющих собой суперлативные формы. Так, в греческом евангельском тексте неоднократно встречается, причем и в адъективном, и в субстантивном употреблении, форма *ἐλάχιστος* – супплетивная суперлативная форма для прилагательных *μικρός* ‘маленький; незначительный’ и *ὀλίγος* ‘небольшой; малочисленный’. В славянском переводе используется прил. малъин как в позитивной форме, так и в форме компаратива мыннн. Ср. перевод *ἐλάχιστος* в адъективном употреблении формой позитива и в субстантивном употреблении формой компаратива:

Мф 5:19: Ὁς ἐὰν οὖν λύσῃ μίαν τῶν ἐντολῶν τούτων τῶν ἐλαχίστων, καὶ διδάξῃ οὕτως τοὺς ἀνθρώπους, ἐλάχιστος κληθήσεται ἐν τῇ βασιλείᾳ τῶν οὐρανῶν...

– ꙗже бо разоорнтъ едннѣ заповѣдь . ꙗ снхъ малъинъ . ꙗ наоучнтъ тако ѣкъ . мыннн наречетъ сѧ въ црси нбсцѣмъ . Зогр.

(ср. в Синодальном переводе: «Кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном...»).

Довольно часто встречается также в греческом евангельском тексте прил. *ἔσχατος* ‘крайний; предельный и т. п.’, традиционно считающееся «изолированной» суперлативной формой, хотя по существу являющееся самостоятельным словом, адъективным образованием от наречия-предлога *ἐξ* (Frisk I: 578). Как и прил. *ἐλάχιστος*, прил. *ἔσχατος* встречается и в адъективном, и в субстантивном употреблении, и так же возможен славянский перевод и позитивной формой прилагательного, и формой компаратива. Ср., например, перевод субстантивного употребления τὰ *ἔσχατα* позитивной формой прилагательного:

Мф 12:45: καὶ γίνεται τὰ ἔσχατα τοῦ ἀνθρώπου ἐκείνου χεῖρονα τῶν πρώτων.

– ꙗ бѣдѣтъ послѣднѣѣ ѣка того . горьша прѣвзихъ . Зогр

(ср. в Синодальном переводе: «и бывает для человека того последнее хуже первого»).

Или ср., например, перевод *ἔσχατος*, употребленного в функции собственно суперлатива, формой компаратива *μύνην* (стандарт сравнения, характеризующийся местоимением *πᾶς*, в переводе характеризуется местоимением *весь*):

Мк 9:35: Εἴ τις θέλει πρῶτος εἶναι, ἔσται πάντων ἔσχατος, καὶ πάντων διάκονος.

– аште кзто коштетз старѣ взыти . да вѣдетз всѣхъ мьнни . ѿ всѣхъ слоуга . Зогр.

Несколько раз встречается в евангельском тексте форма *πλεῖστος* – суперлативная форма прил. *πολύς* ‘многочисленный’. В старославянском переводе используется форма компаратива *мзножан* к прил. *мзногъ*, при этом сохраняется экспликация дискретности характеризуемого множества, присущая греческому оригиналу. Ср.:

Мф 11:20: Τότε ἡρξάτο ὀνειδίζειν τὰς πόλεις ἐν αἷς ἐγένοντο αἱ πλεῖσταὶ δυνάμεις αὐτοῦ

– тзгда начатз поносити градомз . въ ннхзже взыша множаша силы ... Зогр

(ср. в Синодальном переводе: «Тогда начал Он укорять города, в которых наиболее явлено было сил Его»);

Мф 21:8: Ὁ δὲ πλεῖστος ὄχλος ἔστρωσαν ἑαυτῶν τὰ ἱμάτια ἐν τῇ ὁδῷ.

– мзножѣнше же народн . постзлаша рнззы своѣ на пѣти . Мар (в Зогр утрачено)

(ср. в Синодальном переводе: «Множество же народа постилали свои одежды по дороге»).

Как форма уважительного обращения к заявленному евангелистом Лукой адресату его Евангелия Феофилу употребляется форма *κράτιστος* (в вокативе *κράτιστε*). Эта форма представляет собой супплетивную суперлативную форму к прил. *ἀγαθός* ‘хороший; добрый’, имеющему в своем значении также сему ‘доблести, могущества’ (ср. *τὸ κράτος* ‘сила; власть’). В евангельских кодексах наблюдаем перевод прилагательным в форме позитива с вариативностью по спискам *славьнзи* : *дръжавьнзи*, а именно рукописи

«старославянского канона» показывают перевод славѣнѣин, а в Остромировом евангелии находим в этом стихе перевод дѣржавѣнѣин:

Лк 1:3: ἔδοξεν κάμοι, παρηκολουθηκότι ἄνωθεν πᾶσιν ἀκριβῶς, καθεξῆς σοι γράψαι, κράτιστε Θεόφιλε

– ѡзволн сѧ ѡ мѣнѣ кождѣшю . ѡ прѣва по всѣхѣх . вѣ ѡстннѣ по радюу . псатн тебѣ . славѣнѣи т'еофнле . Зо҃гр, Ма҃р, Ас;

– нзволн сѧ н мѣнѣ кождѣшоу нспрѣва по всѣхѣх вѣнстннѣ по радюу пнсатн тебѣ дѣржавѣнѣи ѣеофнле . Остр.

В греческом тексте Псалтыри, как уже было сказано выше, суперлативные формы редки, но очень высока фреквентность формы ὑψιστος – суперлативной формы прил. ὑψηλός. Форма ὑψιστος используется как постоянный эпитет, определяющий Господа Бога, причем и в адъективном употреблении, и субстантивно (Пс 7:16; Пс 9:3; Пс 12:6; Пс 17:4; Пс 20:8; Пс 45:5 и мн. др.). В славянском переводе – прил. вѣшьнѣнн, адъективное образование от наречия в форме компаратива вѣше. Ср., например, в адъективном употреблении:

Пс 46:3: ὅτι κύριος ὑψιστος φοβερός

– ꙗко ꙗз вѣшьнѣи страшенѣ . Син

(ср. в Синодальном переводе: «ибо Господь Всевышний страшен»);

в субстантивном употреблении:

Пс 49:14: καὶ ἀπόδος τῷ ὑψίστῳ τὰς εὐχὰς σου

– ꙗ вѣздаждѣ вѣшьнѣнѣмоу обѣтѣи твоѣи . Син.

Дважды встречается в тексте Псалтыри форма κατώτατος ‘самый нижний’ (Пс 85:13 и Пс 87:7) – адъективная форма суперлатива к наречию κάτω. В обоих случаях в славянском переводе употребляется прил. прѣнсподѣнн с префиксом прѣ-. Ср., например:

Пс 87:7: ἔθεντό με ἐν λάκκῳ κατωτάτῳ

– положиша мѧ вѣ ровѣ прѣнсподѣннѣ . Син.

Как будет показано ниже, с помощью префикса прѣ- и в других случаях передавалось суперлативное значение¹. Форма ἔγγιστα –

¹ Этимологический словарь старославянского языка даже называет форму *prĕispodbn'ь* формой суперлатива («superl.») к прил. *ispodbn'ь* (ESJS 11:

суперлативная форма наречия *ἐγγύς*, субстантивированная посредством добавления артикля, – используется в тексте Псалтыри для собирательной номинации ближних. В славянском переводе – прил. *блнжннн*, адъективное образование от наречия в форме компаратива *блнже*. Ср., например:

Пс 37:12: *καὶ οἱ ἐγγυστά μου ἀπὸ μακρόθεν ἔστησαν*
– ї блнжннн мѡи далече сташнѧ . Син.

Встречается в греческом тексте Псалтыри и форма *κράτιστος* (как уже отмечалось выше, супплетивная суперлативная форма к прил. *ἀγαθός*). В Пс 15:6 она употребляется и субстантивно (в первом случае), и адъективно (во втором случае). Старославянский перевод в обоих случаях – прилагательное в форме позитива *дръжавьнз(ин)*:

Пс 15:6: *σχοινία ἐπέπεσάν μοι ἐν τοῖς κράτιστοις καὶ γὰρ ἡ κληρονομία μου κρᾶτιστῇ μοί ἐστιν*

– ꙗжа допадѧ ми въ дръжавьнзннз . ꙗко достоѣнье ми дръжавьнз естѧ мннѧ . Син

(ср. в Синодальном переводе: «Межи мои прошли по прекрасным местам, и наследие мое приятно для меня»).

В греческом тексте Апостола первые славянские переводчики столкнулись уже с более широким репертуаром суперлативных форм².

671), хотя, конечно, с формальной точки зрения форма *prēispodbn'* является формой позитива. По нашему мнению, такие образования целесообразно называть «лексическими суперлативами» (см. ниже).

² Традиционно считается, что вместе с Евангелием был переведен и Апостол (К-МЕ I: 95–96), однако, возможно, Апостол был переведен все же несколько позже, уже в Моравии (Вечерка 1985: 180; Ефимова 2002а: 271–282). Как известно, старославянский текст Апостола сохранился, главным образом, в более поздних списках, поэтому с лексикой Апостола приходится работать на тех принципах, которые были изложены нами в Главе I, т. е. во многих случаях лексика Апостола рассматривается нами как потенциально старославянская и, следовательно, мы стараемся примеры перевода приводить по нескольким старшим спискам разных изводов, которые в некоторых случаях демонстрируют стабильность, а в некоторых – вариативность. Фонетические и орфографические разночтения не учитываем.

В старославянском переводе наблюдаем прилагательные в позитивной и компаративной формах, а также наречия, являющиеся результатом адвербиализации как компаративных форм прилагательных, так и предложно-падежных форм. Позитивные формы прилагательных используются для перевода суперлативных форм с элативным значением. Ср., например, перевод *μέγιστος* (суперлатива к прил. *μέγας*) как **вєлнкѣин**:

2Пет 1:4: δι' ὧν τὰ τίμια ἡμῖν καὶ μέγιστα ἐπαγγελματα δεδώρηται
– нмьже намъ чьстьнаѣ н вєлнкаѣ обѣтованна подана бѣша Христ,
Мат, Шиш (bis);

перевод *ἀγιώτατος* как **сватѣин**:

Иуд 1:20: Ὑμεῖς δέ, ἀγαπητοί, τῇ ἀγιωτάτῃ ὑμῶν πίστει ἐποικοδομοῦντες ἑαυτοῦς...
– вѣи же, вѣзлюблєннн, вѣ стѣоу вѣроу сѣздаете сѣ . Христ, Мат, Шиш
(ср. в Синодальном переводе: «А вы, возлюбленные, назидая себя на святейшей вере вашей...»).

Вместе с тем если не первые переводчики, то редакторы апостольского текста испытывали иногда, видимо, некоторые сомнения по поводу передачи этих форм, на что указывает вариативность по спискам и порча текста. Ср., например:

Деян 26:5: [...] ὅτι κατὰ τὴν ἀκριβεστάτην αἴρεσιν τῆς ἡμετέρας θρησκείας ἔζησα Φαρισαῖος.
– ꙗко нстѣн єресн нашеѣ вѣрн . жнхъ фарнсєнскы . Мат
– ꙗко по нстннѣ о єресн нашеѣ вѣрѣи жнхъ фарисєнскѣи . Христ
(ср. в Синодальном переводе: «[...] что я жил фарисеем по строжайшему в нашем вероисповедании учению»).

Форма *κράτιστος* используется в качестве уважительного обращения к прокураторам Феликсу и Фестусу. Интересно, что вариативность **славьѣин** : **дѣржавьѣин** в передаче этой формы, отмеченная нами в списках Евангелия, наблюдается и в списках Апостола. Ср.:

Деян 24:3: πάντῃ τε καὶ πανταχοῦ ἀποδεχόμεθα, κράτιστε Φῆλιξ, μετὰ πάσης εὐχαριστίας.
– всѣде же н всюдоу, приемлемъ, дѣржавьѣин фнѣнксє ... Христ
– вѣздѣ же н вѣсоудѣ приемлемъ славны фнѣнксє . Мат;

Деян 26:25: Ὁ δέ, Οὐ μαίνομαι, φησίν, κράτιστε Φῆστε
 – онъ же рече . не зълъ са дѣю, дѣржавънън фнсте Христ
 – онъ же рѣ не зль се дѣю славнн фнсте . Мат.

Форма ἐλάχιστος, как и в переводе Евангелия, передается в Апостоле позитивной и компаративной формами прилагательного малън. Ср. перевод ἐλάχιστος с собственно суперлативным значением формой компаратива:

1Кор 15:9: Ἐγὼ γάρ εἰμι ὁ ἐλάχιστος τῶν ἀποστόλων
 – азъ во ясмь мьннн аплз Христ, Мат, Шиш – мнен Охр, Струм
 (ср. в Синодальном переводе: «Ибо я наименьший из Апостолов»);

перевод ἐλάχιστος в субстантивном употреблении формой положительной степени:

1Кор 6:2: ἀνάξιοι ἐστε κριτηρίων ἐλαχίστων;
 – недостонни есте соуднщемъз малъимъз Христ, Мат – маломъ Шиш
 (ср. в Синодальном переводе: «то неужели вы недостойны судить маловажные дела?»).

Суперлативные формы наречий передаются как адвербиализованными компаративными формами прилагательных, так и адвербиализованными предложно-падежными формами. Ср.:

Деян 17:15: ἵνα ὡς τάχιστα ἔλθωσιν πρὸς αὐτόν...
 – да въ скорѣ прндета къ немуоу Христ, Мат
 (ср. в Синодальном переводе: «чтобы они скорее пришли к нему»);

2Кор 12:15: Ἐγὼ δὲ ἥδιστα δαπανήσω
 – азъ же въ сласть нжданвоу Шиш, Христ (в Мат, видимо, порча текста: въ сластн;
 (ср. в Синодальном переводе: «Я охотно буду издерживать *свое*...»);

2Кор 12:9: Ἦδιστα οὖν μάλλον καυχῆσομαι ἐν ταῖς ἀσθενείαις μου...
 – сластьнѣе оубо паѣ похваляю са въ немощн своен Христ, Охр, Мат, Шиш (в Струм, видимо, порча текста: славнѣн)
 (ср. в Синодальном переводе: «И потому я гораздо охотнее буду хвалиться своими немощами ...»).

С увеличением объемов переводов с греческого, вовлечением в их круг не только текстов Св. Писания, но и гомилетической, агиографической и другой необходимой для жизни христианина литературы, расширился и репертуар подлежащих переводу суперлативных форм. Наличие этих форм в текстах зависело, очевидно, не только от содержания текста и литературного жанра. Сравним, для примера, количество суперлативных форм в языке нескольких гомилий и житий, являющихся оригиналами сохранившихся в Супрасльской рукописи переводов.

В гомилии «Толкование на Евангелие от Матфея о десяти девицах» содержится лишь дважды употребленная форма *μάλιστα* (суперлативная форма наречия степени *μάλα* ‘очень, весьма’) и единожды употребленная форма *πράοτατος* (суперлативная форма прил. *πρᾶος* ‘нежный; кроткий’); в «Слове на Евангелие от Матфея о повелении» содержится лишь дважды употребленная форма *μάλιστα*; в «Слове в Великую Пятницу» суперлативные формы не встречаются вовсе. Форма *μάλιστα* стабильно переводится наречием в форме компаратива *паче*, например:

ἔθθα μάλιστα φιλανθρωπίας ἡμῖν χρεία
– нже *паче* *чловѣколюбье* *намѣ* *тѣбѣ* . Супр 372,28.

Форма *πράοτατος* со значением собственно суперлатива переводится формой компаратива *кротчѣан* (от прил. *кротчкѣ*):

ὁ γὰρ Μωϋσῆς, φησὶν, ἄνθρωπος πράοτατος παρὰ πάντας τοὺς ἀνθρώπους τοὺς ἐπὶ τῆς γῆς
– *чловѣкѣ* *во* *моуснн* *рече* . *кротчѣан* *паче* *всѣхѣ* *чловѣкѣ* . нже *на* *земн* . Супр 383,25.

Языку «Слова на погребение Христова» Епифания Кипрского суперлативные формы более свойственны. Многократно встречается характеризующая царство Аида (ад) форма *κατώτατος* ‘самый нижний’, что объясняется, конечно, содержанием Слова. Как и в тексте Псалтыри, каждый раз она переводится прилагательным *прънсподьѣнн*. Ср., например:

Ἐκεῖ Δανιὴλ ἐν Ἁιδῇ τῷ λάκκῳ κατώτατω...
– *тоу* *даннаѣ* *вѣ* *прънсподнннмѣ* *гробѣ* *адовѣ* . Супр 460,29–30.

Снабженная артиклем форма *κατώτατος* используется субстантивно для номинации самого ада:

ὡς ἡ τοῦ δεσπότηου παρουσία αὐτὰ τὰ κατώτατα τῶν κατωτάτων καταλαμβάνειν ἔμελλεν

– *яко господьнеи прншьствене . сама прѣнсподьнѣа прѣнсподьннмз донти хотѣаше . Супр 467,29 и 30.*

Субстантивно употребляется и снабженная артиклем суперлативная форма наречия *κατωτάτω*:

μετὰ τῶν κατωτάτω ὁ ὑπεράνω τῶν οὐρανῶν.

– *сз прѣнсподьннмнн (т. е. с обитателями ада) прѣвзышннн небесз . Супр 449,13–14.*

Как и в тексте Апостола, суперлативная форма наречия *τάχιστα* переводится адвербиализованной предложно-падежными формой *εξσκορῆ*:

Καὶ ἕτεροι ὑπόουρουν ὡς τάχιστα

– *а друузнн слоужаахъ εξσκορῆ . Супр 467,24.*

Адъективные суперлативные формы с элативным значением переводятся позитивными формами прилагательных. Отметим, что элативное значение при этом теряет свое формальное выражение. Так, форма *φρικωδέστατος*, суперлатив к прилагательному-комpositу *φρικώδης* ‘приводящий в трепет’, переводится как *страшныи*. При этом, конечно, происходит некоторое семантическое обеднение эпитета:

Πῶς δὲ ἄρα καὶ τὴν θεόσωμον ταύτην καὶ φρικωδεστάτην [Ἰησοῦ] ἐπιτελεῖς κηδεῖαν;

– *како бо н бготелѣснѣа снѣ н страшнѣа їсѣвж сзтварѣешз погребнѣа пѣснь . Герм 1826 7 (в Супрасльской рукописи порча текста: како же оубо н божно тѣлесн семоу . н страшноумоу творншн погребенне . Супр 456,14).*

Формы *ἀρχαγγελικώτατος* (суперлатив к прил. *ἀρχαγγελικός*) и *στρατηγικώτατος* (суперлатив к прил. *στρατηγικός*) переводятся прилагательными с суффиксом *-ск(з)* *архангельскз* и *воеводьскз*, т. е. прилагательными не качественными, а относительными, которые могут иметь только форму позитива:

καὶ ῥῆσίν τινα ἰσχυρὰν ἀρχαγγελικωτάτην καὶ στρατηγικωτάτην

– *н глаголз етерз крѣпокз . архангельскз . н воеводьскз... Супр 464,13–14 и 14.*

В некоторых греческих агиографических текстах суперлативные формы весьма употребительны. Так, в греческом оригинале Жития Иоанна Молчаливого, старославянский перевод которого сохранился в Супрасльской рукописи, мы насчитываем 24 употребления суперлативных форм. Почти все они имеют элативное значение и передаются в старославянском переводе позитивными формами прилагательных: μέγιστος – велнкѣин (Супр 280,24; пять раз в словосочетании Μεγίστη λαύρα – Супр 283,3; Супр 283,6; Супр 292,6; Супр 293,15; в Супр 287,6 без перевода), ἐνδοξότατος – славынѣин (Супр 281,7), εὐσεβέστατος – доврочѣстнѣин (Супр 281,13–14), δεινότατος – лютѣ (Супр 282,2), μονώτατος – ѣдннѣ ‘одинокий’ (Супр 282,13), τιμιώτατος – чѣстнѣин (Супр 285,5; Супр 288,26; Супр 291,9; Супр 295,10–11), μακαριώτατος – блаженѣин (Супр 286,10), ὑψιστος – взишьѣинн (Супр 292,16), φοβερώτατος – страшнѣ (Супр 292,23), πλείστος – мзногѣ (Супр 297,23), ξηρότατος – соухѣин (Супр 300,17). Как уже отмечалось выше, элативное значение при этом теряет свое формальное выражение. Иногда позитивная форма прилагательного «подкреплена» наречием σφό, обозначающим высокую степень проявления признака. Ср. при передаче формы ὑψηλότατος:

κρημὸν ἔχει κατὰ δυσμὰς ὑψηλότατον ...

– брѣгѣ нматѣ на западѣ . н взисокѣ зѣло . Супр 300,1.

В других случаях такое «подкрепление» провоцируется самим греческим текстом. Так, в *παμμεγεθέστατος* элативное значение греческой суперлативной формы усилено еще и первым компонентом композита *παν-*:

φύλακα αἰσθητὸν ἀπέστειλεν λέοντα *παμμεγεθέστατόν τε*...

– стража вѣдома поуствн лѣва велнка зѣло . Супр 292,22.

Форма *ξηρότατος* в одном случае из двух употреблений «подкреплена» наречием степени *λίαν* уже в греческом тексте Жития:

ἢ δὲ τοῦ κρημνοῦ πέτρα τοσοῦτον *ξηροτάτη λίαν* ὑπάρχει...

– брѣжнѣин же камѣ . толма соухѣ зѣло кѣтѣ... Супр 300,4.

Формы компаратива используются для передачи греческих суперлативных форм в тексте Жития всего дважды. Для передачи формы *πρобиμότατος* с элативным значением – компаратив *пооустѣнѣн* к прил. *пооустѣнѣ* ‘бодрый’:

καὶ ἐστὶν λίαν πρεσβύτης καὶ φαιδρὸς τῷ προσώπῳ καὶ τῇ ψυχῇ πρῶτου-
μῶτατος...

– н кѣтъ зѣло старѣ . н свѣтълѣз лицемъ н доушеѣ поуостыѣнѣ . Супр 302,21.

Адвербиальная суперлативная форма μάλιστα передается, как обычно и в других переводах, формой компаратива паче:

κεχρημένος μάλιστα τῇ ἀλουσίᾳ...

– дрѣжа сѧ паче по немъвеннею . Супр 280,20.

В сопоставимом по объему текста греческом оригинале Жития Конона Исаврийского (объем текста Жития Конона даже немного больше: в Супрасльской рукописи его перевод занимает 29 листов, тогда как Жития Иоанна Молчаливого – 25 листов) суперлативные формы встречаются значительно реже: мы насчитываем всего семь употреблений. Так же, как и в Житии Иоанна Молчаливого, почти все они имеют элативное значение и передаются в старославянском переводе позитивными формами прилагательных: φρικωδέστατος – страшнѣз (Супр 26,15), πονηρότατος – лѣкавѣз (Супр 40,11), ἀγιώτατος – свѣтъин (Супр 42,26), μέγιστος – велнкѣин (Супр 48,16–17), δεινότατος – лютъз (Супр 52,21). Форма ὑψιστος употреблена субстантивно и передается формой позитива взышьннн: ἐν τοῖς ὑψίστοις – въ зышьнннѣз ‘на Небесах’ (Супр 28,5). Суперлативная форма наречия степени μάλιστα остается без перевода: выражение μάλιστα δύσβατος ‘чрезвычайно труднопроходимый’ переводится свободно двумя прилагательными бѣднѣз и горнѣз:

τὴν γὰρ τοσαύτην ὁδὸν μάλιστα δύσβατον οὖσαν πῶς ἔχει εὐτονηῆσαι;

– како бо нмѣтъ сѣтрѣпѣтн толнкѣз пѣтъ . бѣд’ноу сѣштоу н горѣноу . Супр 31,10.

Как видим, и в гомилетической, и в агиографической литературе использование суперлативных форм зависело не только от содержания текста и литературного жанра, но и от индивидуальных особенностей языка византийских писателей. Старославянский же перевод суперлативных форм, при возможной вариативности, демонстрирует все же известную стабильность, т. е. определенные формы определенных слов как бы «прикреплены» к определенным греческим суперлативным формам: ὑψιστος – взышьннн, φρικωδέστατος – страшнѣз(ѣин), μάλιστα – паче и т. п.

Как уже говорилось в начале главы, в греческих текстах Св. Писания и других текстах эпохи раннехристианской литературы суперлативное значение (как собственно суперлативное, так и элативное) могли иметь не только суперлативные формы прилагательных и наречий, но и компаративные. Некоторое количество таких форм встречается в тексте Евангелия и Псалтыри. Например, в стихе Л 15:25 находим форму *πρεσβύτερος* (компаратив к прил. *πρέσβυς*) с суперлативным элативным значением ‘старший’. Старославянский перевод – формой компаратива *старѣн*:

Л 15:25: Ἦν δὲ ὁ υἱὸς αὐτοῦ ὁ πρεσβύτερος ἐν ἀγῶ·
– бѣ же снѣз его старѣн на селѣ . Зогр.

Широко распространено субстантивное употребление формы *πρεσβύτερος* со значениями ‘старец’, ‘старейшина’. Обычный перевод в таких случаях – сущ. *старьць*. Ср.:

Пс 104:22: καὶ τοὺς πρεσβυτέρους αὐτοῦ σοφίσαι
– н старьцѣ его оумодритъ . Син
(ср. в Синодальном переводе: «и старейшин его учил мудрости»).

Отметим, что передача греч. *πρεσβύτερος* существительным *старьць* – наряду с гречизмом *презвнтеръ* – сохраняется и в более поздних переводах.

В стихе Мф 23:23 субстантивно употребленной формой *βαρύτερος* (компаратив к прил. *βαρύς* – чаще ‘тяжелый’, но также и ‘серьезный, важный’) с суперлативным элативным значением номинировано «самое важное» в Законе. В старославянском переводе используется субстантивно употребленная форма компаратива *тажнн*:

Мф 23:23: καὶ ἀφήκατε τὰ βαρύτερα τοῦ νόμου, τὴν κρίσιν καὶ τὸν ἔλεον καὶ τὴν πίστιν
– ѝ оставнсте тажншаа закона сѣдз н мность н вѣрѣ Мар (в Зогр текст пропущен)
(ср. в Синодальном переводе: «...и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру...»).

Субстантивно употребляется в Псалтыри с суперлативным элативным значением форма *στερεώτερος* (компаратив к прил. *στερεός* ‘твердый; крепкий’), которая переводится как *крѣплнн*, т. е. также формой компаратива:

Пс 34:10: κύριε τίς ὁμοίός σοι ρύόμενος πτωχὸν ἐκ χειρὸς στερεωτέρων αὐτοῦ

– Г҃Н Г҃Н кто подобенъ тебѣ . нзбавлѣѡ ннша нзз рѡкзи крѣплышннхъ его Пог (в Син порча текста: ѳз-д-рѡкзи прѣпшии . . хз).

В притче о горчичном зерне формы компаратива *μικρότερος* и *μείζων* имеют значения собственно суперлатива (о чем свидетельствует наличие характеризующего стандарт сравнения местоимения *πᾶς*). В старославянском переводе и они передаются формами компаратива. Ср. в Евангелии от Марка:

Мк 4:31–32: Ὡς κόκκον σινάπεως [...] μικρότερος πάντων τῶν σπερμάτων ἐστὶν τῶν ἐπὶ τῆς γῆς· καὶ ὅταν σπαρῆ, ἀναβαίνει, καὶ γίνεται πάντων τῶν λαχάνων μείζων

– ѣко гороушьнѣ зрѣнѣ . [...] мьне всѣхъ естѣ сѣменъ . земзньихъ . и егда всѣно бѣдетѣ въздрстетѣ . и бѣдетѣ боле всѣхъ зєани . Зогр.

Случаи передачи старославянскими формами компаратива греческих форм компаратива с суперлативным значением (как с собственно суперлативным, так и с элативным) встречаются также и в более поздних переводах. Элативное значение форм выявляется, как правило, из контекста. Приведем некоторые примеры. В «Слове в Великий Четверг о предательстве Иуды» Иоанн Златоуст толкует известный евангельский сюжет о помазавшей Христа женщине, называя ее *βελτίων καὶ σωφρονεστέρα* ‘добрейшая и мудрейшая’, т. е. характеризуя ее формами компаратива в функции суперлатива (*βελτίων* – супплетивная форма компаратива к прил. *ἀγαθός* ‘добрый’). В старославянском переводе также используются формы компаратива:

προσηῆθε πόρνη, ἀλάβαστρον μύρου ἔχουσα, καὶ κατέχεε τὸ ἔλαιον ἐκεῖνο ἐπὶ τὴν κεφαλὴν τοῦ Κυρίου [...] ἐγένετο βελτίων καὶ σωφρονεστέρα.

– прнде блѣдница стьклѣнницѡ мура дрѣжаштн . възлннѡ маслѡ то дрѣвѣноѡ на главѣѡ господьнѡ [...] възстѣ добрѣнши н мѣдрѣнши . Супр 408,15–16.

В Житии Конона Исаврийского суперлативное элативное значение греческой формы компаратива *ἐνδοξότερος* также выявляется из контекста. В старославянском переводе – форма компаратива *слабѣнѣн*:

Οὕτως αὐτοῦ τὴν πολιτείαν ὁ θεὸς ἐτίμησεν, ὡς καὶ μετὰ θάνατον [...] ἐνδοξότερον ἐποίησεν.

– тако ѿмоу житїе богъ почѣте . ꙗкоже н по смръти ѿго славѣнѣнша сзтворн . Супр 43,10.

Формы компаратива с суперлативным элативным значением могли переводиться и формой позитива. Так, например, формой позитива ναρούντις переводится в Житии Павла и Юлиании греч. ἐπισημότερος (форма компаратива к прил. ἐπίσημος ‘выдающийся, знаменитый’):

Ὁμοίως δὲ καὶ Διόνυσος ὁ ἐπισημότερος ὑμῶν θεός

– такоже же н днонусъ . нароунтѣн вашъ богъ . Супр 8,7–8.

Встречаются в греческих оригиналах старославянских переводов формы компаратива с суперлативным элативным значением также и в субстантивном употреблении. В старославянских переводах такие субстантивно употребленные формы компаратива могли передаваться субстантивно употребленными прилагательными и существительными. Так, например, в греческом тексте Жития Конона Исаврийского разбойники номинируются субстантивно употребленными формами компаратива θρασύτερος и μαχιμώτερος, которые в старославянском переводе передаются субстантивно употребленным прилагательным дръзъ и существительным котоуръ:

ἐφοβεῖτο γὰρ τοὺς τόπους ἐκείνους μαθὼν, ὅτι θρασύτεροι καὶ μαχιμώτεροι τυγχάνουσιν ἐν αὐτοῖς.

– боѡше бо са тѣхъ мѣстъ сзѡшавъ ꙗко дръзъ н котоуръ сѣтѣ въ ннхъ . Супр 46,16.

Старославянскими формами компаратива передавались и греческие формы компаратива со значением собственно суперлатива («относительной» превосходной степени). Как и в случаях передачи греческих суперлативных форм со значением собственно суперлатива, стандарт сравнения характеризовался в греческом местоимением πᾶς ‘весь, целый’ и ‘всякий, каждый’ (Gen. или Acc.), иногда местоимением ὅλος ‘целый, весь’, в старославянском – местоимениями всь и вськъзъ. Например, в «Слове на Евангелие от Матфея о повелении»:

Τίνοι γὰρ ἐθαύρουσι; Τῆ δεινότητι τῶν λόγων; Ἀλλὰ πάντων ἦσαν ἀμαθέστεροι.

– ҮНМ БО ПЗВАИЖШТЕ . КЗИТРОСТНИЖ ЛН СЛОВЕСЗНИЖИЖ . НЗ ВЪСѢКЪЗ ВѢАКЖ ГРЖЬШН . Супр 442,10;

в Слове об апостоле Фоме и против ариан:

πλατύτερος ἐφάνη τῆς κτίσεως ὅλης

– ШНРНН ЈВН СА ВЪСЕА ТВАРН . Супр 508,27.

Суперлативное элативное значение могли иметь также греческие адъективы и наречия в формах позитива, но имеющие в структуре своих значений сему высокой степени проявления признака. Такие слова целесообразно, по нашему мнению, называть «лексическими суперлативами»³. Довольно регулярно в роли лексических суперлативов выступали адъективы с определенными префиксами и первыми компонентами сложений.

Среди лексических суперлативов в греческих оригиналах старославянских переводов наиболее распространены адъективы-композиаты и наречия-композиаты с первым компонентом *παν-*. Старославянский перевод, как правило, – прилагательными и наречиями с префиксом *прѣ-*. Например, *πανάγαθος* – *прѣблагъин*:

αὐτός, Δέσποτα πανάγαθε, τὰ σπέρματα ταῦτα [...] εὐλόγησον...

– тзи . вѣко прѣблагъи . сѣмена сн [...] вѣговн . Евх 13а 16;

πάντιμος – *прѣчъстънъин*:

᾿Οτι ἠυλόγηται καὶ δεδόξασται τὸ πάντιμον καὶ μεγαλοπρεπὲς ὄνομά σου

– ѣко вѣговн са ѿ прославн прѣчъстънъно н вельѣпое ѿма твоє . Евх 23а 2.

Наличие в текстах лексических суперлативов с первым компонентом *пан-* в немалой степени зависело, видимо, от индивидуальных особенностей языка византийских писателей. Так, в «Слове на погребение Христово» Епифания Кипрского встречается сразу несколько таких лексических суперлативов:

πανέσπερος – *прѣмрачънънъ*:

καὶ σκότος панέσπερον Ἰουδαίους πεποίηκεν.

– н тзмж прѣмрачънънъ нюдеумъз сѣтворн . Супр 448,27;

³ Ср. в (Теория функциональной грамматики 1996: 137–138).

πανάγιος – прѣсватѣин:

ἐκέλευσεν ὁ Πιλάτος δοθῆναι αὐτῷ τὸ πανάγιον σῶμα τοῦ Ἰησοῦ·
– повелѣ пнлатѣ вздатн юмоу прѣсватю тѣло ἰѡυсово . Супр 455,28;

πανώδυνος – прѣскрѣбѣнѣин, панέσπερος – прѣтѣмѣнѣин:

λύτρωσιν ἐξαιτοῦντες τῆς πανωδύνου ἐκείνης καὶ κατηφοῦς ἐχθροκράτου
ζοφεραῖς καὶ панеспѣρου паннуξίας.
– нзбавѣнѣннѣ просаште . прѣскрѣбѣнааго того оумнѣнааго обладаннѣннѣ
вражнѣннѣ . н мрѣчѣннѣннѣ прѣтѣмѣнааго мрака . Супр 461,17 и 19;

πανσόφως – прѣмѣдро:

καὶ εἰσελθὼν пансѡфως πάντως ἐχρήσατο
– н взшѣдз прѣмѣдро отзѣнѣдѣ наѣдѣтѣ . Супр 454,4.

Первый компонент пан- может «усиливать» форму суперлатива. Например, в Житии Якова Черноризца «враг рода человеческого» характеризуется эпитетом παγκάκιστος. В композите παγκάκιστος второй компонент κάκιστος представляет собой форму суперлатива к прил. κακός ‘дурной; злой’, которая сама по себе уже имеет суперлативное значение, однако выражение этого значения подкреплено еще и первым компонентом композита пан-. В старославянском переводе – прилагательное в позитивной форме с префиксом прѣ-:

Ὁ γὰρ παγκάκιστος καὶ δυσσεβὴς ἐχθρὸς τῶν τοῦ θεοῦ δούλων [...] τὸν
τῆς πορνείας αὐτῷ ἐπαφίησι δαίμονα.
– прѣлѣкѣвѣин бо н нечнстѣин врагѣ бѣжнемѣ рабомѣ [...] блѣднѣннѣмѣ
юмоу нападе бѣсомѣ . Супр 521,3.

Реже в греческих оригиналах старославянских переводов встречаются лексические суперлативы с первым компонентом πολυ-. Старославянский перевод, как правило, – прилагательными с первым компонентом мзного-, имеющим значение высокой степени признака, соотносительное с одним из значений наречия мзного⁴. Например:

⁴ Напомним, что наречие мзного, употребляющееся в старославянских текстах, главным образом, как количественно-определяющее, иногда имело значение степени ‘очень’ (Ефимова 1989: 117–119).

πολυσέβαστος – ΜΥΝΟΓΟΥΣΤΗΝΖ(ΖΙΗ):

τὸ πολυσέβαστόν σου ἐκπληττόμεθα ὄνομα.

– ΜΝΟΓΟΥΣΤΗΝΟΥΜΟΥ ΗΜΕΝΗ ΤВОЕМОУ ДНЕМЪ СΑ . Евх 1а 4–5;

πολυδύναμος – ΜΥΝΟΓΟΣΗΛΗΝΖ(ΖΙΗ):

Καὶ ἔστη σταυρὸς πολυδύναμος δύναμις...

– ἰ στα κρѣстѣ ΜΝΟΓΟΣΗΛΗΝΑ СНА Супр 428,5;

πολύελεος – ΜΥΝΟΓΟΜΗΛΟΣΤΗΝΖ(ΖΙΗ):

Ὁ πανοικτίρμων Θεὸς καὶ πολύελεος...

– прѣщедри бже ἰ ΜΝΟΓΟΜΗΛΟΣΤΗΝΖ Евх 92b 2–3.

Вместе с тем имеется перевод πολύελεος и как прѣμνηлостнѣз (т. е. с префиксом прѣ-), и он даже более ранний – в тексте Псалтыри:

Пс 85:5: ὅτι σύ κύριε χρηστός καὶ ἐπιεικὴς καὶ πολύελεος πᾶσι τοῖς ἐπικαλουμένοις σε

– ѣко тѣи гѣи благъ ἰ кротокъ . ἰ прѣμнлостнѣз вѣсѣмъ прѣзѣиваѣштимъ тѣа . Син.

В более же поздних переводах закрепившееся в узусе прил. прѣ-μνηлостнѣз(ΖΙΗ) используется также и для перевода греческого лексического суперлатива с первым компонентом пан-. Ср. в Житии папы Григория перевод панελεήμων:

τοσοῦτον πλῆθος οἰκτιρμῶν ἐνεδείξατο ἐν ἐμοὶ ὁ панελεήμων κύριος...

– толко ΜΝΟЖЕСТВО штедротѣ показа о мнѣ прѣμнлостнѣзин гѣи . Супр 123,8.

Слова с префиксом прѣ- переводят и греческие лексические суперлативы с префиксом ὑπερ-. Например:

ὑπέρογκος – прѣгрѣдъз:

2Пет 2:18: Ὑπέρογκα γὰρ ματαιότητος φθεγγόμενοι, δελεάζουσιν ἐν ἐπιθυμίαις σαρκός...

– прѣгрѣда во соуѣтѣствью глѣюще лѣстатѣ сѣ вѣз скѣврнѣзи пѣзтѣскѣзѣна похотнѣ;

ὑπερβάλλων – прѣвѣлнкъз:

μεθ' ὑπερβαλλούσης εὐφροσύνης αὐτῷ προσδραμοῦσαι...

– сѣ прѣвѣлнкѣмъз веселнннмъз к немуу прнтекшн Супр 446,8;

ὑπερβαλλόντως – прѣволие:

2Кор 11:23: Ὑπὲρ ἐγώ. Ἐν κόποις περισσοτέρως, ἐν πληγαῖς ὑπερβαλλόντως...

– паче азъ . въ троудѣхъ лше ; въ ранахъ прѣволие Христ, Охр, Шиш (ср. в Синодальном переводе: «Я гораздо более *был* в трудах, безмерно в ранах...»);

ὑπερηφάνως – прѣзорьно:

Μὴ ἀφρόνως καὶ ὑπερηφάνως φθέγγου

– не продьно н прѣзорьно отъвѣштаван Супр 1,13.

Наречие ὑπεράνω, как и его постоянный перевод прѣвзише, чаще используется в функции предлога, например:

Пс 8:1: ὅτι ἐπήρθη ἡ μεγαλοπρέπειά σου ὑπεράνω τῶν οὐρανῶν

– ѣко възхѣтъ съ влѣпта твоѣ прѣвзише нсѣ . Син.

Можно предполагать, что на начальном этапе становления старославянского языка использование префикса прѣ- не было напрямую связано с калькированием греческих лексических суперлативов с первым компонентом παν- или префиксом ὑπεр-, но префикс прѣ- употреблялся также и для выражения латентной, «контекстуальной», суперлативности, формально не эксплицированной в греческом оригинале. Так, прил. прѣчнстѣ(зин) переводит целый ряд греческих простых прилагательных (simplex'ов) в форме позитива. Из наиболее ранних переводов – перевод ἀγνός в тексте Псалтыри:

Пс 18,10: ὁ φόβος κυρίου ἀγνός διαμένων εἰς αἰῶνα αἰῶνος

– страхъ гнз прѣчнстѣ прѣвзиваетъ въ вѣкуу . Син.

В тексте Апостола – перевод ἄσπιλος:

1Пет 1:19: ἀλλὰ τιμίῳ αἵματι ὡς ἀμνοῦ ἀμώμου καὶ ἀσπίλου χριστοῦ

– нз драгоа крзвна ѣко агнзца непорочна . н прѣчнста ка .

И в более поздних переводах прил. прѣчнстѣ также используется для передачи простых прилагательных (simplex'ов) в форме позитива. Ср., например, перевод καθарός в Житии Павла и Юлиании:

Γεννᾶται οὖν [...] διὰ τῆς ἀχράντου καὶ καθαρᾶς παρθένου...

– н раждаетъ са [...] отъ непорочнзца н прѣчнстзца дѣвзи . Супр 10,29.

Так же и прил. прѣподобьнѣ(зѣн) в тексте Псалтыри переводит простое прилагательное (*simplex*) в форме позитива *ῥσιος*. В тексте Синайской псалтыри (включая новооткрытую часть) насчитывается 28 соответствий *ῥσιος* – прѣподобьнѣ(зѣн). Ср., например, в субстантивном употреблении:

Пс 15:10: *οὐδὲ δώσεις τὸν ῥσιόν σου ἰδεῖν διαφθοράν*
– нѣ дасѣ прѣподобьноумоу своему видѣти истъзълньнѣ . Син.

В Житии же Якова Черноризца уже «укоренившееся» в узусе прил. прѣподобьнѣ используется для перевода формы суперлатива *ῥσιώτατος*:

μεταστειλόμενος ὁ τοῦ θεοῦ δοῦλος Ἰάκωβος τὸν ῥσιώτατον ἐπίσκοπον...
– прнзъвавъ бжнн рабъ наквезъ прѣподобьнааго еппа [...] Супр 531,26.

Таким способом первые славянские переводчики с помощью префикса прѣ- создали ряд эпитетов с элативным значением, и это дало в свое время А. Вайану повод отметить, что «некоторые прилагательные в соединении с этой увеличительной приставкой имеют специальное религиозное употребление» (Вайан 1952: 164).

Несколько позднее книжниками Преславской и Охридской школ для образования лексических суперлативов начинает использоваться модель сложения с первым компонентом трѣ-, калькирующим первый компонент *τρι-* греческих композитов:

τριμέγιστος – трѣвелнѣстьвнѣнѣн:

Φοβήθητι τὴν μεγαλειότητα τῶν θεῶν [...] τὸν τριμέγιστον Ἄρεα, τὸν Ποσειδῶνα.
– оубон са велнѣства богъ [...] трѣвелнѣстьвзнааго . ареа . пнсндона .
Супр 115,8–9;

τριμακάριος – трѣблаженѣнѣнѣн:

Τῷ οὖν καιρῷ τῆς ἐκδημίας τοῦ τριμακαρίου Ἰσαακίου...
– вѣ врѣма же нзншешнна трѣблаженааго нсакнн... Супр 208,29.

Большая часть произведений книжников Преславской и Охридской школ сохранилась лишь в более поздних рукописях. В пределах круга рукописей «старославянского канона» пример употребления лексического суперлатива трѣблаженѣнѣнѣн в Супр 208,29 – единственный,

однако, судя по более поздним спискам, эпитет *трьблаженѣн* употреблялся и Иоанном Экзархом (Шест 35а 18; Шест-Бар 376 9), и многократно в разных произведениях Климентом Охридским. Комполит же *трьсвѣтълъз*, калька с *τριλαμπής*, стал для Климента Охридского одним из самых любимых его эпитетов, приметой языка его произведений. Характерный пример такого употребления – в Трипеснице на предпразднество Рождества Христова, в 5-й песне:

трьсвѣтлою зарю просвѣщае мнра . неубьемлѣ сы вѣко небесы . (по списку Хлуд № 166 ГИМ XIV в.).

Особых комментариев требует использование в качестве специального (формального) средства выражения суперлативности в старославянском языке префикса *нан-*. Как отмечал еще А. Вайан, префикс *нан-*, будучи присоединенным к формам компаратива, может «усиливать сравнительную степень». В пределах рукописей «старославянского канона» слов с этим префиксом встречается всего четыре: три наречия – *нанѡще*, *нанпаче*, *нанскорѣе* и прилагательное *нантрьблѣнн*. Прил. *нантрьблѣнн* содержится в переводе «Слова на Вербное воскресенье» патриарха Фотия, причем в греческом тексте суперлативность здесь никак не выражена и, видимо, не подразумевается:

καὶ τὰς αἰσθήσεις, ὧν ἡ χρεῖσις ὁδὸς ἐπὶ μάθησιν...

– н ѡувзства . ѡже сѣтъ *нантрьблѣнн* пѣтн оученню Супр 339,30.

А. Вайан считал употребление этого прилагательного с префиксом *нан-* исключением, но, возможно, что такие формы уже в X в. были распространены в народной речи северо-восточного региона Болгарии – во всяком случае, так считает Т. Славова (Славова 2016: 63). Наречие *нанскорѣе* в пределах рукописей «старославянского канона» также встречается лишь однажды – в переводе «Слова о предательстве Иуды» в Клоцовом сборнике:

τούτοις μάλιστα ἐπιτηδᾶ καὶ ἐπιβαίνει συνεχῶς ὁ διάβολος

– вѣ тѣи наискорѣе възходѣтъ дѣволъ . Клоц 8а 37.

Как видим, наречие *нанскорѣе* используется для перевода словосочетания *μάλιστα συνεχῶς*, где *μάλιστα* – суперлативная форма наречия степени *μάλα* ‘очень, весьма’. «Слово о предательстве Иуды» сохранилось и в Супрасльской рукописи, где находим перевод этого места ближе к греческому оригиналу, т. е. перевод пословный, а

форма *μάλιστα* передается, как в большинстве случаев в старославянских текстах, наречием *паче*:

ВЪ ТЗИ ПАЧЕ ВЪСКАЧЕТЪ Н ВЪЛАЗНТЪ ЧАСТО ДНАВОЛЪ . Супр 421,6.

Всего дважды в пределах рукописей «старославянского канона» встречается наречие *нанваше*, оба раза в Супрасльской рукописи. Один раз оно употреблено в качестве количественно-определяющего при переводе снабженной артиклем формы компаратива *πλείους* (pl.) со значением ‘большинство’:

ἐξ ὧν οἱ πλείους τῶν περὶ Ἑλλάσποντον καὶ τὴν Ἀσίαν πόλεων ἦσαν.

– ОТЪ ННХЪ ЖЕ НАНВАШТЕ ОТЪ ЕЛНСПОНТЪСКЪИХЪ . Н ОТЪ АСННСКЪИХЪ ГРАДОВЪ БѢАХЪ . Супр 201,20.

Второй раз оно употреблено в качестве наречия образа действия со значением ‘главным образом’ при переводе формы суперлатива *πλείστα*:

πλείστα τε πρὸ ὕπνου καὶ ἠϋχετο...

– НАНВАШТЕ ЖЕ ПРѢДЪ СЪИЗМЪ МОЛНТВЕИ ТВОРЯШЕ . Супр 274,26.

И только наречие *нанпаче* относительно частотно в старославянских текстах – при том, что, как было показано выше, суперлативное значение обычно выражалось формой компаратива *паче* (т. е. без префикса *нан-*).

И, наконец, значение суперлатива и в греческих, и в старославянских текстах могло выражаться описательно, словосочетаниями прилагательных в форме позитива с наречиями, обозначающими высокую степень проявления признака. Такой «описательный» суперлатив употребляется в текстах, начиная с раннего этапа становления старославянского языка. Например, в евангельском тексте:

Μτ 8:28: ὑπήντησαν αὐτῷ δύο δαιμονιζόμενοι ἐκ τῶν μνημείων ἐξερχόμενοι, χαλεποὶ λίαν

– СЪРѢТОСТЕ Н ДЪВА БѢСЪНА . ОТЪ ГРЕВНШТЬ ИХЪ . ИСХОДАШТА ЛЮТА СѢЛО . Зогр.

Отметим, что иногда суперлативное значение формально может быть выражено только в старославянском переводе, в то время как в греческом оригинале суперлативность присутствует латентно, «контекстуально». Например:

Мт 7:27: καὶ ἦν ἡ πτώσις αὐτῆς μεγάλη.

– и въ раздроушенне еѣ велне съло . Зогр.

Кроме того, как уже отмечалось, в старославянском переводе словосочетанием прилагательного в форме позитива с наречием степени могли передаваться также и греческие суперлативные формы (ср., например, перевод ὑψηλότατος – высокъ зѣло в Супр 300,1, приведенный выше).

Таким образом, мы видим, что первые славянские переводчики использовали для передачи греческого суперлатива самые разнообразные языковые средства. Особые трудности возникали, очевидно, при передаче форм суперлатива с элативным значением («абсолютного» суперлатива): если при переводе собственно суперлатива старославянскими формами компаратива значение суперлатива выявлялось благодаря характеризующим стандарт сравнения местоимениям *въсь* и *въськъз*, то при переводе форм суперлатива с элативным значением позитивными формами старославянских прилагательных значение суперлативности, не будучи «подкрепленным» словообразовательными средствами или наречиями степени, чаще всего терялось. Действительно, *велнкъз(зи)* использовалось как для перевода *μέγας*, так и *μέγιστος*, *славънъз(зи)* – как *ἔνδοξος*, так и *ἔνδοξότατος*, *страшънъз(зи)* – как *φοβερός*, так и *φοβερώτατος* и т. д. Возможно, поэтому славянские переводчики пытались использовать для передачи суперлатива с элативным значением старославянские формы компаратива или дериваты от этих форм. Более «благополучно» переводились греческие лексические суперлативы.

Глава VII

Словообразовательное освоение грецизмов

Влияние греческого языка на старославянский и, в частности, на его лексику, многократно становилось предметом исследований палеославистов начиная с конца XIX в.¹ Различные виды влияния греческого языка на лексику первого литературного языка славян (а в итоге на древнерусский и русский язык) были описаны в недавно опубликованной статье обзорного характера М. И. Чернышевой (Чернышева 2018). В предыдущих главах мы постоянно обращались к оценке характера и степени влияния греческого языка на формирование старославянского лексического фонда. Настоящую главу посвящаем описанию способа его пополнения, в котором греческий язык являлся языком, непосредственно включенным в старославянские словообразовательные процедуры, а именно образованию новых слов с помощью славянских словообразовательных морфем от производящих основ греческого происхождения.

Образование новых слов с помощью славянских словообразовательных морфем от производящих основ греческого происхождения достаточно часто имело место в сфере образования прилагательных, наблюдается оно также и при образовании существительных. Палеослависты мало уделяли внимания данному явлению, хотя, конечно, некоторые исследования по этому вопросу имеются – например, в большой статье В. А. Погорелова 1930 г. (Погорелов 1930), отдельные замечания есть у А. Вайана (Vaillant 1974). Более подробно этот способ словообразования был рассмотрен в нашей работе 2007 г. (Ефимова 2007).

¹ Напомним лишь некоторые из значимых работ: Евсеев 1897; Jagić 1898–1899; Jagić 1902; Погорелов 1902; Евсеев 1905; Михайлов 1912; Jagić 1913; Погорелов 1930; Вялкина 1966; Верещагин 1967; Копыленко 1973; Мошиньски 1982; Чернышева 1984; Чернышева 1991; Минчева 1995; Bláhová 1996; Верещагин 1997; Večerka 1997; Мирчева 2011; Верещагин 2012; Мострова 2015; Крысько 2014; Крысько 2015; Чернышева 2015; Чернышева 2018.

В процессе перевода славянскими книжниками греческих текстов в старославянский лексический инвентарь вводились в виде грецизмов названия множества неизвестных ранее (или мало известных ранее) славянскому миру понятий и реалий, географических названий и имен собственных. Образование новых слов с помощью славянских словообразовательных морфем от производящих основ греческого происхождения было особенно характерно для начального этапа становления старославянского языка, хотя, конечно, отдельные примеры этого явления наблюдаются и позже. Вхождение в старославянский лексический инвентарь из первых славянских переводов лексических грецизмов в виде «используемой лексики», т. е. с сохранением греческих фонем без славянской адаптации, объясняется билингвизмом самих свв. Кирилла и Мефодия (Верещагин 1967) и билингвизмом (менее выраженным, приобретенным) их ближайших учеников и последователей. Однако неустойчивость написаний в самых древних старославянских рукописях грецизмов с буквами ѣ или v, а также некоторыми другими признаками греческого происхождения слов, свидетельствует об их очень быстрой фонетической и морфологической адаптации. Уже в процессе самых первых кирилло-мефодиевских переводов грецизмы – как адаптированные, так и неадаптированные – включались в словообразовательные процедуры, соединяясь с исконными славянскими аффиксами и создавая тем самым гибридные образования, характерные для ситуаций билингвизма. Вместе с тем это были уже славянские слова, которые должны были восприниматься реципиентами старославянских текстов – основной массой христианизировавшихся славян – как в какой-то мере понятные, так как содержали в своей структуре в качестве значимой части слова славянский аффикс (чаще всего суффикс), состоявший, как правило, из «яркой», выразительной последовательности фонем.

Особенно интересны гибриды, образованные в процессе «текст → текст» непосредственно от греческих слов исходного текста как от производящих основ. Для таких гибридных образований не находилось мотивирующих слов в складывавшемся старославянском лексиконе на соответствующем этапе его становления или развития, и, как будет показано ниже на ряде примеров, мотивирующее слово принадлежало лексическому инвентарю греческого языка византийского периода. Данное явление, свидетельствующее о приоритете в некоторых

случаях для старославянского словообразования отношений «текст → текст» над парадигматическими отношениями внутри старославянского лексического инвентаря, составляет замечательную особенность старославянского словообразовательного механизма.

Среди слов с основами греческого происхождения особенно распространены в старославянских рукописях прилагательные с притяжательным значением. С производящими основами греческого происхождения сочетались, главным образом, суффиксы прилагательных *-ov/-ev-*, *-in-*, *-bšk-* и словообразовательный формант, восходящий к суффиксу *-j-*, который в эпоху старославянского языка проявлял себя уже как йотовое морфонологическое чередование согласных в исходе производящей основы.

Уже в самых первых кирилло-мефодиевских переводах – Евангелия и Псалтыри – появляются прилагательные с суффиксами *-ov/-ev-*, *-in-*, *-bšk-* и йотовым морфонологическим чередованием согласных в исходе производящей основы, образованные как непосредственно от греческих слов греческого оригинала в качестве производящих основ, так и имеющие в складывающемся старославянском лексическом инвентаре соответствующие имена, которые можно бы было признать мотивирующими для этих прилагательных. В последнем случае, однако, трудно судить, когда реальная словообразовательная процедура проходила по первому варианту (т. е. образование непосредственно от греческих слов греческого оригинала как от производящих основ) и когда от мотивирующих имен (как уже вошедших в старославянский лексический инвентарь грецизмов).

На начальном этапе становления старославянского языка основной сферой применения суффиксов *-ov/-ev-* и *-in-*, а также в значительной мере йотового морфонологического чередования согласных в исходе производящей основы было образование прилагательных с основами греческого происхождения от наименований лиц и имен собственных².

² Основное словообразовательное значение суффиксов *-ov/-ev-* и *-in-* в старославянском языке определяется как притяжательное значение индивидуальной принадлежности; словообразовательное значение йотового морфонологического чередования согласных имело спектр от притяжательного

Вариант *-ov-* суффикса *-ov-/ev-* в старославянском языке более частотен, так как он, как правило, присоединялся к производящей основе греческого происхождения без изменения твердого конечного согласного (архангѣл-ѡ – архангѣл-ов-ѡ, фараон-ѡ – фараон-ов-ѡ и др.), либо, в случае окончания производящей основы на *-j-*, с усечением производящей основы (архнерен [arxierej-ь] – архнере-ов-ѡ, фарсен [farisej-ь] – фарсе-ов-ѡ и др.). Вариант же *-ev-* сочетался с производящими основами, имеющими в исходе мягкий согласный (типа салатнѣ [salatiŕ-ь] – салатнѣ-ев-ѡ), в том числе с основами, оканчивающимися на *-j-* без усечения (аньдрѣн [anьdrěj-ь] – аньдрѣевѡ [anьdrěj-ev-ь], арнн [arij-ь] – арннѣвѡ [arij-ev-ь] и др.). Ограничения в сочетаемости производящих основ греческого происхождения с суффиксом *-in-* связаны с исконной сферой его применения: сочетаясь со славянскими основами, этот суффикс чаще всего образовывал прилагательные от существительных со старыми основами на *ā* и *ī* ж. и м. р., а также от старых основ на согласный (например, осьлатннѡ от осьла, смокзвннѡ от смокзы).

Реальная словообразовательная процедура могла проходить как с использованием производящих основ соответствующих имен-гречизмов, уже вошедших в старославянский лексический инвентарь, так и с использованием в качестве производящих основ греческих слов греческого оригинала. Ср. примеры, когда можно предполагать образование от мотивирующих имен-гречизмов:

амннадавѡ Мт 1:4 Ас, Сав → амннадавоѡвѡ Л 3:33 Зоґр, Мар;

авраамѡ Л 16:23 Зоґр, Мар, Ас, Сав → авраамѣ Л 16:23 Зоґр, Мар, Ас и др.;

аронѡ Пс 98:7 Син; Пс 104:26 Син и др. → аронь Пс 76:21 Син; Пс 113:14; Л 1:5 Зоґр, Мар, Ас;

аронѡ → ароновѡ Пс 132:2 Син;

нлнн Мк 9:4 Зоґр, Мар → нлннѡвѡ Л 3:23 Зоґр, Мар;

левѣгнн Мк 2:14 Зоґр, Мар, Ас, Сав и др. → левѣгнннѡ Пс 134:20; Л 3:24 Зоґр, Мар и др.;

индивидуальной принадлежности до относительного, однако все же чаще встречается притяжательное значение (Ефимова 2006: 195–208; 216–232).

ѡеона (греч. Θέων – Раге 1870: 504) Супр 542, 2–3, Супр 542,10 →
ѡеонннз Супр 542,6–7

и др.

Также можно признать процедурой образования от уже вошедших в старославянский лексический инвентарь гречизмов в случаях, если подобные прилагательные появляются в относительно более поздних в сравнении с Евангелием и Псалтырью переводах. Ср.:

ѡома И 21:2 Зоґр, Ас → ѡомннз Супр 509,26; Супр 533,15.

Однако весьма вероятно, что реальная словообразовательная процедура представляла собой образование непосредственно от греческих слов греческого оригинала как от производящих основ даже при наличии в старославянском лексическом инвентаре соответствующих имен-гречизмов. Особенно если эти имена фиксируются в относительно более поздних переводах. Ср.:

адамовз Л 3:38 Зоґр, Мар – адамз Евх, Клоц, Супр и др.

С самых первых кирилло-мефодиевских переводов в старославянский лексический инвентарь вводятся притяжательные прилагательные, для которых не находится мотивирующих имен и в более поздних переводах:

авнмелеховз Пс 51:2;

альфеовз Мк 2:14 Зоґр, Мар, Ас, Сав; Мт 10:3 Зоґр, Мар;

арфаксатовз Л 3:36 Зоґр, Мар

и др.

Неудивительно, что в таких случаях наблюдаются колебания в написании. Ср.:

алмодановз Л 3:27 Мар – елмодановз Зоґр;

асвровз Л 2:36 Ас, Сав – свровз Зоґр – асоуровз Мар

и др.

В рукописях старославянского канона, по данным Словаря 1994, насчитывается 94 прилагательных с основами греческого происхождения, образованных от имен собственных, с вариантом суффикса

-ov-, 20 прилагательных с вариантом суффикса -ev-, 20 прилагательных с суффиксом -in- и 21 прилагательное с йотовым морфонологическим чередованием согласных в исходе производящей основы. Характерной чертой этой семантической группы прилагательных (причем со всеми словообразовательными формантами) является отсутствие в старославянском лексическом инвентаре соответствующих мотивирующих имен для значительной их части. Так, по данным Словаря 1994, соответствующих имен собственных не отмечено у 39 прилагательных из 94 с вариантом суффикса -ov- (адавовѣз, авнмелеховѣз, альфевѣз, арфаксадовѣз, асвроровѣз, вааловѣз, елмодановѣз/ алмодановѣз, еносовѣз, еслнмовѣз, еверовѣз, наредовѣз, нровѣз, нсаавовѣз, кадзмовѣз, канановѣз, касамовѣз, коревѣз, корѣовѣз, косамовѣз, ламеховѣз, лаваановѣз, маатовѣз, маннановѣз, маттатовѣз, мелеанновѣз, наанѣовѣз, нахоровѣз, науѣовѣз, рагавовѣз, роуѣовѣз, семенновѣз, сероуховѣз, севзѣровѣз, снмовѣз, снтоѣвѣз, тнмеовѣз, фалековѣз, фнлнстнновѣз, хамовѣз), у 11 прилагательных из 20 с вариантом суффикса -ev- (адзднѣвѣз, наннѣѣвѣз, нонаѣвѣз, ноанаѣвѣз, малеленлѣвѣз, маттатаѣвѣз, маттатнѣвѣз, мельхнѣвѣз, ннрнѣвѣз, рнснѣвѣз, фаноунлѣвѣз), у четырех из 20 прилагательных с суффиксом -in- (варахнннз, ниеменнннз, соузнннз, хоузѣанннз), у 10 из 21 с йотовым морфонологическим чередованием согласных (авнаѣѣ, аласвѣрь, завоулоѣѣ, нонадавѣлѣ, македоѣѣ, матоусалѣ, невѣфталннмѣлѣ, салаѣѣ, тараѣѣ, хоузѣѣѣ).

В отношении этих прилагательных приходится предполагать, что либо соответствующие имена собственные в качестве старославянских грецизмов имелись в переводах эпохи старославянского языка, но не встречаются в сохранившихся до наших дней старославянских рукописях, либо эти прилагательные (что, видимо, случалось гораздо чаще) могли быть образованы в процессе перевода непосредственно от основ употребляющихся в тексте оригинала греческих имен собственных. При этом субституция славянских звуков сопровождалась определенными адаптациями греческих основ. Использование варианта суффикса -ev- сопровождалось добавлением -j- к греческим основам, оканчивающимся на гласный: Ἀδδί – адзднѣвѣз [ad̥di-j-ev̥], Ἰανναί – наннѣѣвѣз [iannē-j-ev̥], Ματταθίας (Ματταθί-ας) (Pape 1870: 872) – маттатнѣвѣз [mattati-j-ev̥], Μελχί – мельхнѣвѣз [mel̥xi-j-ev̥], Ἰωαννάν (Ἰωαννά-ν) – ноанаѣвѣз [ioana-j-ev̥], Ματαθά – маттатаѣвѣз [mattata-j-ev̥], Ῥησά – рнснѣвѣз [risi-j-ev̥]. Использование суффикса

-in- сопровождалось присоединением в качестве «прокладки» к греческим основам, оканчивающимся на гласный, комплекса *-ij-*: *нѣменннѣ* [ijemen-ij-in-ъ] от греч. Ἰεμενί, *соусннѣ* [sus-ij-in-ъ] от греч. Χουσί, *варахннѣ* [varaxij-in-ъ] от греч. Βαραχίου. При наличии в старославянском лексическом инвентаре мотивирующих грецизмов-имен собственных, комплекс *-ij-* присутствовал уже в структуре этих имен: *марннѣ* [mar-ij-in-ъ] от *марнѣ* [mar-ij-a], греч. Μαρία, *мосннѣ* [mos-ij-in-ъ] от *моснн* [mos-ij-ъ], греч. Μωσῆς, *пнонннѣ* [pion-ij-in-ъ] от *пноннн* [pion-ij-ъ], греч. Πόνιος, *захарннѣ* [zahar-ij-in-ъ] от *захарнѣ* [zahar-ij-a], греч. Ζαχαρίας³. Как аналогичное явление мы рассматриваем и прибавление мягкого согласного *-ń-* к греческим именам, оканчивающимся на «альфу» и использованным в качестве производящих основ при образовании прилагательных с йотовым морфологическим чередованием согласных в исходе основы. Представляется, что нет необходимости «восстанавливать» имена собственные в инвентаре старославянского языка на основании наличия соответствующих прилагательных, как это предлагал в свое время Р. Мароевич, считая, что прилагательные *авнаѣнѣ*, *салаѣнѣ*, *тараѣнѣ*, *хоузаѣнѣ* были образованы от восстановленных им имен **авнанѣ*, **саланѣ*, **таранѣ*, **хоузанѣ* (Мароевич 1983: 48). В реальном словообразовательном процессе этого «дополнительного шага», видимо, не было, и прилагательные *авнаѣнѣ*, *салаѣнѣ*, *тараѣнѣ*, *хоузаѣнѣ* были образованы непосредственно от греческих имен Ἀβιά, Χουζῆ, Σαλά, Θάρα соответственно. Если учесть, что наиболее частотные прилагательные этого типа *ароѣнѣ*, *константнѣнѣ* (ср. *константнѣнѣ градъ* ‘Константинополь’), *снмоѣнѣ*, *соломоѣнѣ*, *завоулоѣнѣ* имели в конце основы *-ń-*⁴,

³ Не очень понятно наращение производящей основы в случае с гапсом Зографского евангелия *хоузѣаннѣ* [xuzĕan-in-ъ], образованного от греческого имени Χουζῆ. Возможно, здесь имела место контаминация суффикса прилагательных *-in-* с суффиксом существительных *-ĕn(inъ)/-jan(inъ)* при переосмыслении незнакомого еврейского имени как наименования жителя какой-то местности или города (ср. также мнение о влиянии в этом случае суффикса *-aninъ* М. Бродовской-Гоновской (Brodowska-Honowska 1960: 72)).

⁴ М. Пржикрылова справедливо отмечала, что среди прилагательных, образованных от имен собственных с помощью суффикса *-jъ-*, наибольшее число оканчивалось на *-ń-* (Přikrylová 2001: 430–431).

можно предполагать, что показатель *-ŋ-* и воспринимался книжниками как примета притяжательных прилагательных этого типа при образовании их от имен собственных⁵.

От наименований лиц (не имен собственных) с теми же словообразовательными формантами образовано несколько меньшее количество притяжательных прилагательных. Наряду с образованиями от основ греческого происхождения среди них встречаются слова и со славянскими основами. Группа из 14 прилагательных с вариантом суффикса *-ov-*, содержащих производящую основу греческого происхождения, существенно пополняет в старославянских рукописях группу из четырех прилагательных, образованных от наименований лиц со славянскими основами. Ср. прилагательные с основами греческого происхождения *архангѣловѣз*, *архнеревѣз*, *днѣволовоѣз*, *доуксовѣз*, *фараоновѣз*, *фарсеовѣз*, *фарнѣовѣз*, *христосовѣз*, *хрѣтосовѣз*, *хрѣстовѣз*, *нгѣмоновѣз*, *патрнарховѣз*, *свнагоговѣз*, *тектоновѣз* и четыре прилагательных со славянскими производящими основами: *пастоуховѣз*, *скѣдльннковѣз*, *сзпасовѣз*, *женнковѣз*. Прил. *ѣтсарѣвѣз* 'принадлежащий кесарю' также образовано от гречизма – сущ. *ѣтсарѣ*⁶, но с вариантом суффикса *-ev-*.

⁵ О своем наблюдении, что в данные прилагательные «вставляется согласная н», писал В. А. Погорелов уже в работе 1930 г. (Погорелов 1930: 20). М. Бродовская-Гоновская «извлекала» из прилагательных *авнаѣнѣ*, *салаѣнѣ*, *тараѣнѣ*, *хоузаѣнѣ* самостоятельный «суффикс *-нѣ*» (Brodowska-Honowska 1960: 171–172) (т. е. *-ŋь ? – В. Е.*), для чего, как кажется, нет оснований, так как такой словообразовательной морфемы в старославянском языке не было: суффикс *-n(ь)*, непродуктивный в старославянском языке, встречается в нескольких старославянских существительных (*бранѣ*, *казнѣ* и др.); суффикс *-n-* прилагательных, также непродуктивный в старославянском языке, вычленяется в нескольких словах с *o*-основами (*слаанз*, *жельзнз* и др.), в слове *отъврѣмѣ* (членимость которого в старославянском языке вызывает сомнения) с *i*-основой. Однако этот суффикс не образует прилагательных притяжательных.

⁶ Ст.-слав. *ѣтсарѣ/ѣтсарѣз*, от которого образовано с суффиксом *-ev-* прил. *ѣтсарѣвѣз*, обычно считается заимствованием из латинского, возможно, через посредство готского (Фасмер IV: 291; ESJS 2: 93). Однако непосредственным источником заимствования слова с начальным *k'* – *ѣтсарѣ/ѣтсарѣз* следует, видимо, считать все же греч. *кайсар* (ESJS 5: 308).

Согласно данным Словаря 1994, в рукописях старославянского канона встречаются только три прилагательных с основами греческого происхождения с суффиксом *-in-*: *амемоурмнннз* [ameturmniinjъ] от *амемоурмнн* [ameturmniijъ] (греч. ἀμεμουρμνῆς ‘халиф’), *фарсеннз* [fariseijnъ] от *фарсен* [farisejъ] (греч. φαρισαῖος), *сотонннз* от *сотона* (греч. Σατανᾶς), в то время как со славянскими основами – четыре: *вогороднннз*, *непрннз* (от *непрннзнь* ‘злой дух, дьявол’), *рабзінннз*, *воеводннз*. Несколько прилагательных образовано от грецизмов-наименований лиц с помощью «йотового» морфонологического чередования согласных в исходе производящей основы: *дннвоѡлѣ* от *дннвоѡлз* (греч. διάβολος – ESJS 3: 132), *епнскоуплѣ* ‘епископский’ от *епнскоупз* (греч. ἐπίσκοπος – ESJS 3: 166) и *пнскоуплѣ* ‘епископский’ (Супр 233,1–2) от *пнскоупз* (Супр 222,13)⁷, *фараоѡнѣ* ‘фараонов’ от *фараоѡнз* и *фараошь* ‘то же’ от *фараошз* (греч. φαραών, вариант *φαραώ* – ESJS 3: 169), *нгоумейнѣ* от *нгоуменз* (греч. ἡγούμενος – ESJS 4: 239). Чаще, однако, этот словообразовательный формант используется для образования прилагательных от наименований лиц со славянскими основами, в том числе и с основами, осложненными продуктивными суффиксами: суффиксом *-(ьн, en)-ik(ъ)*: *блнзньнчѣ*, *грѣшьннчѣ*, *мѣчєннчѣ*, *правѣдннчѣ*, *протнвннчѣ*, *скѣдѣльннчѣ*, *оучєннчѣ*; суффиксом *-ьс(ѣ)*: *ловьчѣ*, *младннчѣ*, *творьчѣ*; суффиксом *-ic(a)*: *дѣвнчѣ*, *вѣдовнчѣ*; суффиксом *-tel(ѣ)* *томнтѣлѣ*.

Согласно данным Словаря 1994, в корпусе рукописей старославянского канона насчитывается 145 слов с суффиксом *-ьsk-* и основой греческого происхождения – самое большое число прилагательных, образованных от основ греческого происхождения в этом корпусе, хотя суффикс *-ьsk-* широко использовался и для образования прилагательных от славянских производящих основ⁸. По своей

⁷ Как указывает ESJS, происхождение *пнскоупз* возможно как от греч. *πίσκοπος*, так и от лат. (Вульгаты) или ром. **piskopo* (ESJS 11: 646), однако текст в Супр 222,13 переводит греч. *ἐπίσκοπος*.

⁸ Судя по данным Словаря 1994, в корпусе рукописей старославянского канона среди прилагательных с суффиксом *-ьsk-* доля прилагательных с основами греческого происхождения не так высока, как в типе прилагательных с суффиксом *-ov-*: 122 прилагательных из 133 с суффиксом *-ov-* и 145 прилагательных из 222 с суффиксом *-ьsk-*.

семантике старославянские прилагательные с суффиксом *-ьsk-* – это прежде всего прилагательные от географических названий и названий племен и народов: из 222 слов, зафиксированных в Словаре 1994, 101 слово образовано от названий стран, областей, городов, рек и т. п. и 20 слов образованы от названий племен и народов. В силу специфики старославянских текстов, в огромной степени расширявших географические познания славян, этот суффикс показывает высокую продуктивность, сочетаясь, за очень редким исключением, с производящими основами греческого происхождения. Ср., например, образования от названий стран: аравннскъ [aravijъskъ] от аравна [aravija] (греч. Ἀραβία), ндоумѣнскъ [idumějъskъ] от ндоумѣа [iduměja] (греч. Ἰδουμαία), вавлоньскъ от вавлонъ (греч. Βαβυλών) и др.; от названий областей: декапольскъ от декаполь (греч. Δεκάπολις), ѣннсаретъскъ от ѣннсаретъ (греч. Γεννησαρέτ), нсавръскъ от нсавръна [isavrija] с усечением основы (греч. Ἰσαυρία) и др.; от названий городов: александръскъ от александръна [aleksandrija] с усечением основы (греч. Ἀλεξάνδρεια), амаснскъ [amasijъskъ] от [amasija] (греч. Ἀμάσεια), назаретъскъ от назаретъ (греч. Ναζαρέθ) и др.; от названий гор: елеоньскъ от елеонъ (греч. ἔλαιών), лнваньскъ от лнванъ (греч. Λίβανος), сннанскъ [sinajъskъ] от снна с добавлением к основе *-j-*, аналогичным упомянутым выше наращением основ греческих имен собственных, типа Ἀδδί – [ad̥di-j-evъ], Матаθά – [mattata-j-evъ] и др., (греч. Σινά), сноньскъ от снонъ (греч. Σιών) и др.; от названий рек и водоемов: норданьскъ от норданъ (греч. Ἰορδάνης), снлоуамъскъ от снлоуамъ (греч. Σιλωάμ) и др.

Как и в рассмотренных выше типах прилагательных, соответствующие географические названия не всегда были в инвентаре старославянского языка, прилагательные с суффиксом *-ьsk-* могли образовываться непосредственно от основ греческих географических названий. В некоторых случаях и при наличии в старославянском лексиконе соответствующих грецизмов производящей основой следует признавать все же основу греческого слова, а не старославянского. Так, например, для прил. тнвернадъскъ в качестве производящей основы была взята, видимо, основа Ген. от греч. Τιβέριας Τιβεριάδος [Τιβεριάδ-ος], так как оно появляется уже в Евангелии-апракос, однако в Евангелии-апракос название города (которое можно бы было признать мотивирующим) наблюдаем в виде грецизма тнверна (ср. Τιβέριας) ‘Тивериада’. Ср.:

И 6:23: ἄλλα δὲ ἦλθεν πλοιάρια ἐκ Τιβεριάδος ἐγγὺς τοῦ τόπου ὅπου ἔφαγον τὸν ἄρτον

– ннн же прѣдѣ кораби ѿ тнверѣна близѣ мѣста . ндеже ѣша клѣбзи . Ас 11b

– ι ннн прндѣ кораблн отъ тнвернѣдзи . Зогр, Мар;

И 21:1: Μετὰ ταῦτα ἐφανέρωσεν ἑαυτὸν πάλιν ὁ Ἰησοῦς τοῖς μαθηταῖς ἐπὶ τῆς θαλάσσης τῆς Τιβεριάδος.

– ѣвн са нѣз оученнокмз свонмз вѣставѣз отъ мрзтвѣзнкз . на морн тнверѣадѣстѣмѣ . Ас 156b, Зогр, Мар.

В ряде случаев производящие основы прилагательных со значением ‘относящийся к какому-либо городу’ брались от греческого названия жителей этого города. Например: гадарнньскз (Л 8:26 Мар, Ас, Сав; Мк 5:1 Зогр, Мар; Л 8:37 Мар) от названия жителей οἱ Γαδαρῆνοι [Γαδαρηνοί] города *Γάδара*. Такую же словообразовательную процедуру мы предполагаем и для прил. ннневьгнтъскз ‘ниневийский’ (Мт 12:41 Зогр, Мар; Л 11:32 Зогр, Мар), в котором производящая основа была взята от названия жителей города οἱ Νινευῖται [Νινευῖται], хотя несколько позже в Супрасльской рукописи появляется название города в виде грецизма ннневн (Супр 401,11, греч. Νινεῦς) ‘Ниневия’.

Манера славянских книжников использовать для прилагательных с суффиксом *-ьск-* в качестве производящих основ основы греческих лексем поддерживалась также и характерной особенностью славянского перевода – тенденцией встречающиеся в тексте греческих оригиналов географические названия, особенно арамейского происхождения, переводить не существительными, а несколькословными наименованиями с опорными словами в виде существительных страна, земля, прѣдѣлзи, градъ, градъць, рѣка. Например:

Мт 14:34: Καὶ διαπεράσαντες ἦλθον εἰς τὴν γῆν Γεννησαρέτ. [ἐπὶ τὴν γῆν εἰς Γεννησαρέτ.] (‘пришли в край Генисарет’)

– ι прѣѣвзше прндоша на землѣн гѣннсаретъскѣ . Зогр, Мар, Ас;

в Саввиной же книге в результате, видимо, справки с греческим текстом *Γεννησαρέτ* переведено существительным:

... прндѣ вѣ земельн гѣннсареѣнѣ;

И 7:42: οὐχ ἡ γραφὴ εἶπεν ὅτι ἐκ τοῦ σπέρματος Δαυὶδ καὶ ἀπὸ Βηθλέεμ τῆς κώμης ὅπου ἦν Δαυὶδ ἔρχεται ὁ χριστός; (‘из селения Вифлеем’)

– не кзннгзи ан рѣша . ѣко отъ сѣменн дава . ι отъ внтѣлеомъскаго градъца . ѡдеже бѣ дадъ прндетъ къ . Зогр, Мар (от внтѣлеомъскааго градъца), Ас;

в Саввиной же книге в результате справки с греческим текстом Βηθλέεμ переведено существительным:

– не кзннгз лн рѣша . ꙗко отъ сѣмене дѣа . н отъ внѣдлеомзи всн .
ндеже вѣ дѣз . градетъ їс хъ Сав 28.

Прилагательные от названий племен и народов также образовывались, по большей своей части, либо от основ старославянских названий греческого происхождения, либо непосредственно от основ греческих слов: аморѣнскъ [amorĕjъskъ] от греч. τῶν Ἀμορραίων [Ἀμορραί-ων], аравьскъ от греч. τῶν Ἀράβων [Ἀράβ-ων]), едемьскъ от греч. τῶν Ἐδώμ, еанньскъ от еаннъ (греч. Ἑλλήν), этнопьскъ от формы мн. ч. этнопънн [etiop-ĕp-i] с усечением суффикса -ĕn(inъ) или непосредственно от производящей основы греч. τῶν Αἰθιοπίων [Αἰθιοπί-ων] и др. Прил. самарѣнскъ образовано от производящей основы самарѣн-, хотя и греческого происхождения (греч. Σαμαρίτης, житель области Σαμάρεια), но уже распространенной славянским суффиксом -ĕn(inъ). Интересно, что прил. самарѣнскъ употреблялось наряду с прил. самаренскъ и самарьскъ, образованными от основы названия области грецизма самарна (греч. Σαμάρεια), относясь, таким образом, и к образованиям со словообразовательным значением ‘относящийся к племени или народу’, подчеркнутым славянским суффиксом -ĕn(inъ), и к образованиям со значением ‘относящийся к стране, области’.

Сочетался также суффикс -ьsk- с основами греческого происхождения и при образовании прилагательных от наименований лиц. В рукописях старославянского канона, согласно данным Словаря 1994, насчитывается 19 таких слов: анѣельскъ от анѣелъ (греч. ἄγγελος), апостольскъ от апостола (греч. ἀπόστολος), арханѣельскъ от арханѣелъ (греч. ἀρχάγγελος), архнеренскъ [arxieĕjъskъ] от архнерен [arxieĕjъ] и архнерѣнскъ [arxieĕjъskъ] от архнерѣн [arxieĕjъ] (греч. ἀρχιερεύς), демоньскъ от демонъ (греч. δαίμων – ESJS 2: 125), епарьшьскъ от епарьхъ (греч. ἑπαρχος), епнскоупьскъ от епнскоупъ (греч. ἐπίσκοπος), еретнъскъ от еретнъ (греч. αἰρετικός – ESJS 3: 167), ньеренскъ [ijereĕjъskъ] от ньерен [ijereĕjъ] и ньерѣнскъ [ijereĕjъskъ] от ньерѣн [ijereĕjъ] (греч. ἱερεύς), крнстнѣаньскъ от формы мн. ч. крнстнѣанн (греч. οἱ χριστιανοί), патрнарьшьскъ от патрнархъ (греч. πατριάρχης), презвнтерьскъ от презвнтеръ (греч. πρεσβύτερος), рнторьскъ от рнторъ (греч. ῥήτωρ), садоукенскъ [saduk'ĕjъskъ] от садоукен [saduk'ĕjъ] (греч. σαδδουκαίος),

сото^нннскъ от сото^на (греч. *σατανᾶς*), фарнсенскъ от фарнсен и фарнст^нскъ от фарнст^н (греч. *φαιρισαῖος*).

О неустойчивости и «неукорененности» в языке ряда прилагательных на *-ъsk(ъ)* с греческими основами свидетельствует довольно часто встречающаяся вариативность их основ, т. е. при одинаковом значении прилагательных и переводе ими одного и того же слова греческих оригиналов используются разные варианты основ. Укажем на следующие случаи: александ^рннскъ [aleksandrijъskъ] и александ^рскъ [aleksandrъskъ], ара^вннскъ [aravijъskъ] и ара^вскъ [aravъskъ], архне^ренскъ [arxierejъskъ] и архне^рт^нскъ [arxierѣjъskъ], армен^ннскъ [armenijъskъ], армен^ьскъ [armenъskъ] и ра^мт^нскъ [ramѣnъskъ], декапол^нт^нскъ и декапол^ьскъ, еванг^ельскъ и еванг^ел^ннскъ, ев^ренскъ и ев^рт^нскъ, га^лл^ненскъ и га^лл^нт^нскъ, г^ер^гес^ннскъ и г^ер^гес^ннскъ, н^ер^ненскъ и н^ер^тнскъ, н^юденскъ и н^юд^тнскъ, н^кон^ннскъ и н^кон^ьскъ, ма^гда^лан^ьскъ и ма^гда^лн^нскъ, р^нм^ьскъ и ро^ум^ьскъ, са^маренскъ и са^мар^ьскъ, стра^хот^ьскъ и тра^хон^тт^ьскъ, св^рннскъ и св^рскъ, фарнсенскъ и фарнст^нскъ, ха^на^нскъ, ха^наненскъ и ха^нан^тнскъ. Такое варьирование производящих основ говорит о том, что эти лексемы создавались славянскими книжниками буквально «по потребности» в процессе перевода греческого текста, редактирования или переписывания с протографа.

* * *

Среди суффиксов существительных очень высокую степень сочетаемости с производящими основами греческого происхождения демонстрирует суффикс *-ĕnin(ъ)/-janin(ъ)*. Из 24 существительных с суффиксом *-ĕnin(ъ)/-janin(ъ)*, отмеченных Словарем 1994, лишь три образованы от славянских основ (гра^ждан^ннъ ‘гражданин, житель’, со^ло^ун^ннъ ‘уроженец, житель города Солуны’ и ж^ате^ля^ннъ ‘жнец’⁹). В старославянском языке этот суффикс «специализировался» на образовании существительных, называющих лицо по месту (страна, город, местность) жительства или происхождения, а также – в форме мн. ч. – племен и народов, показывая высокую продуктивность в силу специфики старославянских текстов, содержащих большое

⁹ В сущ. ж^ате^ля^ннъ ‘жнец’ суффикс *-janin(ъ)* является избыточным, представляя собой пример «удвоенной суффиксации», так как то же значение имело сущ. ж^ате^ль без этого суффикса.

с суффиксом *-ĕnin(ъ)/-janin(ъ)* непосредственно от основ греческих соответствий: гапакса Синайской псалтыри *агарѣннѣ*, употребленного во мн. ч. (*агарѣнѣ* вм. *агарѣне*) со значением ‘агаряне (племя)’, от основы греч. *Ἀγαρηνοί* [*Ἀγαρην-οί*], с субституцией последовательности фонем [γν] продуктивным славянским суффиксом; гапакса Синайской псалтыри *εἰθιοπῆνнѣ*, употребленного во мн. ч. со значением ‘эфиопы’, от основы греч. *Αἰθίοπες* [*Αἰθίοπ-ες*]; гапакса Синайской псалтыри *Ἰσμαηλιῖται* [*Ἰσμαηλιτ-αι*]; гапакса Супрасльской рукописи *κορινθῆνнѣ*, употребленного во мн. ч. со значением ‘коринфяне’, от основы (с усечением до согласного) греч. *Κορίνθιοι* [*Κορίνθ-ι-οί*] ‘коринфяне’ (или, возможно, переводчик, свободно владевший греческим языком, использовал основу греческого названия самого города *Κόρινθος* [*Κόρινθ-ος*]); употребленного во мн. ч. со значением ‘жители города Гоморры’ в чтении тетра Мк 6:11 *сущ. гоморѣннѣ* – от основы греч. *Γόμορροι* [*Γόμορρ-οί*] (ср. также образованное от этой же основы прил. *гоморьскѣ*); гапакса Синайской псалтыри *ζεφεαῖνнѣ*, употребленного во мн. ч. со значением ‘жители пустыни Зиф’, от основы греч. *Ζιφαῖος* [*Ζιφαῖ-ος*].

Иногда и при наличии в старославянских рукописях слов, которые можно было бы считать мотивирующими для существительных с суффиксом *-ĕnin(ъ)/-janin(ъ)*, реальной производящей основой все-таки следует признавать основу греческого соответствия. Так, ориентируясь на соотношение семантики старославянских слов, можно было бы считать *сущ. нздранѣ* ‘Израиль’ (Ас, Сав, Зогр, Мар, Син и др.) мотивирующим для *сущ. нздранѣннѣ* ‘израильтянин’ (И 1:48 Ас, Сав, Зогр; Пс 87:1 Син; Пс 88:1 Син; Супр 347,11), однако производящая основа *нздранѣннѣ* для *нздранѣннѣ* принадлежит греческому соответствию *Ἰσραηλίτης* [*Ἰσραηλιτ-ης*], тогда как основа *сущ. нздранѣ* [*izdraiɫ-*] является производящей для синонимичного *сущ. нздранѣннѣ* (И 1:48 Мар). Именно *сущ. нздранѣннѣ* более широко употребляется в старославянских рукописях – в евангельском и псалтырном текстах, в Супрасльской рукописи, в то время как образованное от уже старославянского гречизма *нздранѣ* *сущ. нздранѣннѣ* является гапаксом Мариинского евангелия. Аналогично и *сущ. назарѣннѣ* (вариант *назарѣаннѣ*) ‘назарянин’, судя по соотношению семантики *сущ. назарѣтѣ*

‘Назарет’ (Ас, Сав, Зоґр, Мар и др.) и сущ. *назарѣнннз* ‘назарянин’ (Ас, Сав, Зоґр, Мар и др.), можно было бы считать мотивированным существительным *назарѣтз*, однако реально производящей основой для сущ. *назарѣнннз* является не *назарѣт-* с яркой последовательностью фонем [et] в исходе (было бы **назарѣтѣнннз*), а *назар-*, и она, видимо, была взята от греческого соответствия *Ναζωραῖος* [*Ναζωρ-αῖ-ος*]. Следует учитывать, видимо, также и последовательность вхождения слов в старославянский лексический инвентарь: иногда существительные с суффиксом *-ĕnin(ъ)/-janin(ъ)* входят в него раньше, чем слова, которые можно было бы считать мотивирующими для них. Так, например, *рнмѣне* ‘римляне’ (мн.ч., И 11:48) в Ас, *рнмѣне* в Зоґр и Мар появляются в нем раньше, чем *рнмз* ‘Рим’ (Супр 197,13; Супр 202,27).

Высокую степень сочетаемости с производящими основами греческого происхождения демонстрирует также суффикс *-yŭ(i)* при образовании наименований лиц женского пола. Так же, как и рассмотренные выше существительные с суффиксом *-ĕnin(ъ)/-janin(ъ)*, существительные с суффиксом *-yŭ(i)* называют лицо по месту жительства или происхождения. Из девяти существительных с данным суффиксом в этом словообразовательном значении, отмеченных в Словаре 1994, только для сущ. *солонянзѣн* ‘солунянка’ (Ас 152b2) производящую основу можно считать славянской – ср. *солонз* ‘Солунь’ (Ас 124b7 и 12). Для некоторых из них можно предполагать в качестве мотивирующих слов старославянские грецизмы или старославянские слова с основами греческого происхождения, несколько же слов, очевидно, были образованы непосредственно от греческих слов, употребленных в тексте греческих оригиналов.

В тех случаях, когда в старославянском языке существовали соответствующие наименования лиц мужского пола, существительные с суффиксом *-yŭ(i)* можно рассматривать по отношению к ним в качестве *feminina* («парных наименований»), т. е. предполагать прежде всего производство от старославянских лексем. Поскольку, начиная с В. А. Погорелова (Погорелов 1930: 3–5), данные лексем не раз становились предметом внимания палеославистов, укажем для каждой из них предлагаемое нами морфемное членение: *егѣпѣтѣнннзѣн* [*egŭpt-ĕn-yŭi*] (греч. *Αἴγυπτία*) ‘египтянка’ (Супр 365,17–18; Супр 366,2)

можно считать образованным с усечением суффикса *-ĕnin(ъ)/-janin(ъ)* от *εἰγυπτῶννнз* ‘египтянин’ (Клоц 6б36); *ελινυῖν* [elin-yŭi] (греч. Ἐλληνίς) ‘гречанка, эллинка’ (Супр 18,5) – образованным от *ελннз* (греч. Ἐλλην) ‘грек, эллин’ (Ас, Зоґр, Маґ, Супр); *кръстнннзѣнн* [krĕstijan-yŭi] (греч. χριστιανή) ‘христианка’ (Супр) – образованным от *кръстнннз* ‘христианин’ (греч. χριστιανός) (Супр) или с усечением суффикса единичности *-in(ъ)* от *кръстнннннз* [krĕstijan-inъ] ‘то же’; *самарѣннзѣнн* [samag-ĕn-yŭi] (греч. Σαμαρίτις) ‘самаритянка’ (Ас, Зоґр, Маґ) – образованным с усечением суффикса *-ĕnin(ъ)/-janin(ъ)* от *самарѣннннз* [samag-ĕn-inъ] ‘самаритянин’; *солоннннзѣнн* [soluŭ-an-yŭi] ‘солунянка’ (Ас 152b2, т. е. в календаре) – образованным с усечением суффикса *-ĕnin(ъ)/-janin(ъ)* от *солоннннннз* [soluŭ-an-inъ] ‘солунянин’ (Супр 488,9).

Можно было бы считать, что по той же модели, с усечением суффикса *-ĕnin(ъ)/-janin(ъ)*, образовано и сущ. *соманнтѣннзѣнн* ‘сонамитянка’ (Супр 283,25–26), однако соответствующее наименование лица мужского пола в рукописях старославянского канона не встречается. Возможно, это существительное было образовано непосредственно от его греческого соответствия *Σουμανῖτις* (вар. *Σουνανῖτις*), где *Σουμανῖτ-* было взято в качестве производящей основы [somanit-ĕnyŭi], а комплекс *-ĕnyŭi* уже был переосмыслен славянскими книжниками как словообразовательная морфема с соответствующим значением, т. е. значением наименования лица женского пола по месту его жительства или происхождения. Так же и сущ. *сврѣфоннѣннсаннзѣнн* ‘сирофиникиянка’, появившееся в чтении тетра (Мк 7:26 Зоґр, Маґ), было, видимо, образовано непосредственно от греческого соответствия, употребленного в тексте оригинала. В качестве производящей основы здесь используется греческое слово *Συροφονίχισσα* целиком, к которому присоединяется суффикс *-yŭ(i)* в модификации *-nyŭ(i)*, т. е. [svrofonik’isa-nyŭi]. Надо полагать, что частое повторение комплекса *-nyŭi* в наименованиях лиц женского пола (ср. *пога-ннзѣнн*, *самарѣ-ннзѣнн*, *солонна-ннзѣнн*) сформировало у славянских книжников восприятие яркой, выразительной последовательности фонем *-nyŭi* как значащей части слова. Интересно, что В. А. Погорелов в свое время видел в наименованиях лиц женского пола с греческими основами именно «славянский суффикс *-нннн*» (называя его то суффиксом, то окончанием) (Погорелов 1930: 4; 3).

Наименование жительницы города Ханаан ханаанзиѣн [xanaan-yŭi] ‘хананейнка’ (Супр 434,19) образовано от грецизма ханаанз (греч. *Χαναάν*), хотя в рукописях старославянского канона ханаанз употребляется только как имя (Супр 323,29–30), местность же номинируется несколькословным наименованием земля ханаанова (Пс 104:11 Син). Системные мотивационные отношения могли бы быть установлены и для сущ. магдалзиѣн [magʹdal-yŭi] ‘Магдалина, Магдальская’, как образованного от грецизма мoгʹдаламз ‘Магдала’ (греч. *Μαγδαλά*), однако в этом случае они, видимо, не отражали бы реального пути образования слова магдалзиѣн при вхождении его в старославянский лексический инвентарь. Название местности Магдала как мoгʹдаламз появляется в евангельском тексте только в Саввиной книге, известной своими инновациями. В других же старославянских кодексах употреблено прилагательное с суффиксом -ьsk- магдаланьскз:

Мт 15:39: *καὶ ἦλθεν εἰς τὰ ὄρια Μαγδαλά.*

– и прнде въ прѣдѣлѣи . магдаланьскзи Зопр, Мар

– н прнде въ прѣдѣлѣи магдаланьскзи Ас 41с–d.

В Саввиной же книге, вероятно, в результате справки с греческим текстом *Μαγδαλά* переведено существительным:

– н прнде въ прѣдѣлѣи мoгʹдаламз .

Таким образом, реальное образование сущ. магдалзиѣн при переводе евангельского текста было осуществлено, видимо, как непосредственное от основы греческого соответствия *Μαγδαλήνη*. Первоначально это был, видимо, грецизм с закономерной субституцией звуков, который затем был переосмыслен (как считал В. А. Погорелов, изменен «по аналогии» (Погорелов 1930: 3)) в качестве суффиксального образования.

Сочетаемость с основами греческого происхождения наблюдается также у суффикса -ьstv(o). Существительные с этим суффиксом образуются от наименований лиц. Судя по данным Словаря 1994, в рукописях старославянского канона можно насчитать до девяти подобных образований, для семи из них в качестве мотивирующих слов можно указать старославянские грецизмы: апостольство от апостолз (греч. *ἀπόστολος*), днаконьство от днаконз (греч. *διάκονος*), епнсоупство от епнсоупз (греч. *ἐπίσκοπος*), ньеренство [ijerejʹstvo] от

нирен (греч. ἱερεύς), крѣстнианство [krǣstijanъstvo] от крѣстнианъ (греч. χριστιανός), патрнаршество от патрнархъ (греч. πατριάρχης), презвнтерство от презвнтеръ (греч. πρεσβύτερος), рнторство от рнторъ (греч. ῥήτωρ, Деян 24:1 Христ, Мат). Гапакс же Супрасльской рукописи анагностство ‘служба чтеца’, возник, скорее всего, как образование с суффиксом *-ьstv(o)* от греч. ἀναγνώστης ‘чтец’ непосредственно при переводе греч. τῶν ἀναγνώστων τάξις. Грецизм анагностъ вряд ли мог быть мотивирующим для этого существительного, так как он встречается в гораздо более поздних церковнославянских рукописях (SJS I: 33; Срезн I: 22).

Существительные от основ греческого происхождения с другими суффиксами в старославянских текстах встречаются редко, но были возможны. Среди наименований лиц по месту их происхождения находим образования с суффиксом *-in(ь)*: гапакс Саввиной книги сврннъ ‘сириец’ (греч. Σύρος, Л 4:27), который в системе старославянских словообразовательных мотивационных отношений можно считать образованным от названия страны сврннъ (греч. Συρία) ‘Сирия’ (Л 2:2 Ас, Сав, Зопр, Мар, Пс 59:2 Син и др.); роумннъ ‘римлянин’ (Супр 382,19; Супр 433,14) – ср. прил. роумьскъ ‘римский, латинский’ (Л 23:38 Ас; Супр), наречие роумьскы ‘по-латыни’ (И 19:20 Сав; Супр). Среди наименований лиц можно указать также на образование с суффиксом *-ьnik(ь)* клнросьннкъ ‘клирик’, где в качестве производящей основы использовано целиком греческое слово κλήρος ‘клир’. Среди существительных с конкретным предметным значением можно отметить слово ѿмьмянница ‘кадильница’ (Супр 297,19–20), образованное с суффиксальным комплексом *-ьnic(a)* от грецизма ѿмьмянъ (греч. θυμίαμα) ‘ароматическая смола для курения, ладан’ (Супр 228,26) (написание этого грецизма колеблется: ѿмьмянъ, ѿзмьмянъ, тьмннанъ, темьѣнъ).

* * *

Анализ сочетаемости славянских словообразовательных морфем с производящими основами греческого происхождения обнаруживает избирательность славянских книжников по отношению к словообразовательным морфемам в этих случаях. Конечно, в процессы взаимодействия с языком греческих оригиналов были вовлечены в

первую очередь продуктивные словообразовательные аффиксы, но их вовлеченность не всегда объясняется только продуктивностью. Как показывает анализ материала, разные славянские словообразовательные морфемы обнаруживают не одинаковую словообразовательную валентность по отношению к производящим основам греческого происхождения. Так, «основной» суффикс прилагательных *-ьп-*, самый распространенный, обладавший самым широким спектром словообразовательных значений, такой валентности не демонстрирует. Из более чем тысячи слов, употребляющихся в рукописях старославянского канона и имеющих в своей структуре этот суффикс, можно указать лишь несколько прилагательных с основой греческого происхождения: *аерьнз* (греч. *ἀήρ*), *алгоуннз* [algujъпъ] ‘из алоз’ (греч. *ἀλοή*), субстантивированное *еинннз* в значении ‘грек’ (гапак Мар) от *еиннз* ‘грек’ (греч. *Ἕλλην*), *змрьннз* (греч. *σμίρνα*), *каднлннз* и *канзднлннз* от *каднло* ‘ладан, фимиам’ и *канзднло* ‘лампада’ соответственно (ср.-греч. *κανδήλα* или *κάνδηλον*), *кнньсьнз* (греч. *κῆνος*), *мврннз* (греч. *μύρον*), *нардынз* (греч. *νάρδος*), *роусалннз* от *роусалнн* (ж. р. мн. ч., в календаре Сав) ‘Троицын день’ (ср.-греч. *ῥουσάλια* первоначально ‘праздник роз’), *сѣботнз* от *сѣбота* (традиционно считается, что из ср.-греч. *σάββατον*, но см. ESJS 14: 860), *хрнзмннз* (греч. *χρίσμα*). При этом даже среди этих нескольких прилагательных не все слова образованы от книжных грецизмов, заимствованных в процессе перевода, т. е. в процессе «текст → текст», так как слова *хрнзма*, *каднло*, *роусалнн*, *сѣбота* проникли в народную славянскую речь до эпохи кирилло-мефодиевских переводов. Показательно, что *хрнзма*, начиная с евангельских и псалтырных переводов, передает не греч. *χρίσμα*, а греч. *μύρον*; *каднло*, начиная с псалтырного текста переводит не греч. *κάνδηλον*, а греч. *θυμίαμα*. Слова *роусалнн* и *сѣбота* заимствованы, возможно, не из ср.-греч. (*ῥουσάλια*, *σάββατον*), а через латинское посредство (Фасмер III: 520; III: 792). О «неестественности» для старославянского словообразования сочетаемости суффикса прилагательных *-ьп-* с производящими основами греческого происхождения свидетельствует и разночтение в старославянских кодексах в Мт 22:19: отмеченному выше прилагательному с суффиксом *-ьп-* *кнньсьнз*, образованному от старославянского грецизма *кнньсь/кнньсьз* ‘налог, подать’, в Саввиной книге в этом чтении соответствует прил. *кнньсовз* с суффиксом *-ов-*. Ср.:

Мт 22:19: Ἐπιδείξατέ μοι τὸ νόμισμα τοῦ χήνου.

– покажите мн скл^лазъ кннѣсѣнѣ Мар, Ас

– покажете мн скл^лазъ кннѣсѣнѣ Сав.

Суффикс *-ov/-ev-*, напротив, обнаруживает самую высокую степень такой валентности по отношению к основам греческого происхождения: из 133 прилагательных с вариантом суффикса *-ov-*, отмеченных в рукописях старославянского канона, только 11 слов образованы от славянских основ, а из 32 прилагательных с вариантом суффикса *-ev-* от славянских основ образованы всего восемь слов. Как было показано выше, основным предназначением суффикса *-ov/-ev-* на начальной стадии становления старославянского лексического инвентаря было образование прилагательных от наименований лиц и имен собственных, однако в сочетании с основами греческого происхождения этот суффикс проявляет «экспансию» и в образовании прилагательных других семантических групп. Так, «старые» славянские притяжательные прилагательные от названий животных, используемые и в старославянских текстах, – это прилагательные с суффиксом *-ьj-* (коурнн [kurijъ] ‘петуший, петушиный’, львнн [lvvijъ] ‘львиный, льва’, пьснн [pъsijъ] ‘собачий, песий’, скотнн [skotijъ] ‘относящийся к скоту’) или с йотовым морфонологическим чередованием согласных в исходе производящей основы (вельбѣждь ‘верблюжий’, козьль ‘козлиный’, орль ‘орлиный’, осьль ‘ослиный’, овьчь ‘овечий’, овьнь ‘бараний’, ѡрьмьнчъ ‘вьючного животного’, юннчъ ‘молодого быка’, ѡлень ‘олений’). Встречаются также в рукописях старославянского канона четыре прилагательных, образованных от славянских наименований живых существ, с суффиксом *-in-* (голѣбннз от голѣбь, осьл^лтннз от осьла, Ген. осьла^{те}, змнннз от змнн или змнѧ, звѣрннз от звѣрь) и три – с суффиксом *-ьsk-* (коньскъ от конь, львьскъ от львъ, звѣрннъскъ (с «удвоенной суффиксацией») от звѣрь). С основами греческого происхождения при образовании прилагательных от наименований животных эти словообразовательные форманты не сочетаются, но используется суффикс *-ov/-ev-*. Если от славянских наименований животных с суффиксом *-ov/-ev-* в рукописях старославянского канона встречаются только прилагательные львовъ ‘льва’ и змнѣвъ ‘змея, змеиный’, то с основами греческого происхождения – четыре прилагательных. Прил. аспндовъ ‘змеиный, гадучий’

(Мт 12:34 Сав) образовано от соответствующего старославянского грецизма аспнда (греч. *ἀσπίς*, Gen. *ἀσπίδος* [*ἀσπίδ-ος*]) ‘змея, гадюка’ (Пс 57:5 Син; Пс 90:13 Син). Прил. еродовъз ‘цапли’ (Пс 103:17, га-пакс Син) было, видимо, образовано непосредственно от основы греч. *ἔρωδιός* (Gen. *ἔρωδιού*). Прил. еродовъз оказалось «неукорененным» в языке: в более поздних списках Псалтыри находим перевод *ἔρωδιού* как ероднѣвз (Пог, Лоб, Пар), т. е. с вариантом суффикса *-ev-* (соответственно при этом без усечения греческой основы и с добавлением *-j-*: *ἔρωδι-οῦ* – [erodij-evъ]). Прил. ехндыовъз ‘гадючий’ (Ас, Сав, Зопр, Мар) также было, возможно, образовано непосредственно от основы греч. *ἔχιδνα* [*ἔχιδν-α*], так как старославянский грецизм ехндыа появляется в несколько более поздних переводах (Супр 183,21–22; Изб.1073 134b5; Изб.1073 174d2–3; Шест 181a6; Шест 181b10 и др.). То же, видимо, можно предполагать и по отношению к прил. кнтоъз (греч. *κῆτος* [*κῆτ-ος*]) ‘китовый’ (Мт 12:40 Зопр, Мар), так как грецизм кнтъз появляется тоже в несколько более поздних переводах (Супр 401,8–9; Супр 478,26; Изб.1073 172a10; Изб.1073 255b13, в то же время в Изб.1073 18d27 видим вариант кнтосъ – мест.п. кнтосъ)¹¹.

Наблюдается экспансия суффикса *-ov/-ev-* и в семантическую группу прилагательных с основами греческого происхождения, образованных от географических названий. Как было показано выше, здесь была «сфера действия» суффикса *-ьsk-*. Тем не менее в старославянских рукописях встречаются и прилагательные с суффиксом *-ov-*: дамасковъз, ефремовъз, нieroуcалнмовъз, норздановъз, кнсовъз, сноновъз. Прил. кнсовъз образовано от усеченной основы греч. *Κίσιων* [*Κίσι-ων*] в составе названия канала:

Пс 82:10: *ποίησον αὐτοῖς ὡς τῇ Μαδιαμ καὶ τῷ Σισαρα ὡς ὁ Ιαβιν ἐν τῷ χειμάρρῳ Κίσιων*

– сзтворѣ мз ѣко і мадіѣмоу ї снсарѣ . ѣко іавіановѣ вз потоцѣ кисовѣ . Син.

¹¹ Именно в сильной тенденции к экспансии суффикса *-ov/-ev-* при образовании прилагательных от основ греческого происхождения в другие семантические группы следует видеть причину образования прил. аспндовъз и ехндыовъз с этим суффиксом, а не во влиянии варианта м. р. *aspídē*, зафиксированного в списках паремейника конца XIII – начала XIV вв., как предполагала (правда, не очень уверенно) М. Прикрылова (Прикрылова 1997: 26–27).

За исключением прил. *сноновъ*, все эти слова малочастотны, что говорит об их «неукорененности» в языке – ср. единственное употребление прил. *норздановъ* в Синайском евхологии (5а 1–2) по сравнению с частотностью прил. *норзданьскъ* с суффиксом *-ьsk-*, которое встречается в рукописях старославянского канона 19 раз. В отношении же прил. *сноновъ* следует, видимо, учесть, что название горы Сион в сознании книжника было не столько географическим, сколько символизирующим – в качестве обозначения города Давидова – царство Божие на земле и на небе.

Наблюдается экспансия в семантическую группу прилагательных с основами греческого происхождения, образованных от географических названий, и форманта, в эпоху старославянского языка проявлявшего себя как йотовое морфонологическое чередование согласных: *ерзмоуѣнь*, *нироусалнмль*, *кврестнѣнь*, *сноуамль*, *сноѣнь*, *соваль*. Что касается прилагательных *кврестнѣнь* и *соваль*, то, видимо, они образованы непосредственно от основ слов, взятых из греческого текста. Ср.: *εἰς τὴν Κυρεστῶν πόλιν* – въ *кврестнѣнь* градъ Супр 218,9; *τὴν Συρίαν Σωβάλ* – *соурнѣнь совальѣ* Пс 59:2 Син.

С другой стороны, и у суффикса *-ьsk-* наблюдается тенденция к экспансии в образование от основ греческого происхождения прилагательных с самой различной семантикой. К прилагательным, образованным от географических названий, с точки зрения семантики близки прилагательные с суффиксом *-ьsk-* *адьскъ* (Клоц, Супр) и *адовьскъ* (Супр) от *адъ* (греч. *ἄδης*) ‘ад, пекло’ (Ас, Сав, Зогр, Мар, Син и др.), а также *трзторьскъ* (Евх) от *трзторъ* (греч. *τάρταρος*) ‘преисподняя, тартар’ (Евх). Встречаются прилагательные с суффиксом *-ьsk-* и в других семантических группах: *евангелннскъ* [evanġeliĵskъ] (Супр) и *евангелъскъ* с усечением основы (Клоц, Супр) от *евангелне* [evanġeliĵe] (греч. *εὐαγγέλιον*), *ндольскъ* (Евх, Клоц) от *ндолъ* (Син, Евх, Супр, греч. *εἶδωλον* – ESJS 4: 237), *моуснѣннскъ* [musik’iĵskъ] ‘занимающийся музыкой’ от греч. *μουσική* [*μουσικ-ѣ*] ‘музыка’ или *μουσικός* [*μουσик-ѣс*] ‘музыкант’ (греческий оригинал текста к Синайскому евхологию на л. 88а 3 не найден).

Послесловие

Тема «Пути формирования старославянского лексического фонда», вынесенная в название настоящей монографии, с ее написанием очень далека, конечно, от исчерпанности. Все же монография подводит некоторые итоги многолетним исследованиям автора в этом направлении. Автору представлялось необходимым и своевременным представить научному сообществу славистов свой взгляд на формирование старославянского лексического инвентаря, свое понимание процессов, проходивших в «творческих лабораториях» славянских первоучителей свв. Кирилла и Мефодия, их учеников и последователей, – понимание, хотя и опирающееся на огромный опыт изучения кирилло-мефодиевского наследия, но во многих случаях отступающее от традиционного.

В первой главе монографии автор изложил принципы и методы исследований старославянской лексики, которых он придерживался в последние годы своей научной работы и которые нашли свое применение в последующих главах, посвященных различным способам пополнения старославянского лексического фонда. Здесь особо хотелось бы подчеркнуть, что при определении круга источников для изучения старославянской лексики автор не видит принципиальной разницы между позициями Р. М. Цейтлин и акад. Н. И. Толстого. Когда дело касалось конкретных исследований, разногласий между учеными не было и быть не могло, спор шел, скорее, о терминологии. Все же при изучении путей формирования старославянского лексического фонда целесообразно принять ту трактовку понятия «старославянский язык», которая выражена в позиции, сформулированной акад. Н. И. Толстым, так как в таком случае материалом исследования становится не лексический инвентарь случайно сохранившихся рукописей «старославянского канона», а лексический инвентарь языка, реально существовавшего во второй половине IX – начале XI вв. В первой главе описываются также предложенные ранее автором монографии новые методы изучения старославянской лексики – метод «от греческой лексемы к старославянской» (т. е. метод сопоставления греческой лексики со старославянской, при котором

«отправным пунктом» является греческая лексема) и метод изучения старославянской лексики в тезаурусных греческо-старославянских группах (уже ранее примененный автором на практике при изучении старославянских наименований лиц). Особое значение для выявления номинационной стратегии славянских книжников имеет, по мнению автора, разделение старославянского лексического фонда на старую славянскую лексику, почерпнутую книжниками из народной славянской речи того времени, и новую старославянскую лексику, которую создавали сами книжники в процессе переводов. Отметим кстати, что такая дифференциация старославянской лексики – хотя и связанная с рассмотренными автором немалыми проблемами – важна не только для исследований по самому старославянскому языку, но и для исторического языкознания вообще. Без выявления той части общеславянского лексического фонда, которая была создана самими славянскими книжниками, невозможна ни адекватная оценка границ праславянского лексического фонда, ни успешное изучение лексики отдельных славянских литературных языков и ее истории. Высказываются также в этой главе и соображения автора по сложнейшей и, видимо, одной из наиболее актуальных проблем современной палеославистики – проблеме исследования особенностей лексического узуса Охридской и Преславской школ письменности, их сходства и различий.

Гипотеза о существовании переводческой установки св. Кирилла на использование суффиксации определенными продуктивными суффиксами при деривации и образовании композитов для компенсации греческого артикля обосновывается во второй и третьей главе монографии. Путем анализа языкового материала автор постарался показать, что по замыслу св. Кирилла использование продуктивных старославянских суффиксов в процедурах деривации не было предназначено для калькирования греческих суффиксов (которых иногда просто не было у передаваемых старославянскими однокорневыми дериватами греческих слов), но роль старославянской суффиксации состояла во многих случаях *в компенсации греческого артикля*, выступавшего в языке греческих оригиналов в качестве субстантивизатора. Анализ языкового материала подтверждает также высказывавшиеся ранее автором данной монографии соображения, что поморфемное калькирование особенно нуждается в переосмыслении

его содержания в качестве словообразовательной процедуры в старославянском языке и что существует принципиальное различие между процедурами образования композитов и образования однокорневых суффиксальных дериватов. При создании старославянского композита, помимо использования славянских классифицирующих (т. е. словообразовательных и словоизменительных) морфем, книжники переводили, как правило, две корневые морфемы греческого композита, т. е. в определенной мере подражали морфологической структуре греческого слова. Однако массу однокорневых старославянских дериватов с продуктивными суффиксами нет никаких оснований зачислять в поморфемные кальки.

Сопоставление в третьей главе монографии словообразовательных моделей старославянских композитов со словообразовательными моделями их греческих образцов демонстрирует довольно высокую степень свободы славянских книжников в выборе словообразовательных моделей. Выбранная ими модель в каждом конкретном случае могла как совпадать со словообразовательной моделью греческого образца, так и не совпадать, демонстрируя их ориентированность на старославянский словообразовательный механизм. В этой главе автор показывает также, каким образом первоначальная установка св. Кирилла на перевод двукорневых греческих слов простыми словами (*simplex*'ами) в дальнейшем эволюционирует в сторону перевода композитами. Однако сохраняется другая установка св. Кирилла – на использование в процедуре калькирования двукорневых греческих слов продуктивных суффиксов, которые указывали на частеречную принадлежность новообразованного слова к адъективам либо к субстантивам. Автор обращает внимание на то, что суффиксация продуктивными суффиксами отличала старославянское сложение от сложения в славянской народной речи того времени и использовалась шире, чем в греческом сложении. Автор выдвигает еще одну гипотезу: в отсутствие артикля как такового в славянском грамматическом строе, суффиксация намеренно вводится св. Кириллом в процедуру образования композитов с целями различения композитов-адъективов и композитов-субстантивов, номинирующих предметы (чаще всего лиц).

Номинации субстантивированными причастными формами и несколькословные номинации рассматриваются в четвертой и пятой гла-

вах монографии. Здесь свою задачу автор видел в выявлении критерия, по которому эти наименования следует считать единицами старославянского лексического фонда, и приходит к выводу, что единственным критерием, на который можно положиться при интерпретации старославянского текста, является выполнение этими наименованиями функции номинации лингвистических концептов. Суммируя определения лингвистического концепта представителей разных школ и направлений, автор понимает «лингвистический концепт» как некую дискретную единицу ментального лексикона носителя языка, однако, поскольку при анализе старославянских текстов по большей части мы имеем дело с «конкретными» концептами, их более традиционно можно было бы называть стоящими за словами понятиями. По характеру номинирования лингвистического концепта автор разделяет номинации субстантивированными причастными формами на два вида, усматривая в них принципиальные различия: к первому относятся наименования предметов (в широком смысле, в том числе лиц), номинирующие их по постоянным действиям, постоянным состояниям и свойствам, ко второму – наименования предметов (лиц), номинирующие их по непостоянным действиям и непостоянным состояниям.

Шестую главу монографии автор посвящает переводческим установкам св. Кирилла, благодаря которым удавалось преодолеть такое различие в грамматическом строе греческого и славянского языка эпохи первых переводов на старославянский язык, как наличие в греческом языке адъективных и адвербиальных суперлативных форм и отсутствие славянских специальных (синтетических) адъективных и адвербиальных суперлативных форм. В старославянских текстах наблюдается многообразие способов передачи греческого суперлатива, которое обусловлено целым рядом взаимоперекрещивающихся факторов, и не в последнюю очередь тем, что в греческом языке эпохи создания текстов Св. Писания и раннехристианской литературы уже начался процесс смешения компаративных и суперлативных форм. Кроме того, суперлативное значение могли иметь в греческом языке и позитивные формы прилагательных и наречий, иногда «подкрепленные» наречиями типа *λίαν*. Автор описывает разнообразные способы перевода греческих суперлативных форм и форм с суперлативным значением средствами старославянского языка.

И, наконец, изучая пути пополнения старославянского лексического фонда, нельзя было пройти мимо такого интересного явления, как непосредственное вовлечение основ греческого происхождения в словообразовательные процедуры. Это явление, особенно характерное для начального этапа становления старославянского языка, рассматривается в седьмой главе монографии.

Автор пользуется случаем, чтобы выразить глубокую благодарность рецензентам монографии – д. ф. н., проф. М. И. Чернышевой и к. ф. н. И. В. Вернер. Автор благодарит также сотрудников Отдела славянского языкознания Института славяноведения РАН, принявших активное участие в обсуждении монографии и сделавших ценные замечания, особенно М. Н. Саенко, М. М. Алексею и А. К. Поливанову, проделавшую большую работу в качестве корректора.

Сокращения

- Ас – Ассеманиево евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: *Kurz J. Evangeliâĭ Assemanŭv. Praha, 1955.*
- Бан – Баницкое евангелие, среднеболгарская рукопись XIII в.; изд.: Банишко евангелие: Среднобългарски паметник от XIII в. / Подг. за печат Е. Дограмаджиева, Б. Райков. София, 1981.
- Бол – Болонская псалтырь, среднеболгарская рукопись XIII в.; изд.: Болонски псалтир: Български книжовен паметник от XIII век. София, 1968.
- Врач – Врачанское евангелие, среднеболгарская рукопись XIII в.; изд.: *Б. Цонев. Врачанско евангеле: среднобългарски паметник от XIII в. / Български старини. София, 1914. Кн. IV.*
- Вук – Вуканово евангелие, древнесербская рукопись XII/XIII в. (ок. 1200 г.); изд.: *J. Vrana. Вуканово еванђеље. Београд, 1967.*
- Галиц – Галицкое четвероевангелие, древнерусская рукопись 1144 г.; изд.: *Архим. Амфилохий. Четвероевангелие Галицкое 1144 года. М., 1882–1883. Т. I–III.*
- Герм – Германов сборник, среднеболгарская рукопись 1358/1359 г.; изд.: *Е. Мирчева. Германов сборник от 1358/1359 г.: Изследване и издание на текста. София, 2006.*
- Гильф – Апостол Гильфердинга, древнесербская рукопись XIV в. (РНБ, Гильф. 14), цит. по SJS и Христ.
- Гом-Вейк – «Гомилия ван Вейка» в Венском кодексе № 137 (152), среднеболгарская рукопись XIII в.; изд.: *N. van Wijk. Die älteste kirchenslavische Übersetzung der Homilie Eîs tòn eŭaγγeλισμὸν τῆς ὑπεραγίας Θεοτόκου // Byzantinoslavica. Roč. 7. Praha, 1937/1938. S. 108–123.*
- Григ – Григоровичев паремейник, среднеболгарская рукопись XII–XIII в.; изд.: *Рибарова Зд., Хаунтова З. Григоровичев паримејник. Скопје, 1998.*
- Добр – Добрейшово евангелие, среднеболгарская рукопись XIII в.; изд.: *Б. Цонев. Добрейшово четвероевангеле: Среднобългарски паметникъ от XIII в. / Български старини. София, 1906. Кн. I.*
- Добрм – Добромирово евангелие, среднеболгарская рукопись XII в.; изд.: Добромирово евангелие: Български паметник от началото на XII век / Подг. за изд. Б. Велчева. София, 1975.

- Дражд – Драждянское евангелие, древнечешская рукопись 70–80 гг. XIV в.; изд.: *Staročeská bible Drážďanská a Olomoucká. I. Evangelia. Praha, 1981.*
- Евх – Синайский евхологий, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: *Nah-tigal R. Euchologium Sinaiticum. Ljubljana, 1942. D. 2.*
- Ен – Енинский апостол, древнеболгарская рукопись XI/XII в.; изд.: *Мирчев К., Кодов Хр. Енински апостол. Старобългарски паметник от XI век. София, 1965.*
- Зах – Захариинский паремейник, древнерусская рукопись 1271 г., цит. по SJS.
- Зогр – Зографское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: *Jagić V. Quattuor evangeliorum codex glagoliticum dim Zographensis nunc Petropolitanus. Berolini, 1879.*
- Зогр-лл – Зографские листки, древнеболгарская рукопись XI в.; изд.: *Минчева А. Старобългарски кирилски откъслци. София, 1978. С. 39–45.*
- Изб 1073 – древнерусская рукопись 1073 г.; изд.: Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073). София, 2015. Т. 3: Гръцки извори.
- Клоц – Клоцов сборник, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: *Dostál A. Clozianus. Praha, 1959.*
- Лоб – Лобковская псалтырь, глаголическая хорватская рукопись XIV в.; изд.: *Vajs J. Psalterium palaeoslovenicum croatico-glagoliticum. Pragaе, 1916.*
- Лобк – Лобковский паремейник, среднеболгарская рукопись XIII/XIV в., цит. по SJS.
- Мар – Мариинское евангелие, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: *Ягич И. В. Мариинское четвероевангелие. Graz, 1960.*
- Мат – Матичин апостол, древнесербская рукопись XIII в.; изд.: *Ковачевић Р., Стефановић Д., Богдановић Д. Матичин апостол (XIII век). Београд, 1979.*
- НомУст – древнерусская рукопись XIII в., цит. по SJS.
- Норов – Норовская псалтырь, среднеболгарская рукопись XIV в.; изд.: Норовская псалтырь: Среднеболгарская рукопись XIV в. / Изд. подг. Е. В. Чешко, И. К. Бунина, В. А. Дыбо, О. А. Князевская, Л. А. Науменко. София, 1989.
- Олом – Оломоуцкое евангелие, древнечешская рукопись начала XV в.; изд.: *Staročeská bible Drážďanská a Olomoucká. I. Evangelia. Praha, 1981.*
- Остр – Остромирово евангелие, древнерусская рукопись 1056–1057 г.; изд.: Остромирово евангелие 1056–1057 года с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым / *Monumenta linguae slavicae. Wiesbaden, 1964. Т. I.*

- Охр – Охридский апостол, среднеболгарская рукопись XIII в.; изд.: *Кульбакин С. М.* Охридская рукопись апостола конца XII века / Български старини. София, 1907. Кн. III.
- Пар – Парижская псалтырь, глаголическая хорватская рукопись XIV в.; изд.: *Vajs J.* Psalterium palaeoslovenicum croatico-glagoliticum. Pragaе, 1916.
- Пог – Погодинская псалтырь, среднеболгарская рукопись XII в.; изд.: *Jagić V.* Psalterium Bononiense. Vindobonae; Berolini; Petropoli, 1907.
- Похв.Дм.Солун. – Похвальное слово Дмитрию Солунскому. РНБ, Соф. 1385 (русская рукопись 1490 г.); изд.: *Ангелов Б. Ст., Куев К. М., Кодов Хр.* Климент Охридски: Събрани съчинения. София, 1970. Т. 1. С. 221–237.
- Похв.Кл.Рим. – Похвальное слово Клименту Римскому. ГИМ, Чуд. 20. XIV в.; изд.: *Ангелов Б. Ст., Куев К. М., Кодов Хр.* Климент Охридски: Събрани съчинения. София, 1970. Т. 1. С. 287–305.
- Сав – Саввина книга, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: Саввина книга. Древнеславянская рукопись XI, XI–XII и конца XIII века / Изд. подг. О. А. Князевская, Л. А. Коробенко, Е. П. Дограмаджиева. М., 1999. Ч. I.
- Син – Синайская псалтырь, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: *Северьянов С. Н.* Синайская псалтырь. Graz, 1954.
- СинН – Синайская псалтырь, древнеболгарская рукопись X–XI вв. (новооткрытая часть); изд.: *Psalterii Sinaitici pars nova (monasterii s. Catharinae codex slav. 2/N) / Sub red. F. Mareš.* Wien, 1997.
- Слепч – Слепченский апостол, среднеболгарская рукопись XII в.; изд.: *Ильинский Г. А.* Слепченский апостол XII века. М., 1912.
- Сл.Захар. – Похвальное слово на память пророка Захария и о Рождестве Иоанна Крестителя. РНБ, Погод. 872. XIV в.; изд.: *Ангелов Б. Ст., Куев К. М., Кодов Хр.* Климент Охридски: Събрани съчинения. София, 1970. Т. 1. С. 158–185.
- Сл.наВерб. – Похвальное слово на Вербное воскресение. РНБ, Ф. п. I. 46. XII в.; изд.: *Ангелов Б. Ст., Куев К. М., Кодов Хр.* Климент Охридски: Събрани съчинения. София, 1970. Т. 1. С. 586–597.
- Струм – Струмицкий апостол, среднеболгарская рукопись XIII в.; изд.: *Блахова Е., Хауптова З.* Струмички (Македонски) апостол. Кирилски споменик од XIII век. Скопје, 1990.
- Супр – Супрасльская рукопись, древнеболгарская рукопись X–XI вв.; изд.: *Severjanov S.* Codex Suprasliensis / Editiones monumentorum slavlicorum veteris dialecti. Graz, 1956. Т. I–II.

- Христ – Христинопольский апостол, древнерусская рукопись XII в.; изд.: *Kalužniacki E. Actus epistolaeque apostolorum palaeoslovenice ad fidem codicis Christopolitani. Vindebonae, 1896.*
- Шест – Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, древнесербская рукопись 1263 г.; изд.: *Aitzetmüller R. Das Hexaameron des Exarchen Joannes / Editiones monumentorum slavico veteris dialecti. Graz, 1958–1971. Т. I–VI.*
- Шест-Бар – Шестоднев Иоанна Экзарха Болгарского, русская рукопись XV в.; изд.: Шестоднев Иоанна экзарха Болгарского. Ранняя русская редакция / Изд. подг. Г. С. Баранкова. М., 1998.
- Шиш – Шишатовачкий апостол, древнесербская рукопись 1324 г.; изд.: *Štefanović D. E. Apostolus Šišatovacensis anni 1324. Wien, 1989.*
- F.I.461 – среднеболгарская рукопись конца XIV в.; изд.: Старобългарският превод на Стария завет / Под ред. С. Николовой. София, 1998. Т. 1; София, 2003. Т. 2.

Литература

- Ангелов 1970; 1977; 1973 – Климент Охридски. Събрани съчинения / Обр. Ангелов Б. Ст., Куев К. М., Кодов Хр. София, 1970. Т. 1; Климент Охридски. Събрани съчинения / Обр. Ангелов Б. Ст., Куев К. М., Кодов Хр., Иванова Кл. София, 1977. Т. 2; Климент Охридски. Събрани съчинения / Обр. Ангелов Б., Кодов Хр. София, 1973. Т. 3.
- Андријевска 2003 – *Андријевска Н.* Преводот на грчкото привативно алфа во старите македонски текстови. Скопје, 2003.
- Баранкова 1998 – Шестоднев Иоанна екзарха Болгарского. Ранняя русская редакция / Изд. подг. Г. С. Баранкова. М., 1998.
- Благова 1966 – *Благова Э.* Гомилии Супрасльского и Успенского сборников // Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966.
- Благова 1980 – *Благова Э.* Лексика Супрасльской рукописи и лексика Иоанна Екзарха // Проучвания върху Супрасълския сборник – старобългарски паметник от X век. София, 1980.
- Болдырев 2002 – *Болдырев Н. Н.* Когнитивная семантика. Тамбов, 2002.
- Вайан 1952 – *Вайан А.* Руководство по старославянскому языку. М., 1952.
- Вендина 2002 – *Вендина Т. И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.
- Верещагин 1967 – *Верещагин Е. М.* К вопросу об использовании греческой лексики в первых славянских переводах // Советское славяноведение. 1967. №. 6.
- Верещагин 1971 – *Верещагин Е. М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. М., 1971. Ч. 1. Переводческая техника Кирилла и Мефодия.
- Верещагин 1972 – *Верещагин Е. М.* Из истории возникновения первого литературного языка славян. М., 1972. Ч. 2. Варьирование средств выражения в переводческой технике Кирилла и Мефодия.
- Верещагин 1997 – *Верещагин Е. М.* История возникновения древнего общеславянского литературного языка: Переводческая деятельность Кирилла и Мефодия и их учеников. М., 1997.
- Верещагин 2001 – *Верещагин Е. М.* Церковнославянская книжность на Руси: Лингвотекстологические разыскания. М., 2001.

- Верещагин 2012 – *Верещагин Е. М.* Кирилло-Методиевское книжное наследие: Межъязыковые, межкультурные, межвременные и междисциплинарные разыскания. М., 2012.
- Верещагин 2015 – *Верещагин Е. М.* Климентов канон Евфимию Великому и его Vorlage // *Palaeobulgarica*. 2015. Год. XXXIX. №. 1.
- Верещагин, Костомаров 2005 – *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, речеповеденческих тактик и сапиентемы. М., 2005.
- Вечерка 1985 – *Вечерка Р.* Письменность Великой Моравии // Великая Моравия: Ее историческое и культурное значение. М., 1985.
- Вялкина 1964 – *Вялкина Л. В.* Сложные слова в древнерусском языке в их отношении к языку греческого оригинала (на примере Ефремовской кормчей) // Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка. М., 1964.
- Вялкина 1966 – Греческие параллели сложных слов в древнерусском языке XI–XIV вв. // Лексикология и словообразование древнерусского языка. М., 1966.
- Вялкина 1974 – *Вялкина Л. В.* Словообразовательная структура сложных слов в древнерусском языке XI–XIV вв. // Вопросы словообразования и лексикологии древнерусского языка. М., 1974.
- Грамматика 1991 – Грамматика на старобългарския език: Фонетика: Морфология: Синтаксис / Главен ред. И. Дуриданов. София, 1991.
- Григорьев 2006 – *Григорьев А. В.* Русская библейская фразеология в контексте культуры. М., 2006.
- Гълъбов 1966 – *Гълъбов И.* Климент Охридски и ранните школи на стария българския книжовен език // Български език. 1966. № 5.
- Делева 1997 – *Делева А.* кѣнѣгы – произход и значение на думата // Преславска книжовна школа. София, 1997. Т. 2.
- Добрев 1978 – *Добрев И.* Гръцките думи в Супрасълския сборник и втората редакция на старобългарските богослужбени книги // Български език. 1978. № 2.
- Добрев 1979 – *Добрев И.* Текстът на Добромировото евангелие и втората редакция на старобългарските богослужбени книги // Български език. 1979. № 1.
- Добрев 1983 – *Добрев И.* Кои старобългарски текстове са най-близо до Кирило-Методиевия евангелски превод // Старобългарска литература. 14. 1983.

- Дограмаджиева 1980 – *Дограмаджиева Е.* Вариативността на съюзните средства в Супрасълския сборник // Проучвания върху Супрасълския сборник от X век. Доклади и разисквания пред Първи международен симпозиум за Супрасълския сборник, 28–30 септември 1977, Шумен. София, 1980.
- Досева 2003 – *Досева Ц.* Неодушевени съществителни имена с наставката -(ъ)нца в новгородските минеи от 1095–1097 г. // Преславска книжовна школа. Шумен, 2003. Т. 7.
- Досева 2012 – *Досева Ц.* Имена со значением лиц в древнерусских списках миней (композиции с суффиксом -теѡъ) // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: Слово и текст. М., 2012.
- Досева 2013 – *Досева Ц. Г.* Имена за лица в Новгородските минеи от 1095–1097 г. / Дисертационен труд за присъждане на образователната и научна степен «доктор». София, 2013.
- Дунков 1985 – *Дунков Д.* Супрасълският сборник и етапи в развитието на преславската редакция на старобългарските книги // Език и литература. 1985. № 5.
- Дунков 1990 – *Дунков Д.* Наблюдения върху състава на Супрасълския сборник // Език и литература. 1990. № 4.
- Дыбо 2011 – *Дыбо А. В.* Булгары и славяне: фонетические явления в ранних заимствованиях // Слова. Концепты. Мифы. К 60-летию А. Ф. Журавлева. М., 2011.
- Евсеев 1897 – *Евсеев И. Е.* Книга пророка Исаии в древнеславянском переводе. I–II. СПб., 1897.
- Евсеев 1905 – *Евсеев И. Е.* Книга пророка Даниила в древнеславянском переводе. М., 1905.
- Ефимова 1989 – *Ефимова В. С.* О значении наречий *вельмн*, *мзного* и *сѡло* в языке старославянских рукописей // Этимология 1986–1987. М., 1989.
- Ефимова 1991 – *Ефимова В. С.* Старославянские отадъективные наречия с суффиксом -ѣ // Советское славяноведение. 1991. № 3.
- Ефимова 1999 – *Ефимова В. С.* О некоторых проблемах морфемного членения в старославянском языке // Славяноведение. 1999. № 2.
- Ефимова 1999а – *Ефимова В. С.* О некоторых тенденциях развития первого литературного языка славян в произведениях древнеболгарских писателей (на материале отадъективных наречий) // Проблемы славянской диахронической социолингвистики: динамика литературно-языковой нормы. М., 1999.

- Ефимова 2000 – *Ефимова В. С.* Об употреблении прилагательных в роли существительных в старославянских текстах // Славяноведение. 2000. № 1.
- Ефимова 2000a – *Ефимова В. С.* О выражении значения суперлатива формами компаратива в старославянском языке // Folia slavistica: Пале Михайловне Цейтлин. М., 2000.
- Ефимова 2002 – *Ефимова В. С.* Проблема реконструкции лексического фонда старославянского языка // Славянский альманах. 2001. М., 2002.
- Ефимова 2002a – *Ефимова В. С.* К характеристике книжной лексики в первом литературном языке славян (роль перевода Апостола) // Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков. М., 2002.
- Ефимова 2005 – *Ефимова В. С.* К вопросу о лексическом выражении отрицания в старославянском языке // Slavia. 2005. Roč. 74. Seš. 2/3.
- Ефимова 2006 – *Ефимова В. С.* Старославянская словообразовательная морфемика. М., 2006.
- Ефимова 2007 – *Ефимова В. С.* Влияние греческого языка на формирование лексического фонда старославянского языка // Межъязыковое влияние в истории славянских языков и диалектов: социокультурный аспект. М., 2007.
- Ефимова 2007a – *Ефимова В. С.* О старославянском калькировании как специфическом способе словообразования // Byzantinoslavica. 2007. T. LXV. Fasc. 2.
- Ефимова 2009 – *Ефимова В. С.* К вопросу о способах номинации лица в старославянском языке // Slavia. 2009. Roč. 78. Seš. 4.
- Ефимова 2010 – О субстантивации как способе образования наименований лица в старославянском языке: влияние греческих оригиналов // Византийский временник. 2010. Т. 69.
- Ефимова 2011 – *Ефимова В. С.* Лексический критерий в истории изучения памятников древнеславянской письменности и новые возможности его применения // Славянский альманах. 2010. М., 2011.
- Ефимова 2011a – *Ефимова В. С.* Наименования лиц в старославянском языке: Способы номинации и приоритеты выбора. М., 2011.
- Ефимова 2012 – *Ефимова В. С.* Некоторые наблюдения над номинацией лиц в старославянском евангельском тексте (на материале древнейших кодексов) // Язык Библии: лингвотекстологические исследования = Езикът на Библията: езиково-текстологични проучвания. М.; СПб., 2012.

- Ефимова 2012а – *Ефимова В. С.* К проблеме выявления факторов, влиявших на выбор способа номинации в древнейших славянских переводах // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: Слово и текст. М., 2012.
- Ефимова 2013 – *Ефимова В. С.* О проблеме дифференциации старославянского лексического инвентаря (в поисках кирилло-мефодиевских переводов) // Славянский альманах. 2012. М., 2013.
- Ефимова 2013а – *Ефимова В. С.* Риторические стратегии древнейших славянских гомилетических текстов // Языковая вариативность и культурный контекст. М., 2013.
- Ефимова 2014 – *Ефимова В. С.* Об изучении старославянской лексики в тезаурусных греческо-старославянских группах // Славянский альманах. 2013. М., 2014.
- Ефимова 2014а – *Ефимова В. С.* К вопросу о путях формирования старославянского лексического инвентаря // Филология и текстология. Юбилейный сборник в честь 70-годишната на проф. Уйлям Федер. Шумен, 2014.
- Ефимова 2015 – *Ефимова В. С.* К вопросу об изучении калькирования в старославянском языке // Славяноведение. 2015. № 2.
- Ефимова 2015а – *Ефимова В. С.* К определению статуса нескольких словных наименований лиц в старославянских текстах // Славянский альманах. 2015. № 3–4.
- Ефимова 2016 – *Ефимова В. С.* О преславизмах как тесте для определения места и времени создания древнейших славянских текстов // Исследования по славянской диалектологии. М., 2016. Вып. 18.
- Ефимова 2017 – *Ефимова В. С.* О границе между старославянскими лексическими единицами и словосочетаниями // Славянское и балканское языкознание: Палеославистика. М., 2017.
- Ефимова 2017а – *Ефимова В. С.* Греческий суперлатив в старославянском переводе // Славяноведение. 2017. №. 4.
- Ефимова 2018 – *Ефимова В. С.* Охридская и Преславская школы: некоторые сходства и различия в эволюции лексического инвентаря // Св. Климент Охридски в културата на Европа. София, 2018.
- Ефимова 2018а – *Ефимова В. С.* К вопросу об образовании старославянских сложных слов // Славяноведение. 2018. № 4.

- Ефимова 2019 – *Ефимова В. С.* К вопросу о путях формирования старославянского лексического фонда: о некоторых переводческих установках Св. Кирилла // *Наслеђе и стварање. Свети Ђирило. Свети Сава: 869 – 1219 – 2019.* Београд, 2019.
- Ефимова 2019а – *Ефимова В. С.* К вопросу о передаче в старославянском языке греческих композитов // *Славянское и балканское языкознание: Палеославистика–2.* М., 2019.
- Ефимова, Желязкова 2014 – *Ефимова В. С., Желязкова В.* К изучению лексики древнейших славянских рукописей Ветхого Завета в сопоставлении с лексикой рукописей Нового Завета и других рукописей «старославянского канона» // *Славяноведение.* 2014. № 4.
- Ефимова, Желязкова 2014а – *Ефимова В. С., Желязкова В.* Несколькословные номинации лиц в древнейших славянских рукописях // *Palaeobulgaria.* 2014. Год. XXXVIII. № 3.
- Желязкова 2014 – *Желязкова В.* Към историята на един словообразователен модел // *Актуални проблеми на балканистиката и славистиката. Доклади от Втората международна конференция, проведена на 9 и 10 ноември 2012 г. във Великотърновския университет «Св. св. Кирил и Методий».* Велико Търново, 2014.
- Жикова 2015 – *Жикова Ж.* Учителното евангелие на Константин Преславски – предварителни лексикални наблюдения // *Кирило-Методиевски четения* 2015. София, 2015.
- Журавлев 1982 – *Журавлев А. Ф.* Технические возможности русского языка в области предметной номинации // *Способы номинации в современном русском языке.* М., 1982.
- Займов, Капалдо 1982–1983 – *Займов Й., Капалдо М.* Супрасълски или Ретков сборник. София, 1982–1983. Т. 1–2.
- Залевская 2005 – *Залевская А. А.* Психолингвистические исследования. Слово. Текст. М., 2005.
- Иванова-Мирчева 1974 – *Иванова-Мирчева Д.* Гръцко-старобългарски лексикални успоредици // *Славистичен сборник.* София, 1974.
- Иванова-Мирчева 1987 – *Иванова-Мирчева Д.* Въпроси на българския книжовен език до Възраждането (IX –X до XVIII век). София, 1987.
- Йовчева 2004 – *Йовчева М.* Солунският Октоих в контекста на южнославянските октоиси до XIV в. София, 2004. (Кирило-Методиевски студии. Кн. 16).

- Илиева 2012 – *Илиева Т.* Словник Книги пророка Иезекииля по списку F.I.461: глоттометрическая характеристика // Славянское и балканское языкознание. Палеославистика: Слово и текст. М., 2012.
- Илиева 2013 – *Илиева Т.* Поморфемният принцип на превеждане в EzF.I.461 // *Lettera et lingua*, пролет – лято 2013. Електронно списание за хуманистика, <http://slav.uni-sofia.bg/naum/lilijournal/2013/1-2/ilievat>.
- Карачорова 1989 – *Карачорова И.* Към въпроса за Кирило-Методиевия старобългарски превод на Псалтира // Кирило-Методиеви студии. София, 1989. Кн. 6.
- К-МЕ I–IV – Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 1985 –2003. Т. I– IV.
- Копыленко 1995 – *Копыленко М. М.* *Paleoslavica*. Алматы, 1995.
- Копыленко 1973 – *Копыленко М. М.* Кальки греческого происхождения в языке древнерусской письменности // Византийский временник. 1973. Т. 34.
- Крашенинникова 2006 – *Крашенинникова О. А.* Древнеславянский Октоих св. Климента архиепископа Охридского: по древнерусским и южнославянским спискам XII–XIV веков. М., 2006.
- Кривко 2015 – *Кривко Р. Н.* Очерки языка древних церковнославянских рукописей. М., 2015.
- Кривко 2020 – *Кривко Р. Н.* Западно-церковнославянское *чьсть* ‘церковное торжество’ в истории древней славянской христианской терминологии // *Wiener Slavistisches Jahrbuch (Neue Folge)*. 2020. Bd. 8.
- Крысько 2014 – *Крысько В. Б.* Старославянский канон Кириллу Философу: Источники и реконструкция. М., 2014.
- Крысько 2015 – Ильина книга (XI в.): Исследования. Указатели / Подг. Крысько В. Б., Ладыженский И. М., Межиговская Т. И. / Под ред. Крысько В. Б.. М., 2015.
- Кубрякова 1986 – *Кубрякова Е. С.* Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986.
- Кубрякова 1996 – *Кубрякова Е. С. и др.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.
- Кубрякова 2012 – *Кубрякова Е. С.* В поисках сущности языка. М., 2012.
- Кубрякова 2012а – *Кубрякова Е. С.* О разноструктурных единицах номинации и месте производного слова среди этих единиц // *Slowotwórstwo a inne sposoby nominacji*. Katowice, 2000.
- Куркина 2011 – *Куркина Л. В.* Культура подсечно-огневого земледелия в зеркале языка. М., 2011.

- Лопатин, Улуханов 1963 – *Лопатин В. В., Улуханов И. С.* О некоторых принципах морфемного анализа слов: (К определению понятия сложного слова в современном русском языке) // Известия АН. Серия литературы и языка. 1963. Т. 22. Вып. 3.
- Львов 1966 – *Львов А. С.* Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966.
- Львов 1971 – *Львов А. С.* Этимология старославянского *кѣнѣгы – кѣнѣгѣчн* // Балканско езиковедение. София, 1971. Т. XV. № 2.
- Маревич 1983: *Маревич Р.* Заметки по историческому словообразованию. 1–2 // Этимология. 1981. М., 1983.
- Мейе 1951 – *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.
- Милтенов 2008 – *Милтенов Я.* Лексический критерий как способ атрибуции преславских текстов (на материале славянского перевода Диалогов Псевдо-Кесария) // Славяноведение. 2008. № 5.
- Милтенов 2020 – *Милтенов Я.* Преславските лексикални маркери. 1. Опыт за въведение // *Palaeobulgarica*. 2020. Год. XLIV. № 2.
- Минчева 1978 – *Минчева А.* Старобългарски кирилски откъслечи. София, 1978.
- Минчева 1995 – *Минчева А.* Калки в старобългарски език // Кирило-Методиевска енциклопедия. София, 1995. Т. 2.
- Мирчева 2010 – *Мирчева Б.* По въпроса за реконструкцията на оригиналната славянска служба за Константин-Кирил Философ // *Palaeobulgarica*. 2010. Год. XXXIV. № 1.
- Мирчева 1997 – *Мирчева Е.* Прояви на преславската преводаческа и редакторска школа в слово № 21 от Супрасълския сборник // *Palaeobulgarica*. 1997. Год. XXI. № 2.
- Мирчева 2011 – *Мирчева Е.* За етапите в развитието на Преславската преводаческа и редакторска школа (отново за Супрасълския сборник) // *Palaeobulgarica*. 2011. Год. XXXV. № 4.
- Митурска-Бояновска 2005 – *Митурска-Бояновска Й.* Компресивное словообразование в современном русском языке // Грани слова. Сб. научных статей к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. М., 2005.
- Михайлов 1908 – *Михайлов А. В.* Древнеславянский перевод книги Руфь. Варшава, 1908.
- Михайлов 1912 – *Михайлов А. В.* Опыт изучения текста книги Бытия пророка Моисея в древнеславянском переводе. Варшава, 1912.

- Молдован 2003 – *Молдован А. М.* Лексическая эволюция в церковнославянском // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Доклады российской делегации. М., 2003.
- Мострова 2012 – *Мострова Т.* Към лексикалната характеристика на Книгата на пророк Иеремиа // Кирило-Методиевски студии. София, 2012. Кн. 21.
- Мострова 2015 – *Мострова Т.* Словообразователни тенденции в развитието на българския книжовен език през средновековието (Кирило-Методиевите традиции в паметници от XIV в.). София, 2015 (Кирило-Методиевски студии. Кн. 24).
- Мошиньски 1982 – *Мошиньски Л.* Способы перевода греческих словообразований с отрицательной приставкой *ἀ* в старославянской Супрасльской рукописи // *Syrrillomethodianum*. VI. Thessalonique, 1982.
- Низаметдинова 2003 – *Низаметдинова Н. Х.* Словообразование сложных слов в русском языке XI–XVII вв. М., 2003.
- Низаметдинова 2013 – *Низаметдинова Н. Н.* Сложные слова в русском языке XI–XVII вв.: словообразовательная структура, семантика, морфемика. М., 2013.
- Никитевич 1980–1982 – *Никитевич В. М.* Словообразование и деривационная грамматика. Гродно, 1980. Ч. 1; Гродно, 1982. Ч. 2.
- Никитевич 1985 – *Никитевич В. М.* Основы номинативной деривации. Минск, 1985.
- Николов 2003 – *Николов Н.* Именните (фразеологични) и съставните устойчиви словосъчетания в старобългарския език // Преславска книжовна школа. Шумен, 2003. Т. 7.
- Пенев 1989 – *Пенев П.* Към историята на Кирило-Методиевия старобългарски превод на Апостола // Кирило-Методиеви студии. София, 1989. Кн. 6.
- Пентковский 2014 – *Пентковский А. М.* Славянское богослужение в архиепископии святителя Мефодия // Свети Кирило и Методије и словенско писано наслеђе. 863–2013. Београд, 2014.
- Пентковский 2015 – *Пентковский А. М.* К истории славянского богослужения византийского обряда в начальный период (кон. IX – нач. X в.): *Addenda et corrigenda* // Богословские труды. М., 2015. Вып. 146.
- Пентковский 2016 – *Пентковский А. М.* Славянское богослужение византийского обряда и корпус славянских богослужебных книг в конце IX – первой половине X веков // *Slověne*. 2016. № 2.

- Пентковский 2019 – *Пентковский А. М.* Славянский перевод Евангелия и его использование в богослужении в IX (посл. треть) – XI вв. // *Наслеђе и стварање. Свети Ћирило. Свети Сава: 869 – 1219 – 2019.* Београд, 2019.
- Пичхадзе 2002 – *Пичхадзе А. А.* Две древнейшие редакции славянского Евангелия: Зографское и Ассеманиево евангелия // *Палеославистика. Лексикология. Лексикография. Тезисы международной научной конференции, посвященной памяти Р. М. Цейтлин.* М., 2002.
- Погорелов 1901 – *Погорелов В. А.* О редакциях славянского перевода псалтыри // *Библиотека Московской Синодальной Типографии.* М., 1901. Вып. 3. Псалтыри. С. V–LXIV.
- Погорелов 1902 – *Погорелов В. А.* Славянский перевод Псалтыри с толкованиями Феодорита Киррского // *Древности. Труды Славянской Комиссии Императорского Московского Археологического Общества.* М., 1902. Т. 3.
- Погорелов 1914 – *Погорелов В. А.* Образование имен существительных с окончанием -чн в древнеболгарском языке // *Варшавские университетские известия.* Варшава, 1914. Кн. IX.
- Погорелов 1925 – Из наблюдений в области древнеславянской переводной литературы. I. Латинское влияние в переводе Евангелия. Bratislava, 1925.
- Погорелов 1930 – *Погорелов В. А.* Формы греческих слов в кирилло-мефодиевском переводе Евангелия (Из наблюдений в области древнеславянской переводной литературы) // *Byzantinoslavica.* 1930. Roč. 2. Sv. 1.
- Поп-Атанасова, Костовска 2005 – *Поп-Атанасова С., Костовска В.* Лексиката во поетските творби на Климент Охридски. Скопје, 2005.
- Попруженко 1911 – *Попруженко М. Г.* Козьма Пресвитер // *Известия русского археологического института в Константинополе.* София, 1911. Т. 15.
- Пражский кружок 1967 – Пражский лингвистический кружок. Сборник статей. М., 1967.
- Прикрилова 1997 – *Прикрилова М.* Притежателни прилагателни, завершващи на -овъ/-евъ в старобългарския език // *Преславска книжовна школа.* Шумен, 1997. Т. 2.
- Райнхарт 2006 – *Райнхарт Й.* Древнерусское *куругъ* ‘шафер, дружка’: заимствование из протобулгарского языка // *Ad fontes verborum.* Исследования по этимологии и исторической семантике. К 70-летию Жанны Жановны Варбот. М., 2006.
- Речник 1999–2009 – Старобългарски речник. София, 1999 г. Т. 1.; София, 2009. Т. 2.

- Русская грамматика I – Русская грамматика. М., 1982. Т. I.
- Свети Климент 2008 – Свети Климент Охридски. Слова и служби / Състав. Петков П. Д., Христова-Шомова И. В., Тотоманова А.-М. К. София, 2008.
- Симеонов сборник 2015 – Симеонов сборник (по Светославовия препис от 1073). София, 2015. Т. 3: Гръцки извори.
- Славова 1989 – *Славова Т.* Преславска редакция на Кирило-Методиевия старобългарски евангелски превод // Кирило-Методиеви студии. София, 1989. Кн. 6.
- Славова 2010 – *Славова Т.* Владетел и администрация в ранносредновековна България. Филологически аспекти. София, 2010.
- Славова 2016 – *Славова Т.* Суперлативи с форманта нан- в Шестоднева на Йоан Екзарх // *Studia Philologica Universitatis Velikotarnovensis*. 2016. Vol. 35.
- Словарь 1994 – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Цейтлин Р. М., Вечерки Р., Благовой Э. М., 1994.
- СЛРЯ XI–XVII – Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975 –. Вып. 1 –.
- Соболевский 1900 – *Соболевский А. И.* Церковнославянские тексты моравского происхождения // *Русский филологический вестник*. 1900. Т. XLIII.
- Соболевский 1891 – *Соболевский А. И.* Древний церковнославянский язык. Фонетика. М., 1891.
- Спасова 1996 – *Спасова М.* Към въпроса за първоначалния текст и авторството на Похвално слово за Кирил и Методий // *Palaeobulgarica*. 1996. Год. XX. № 3.
- Станков 1991 – *Станков Р.* Локализация древнеболгарских переводных текстов в свете так называемой «охридской» и «преславской» лексики (*На материале Исторической Палеи*) // *Palaeobulgarica*. 1991. Год. XV. № 4.
- Станков 1994 – *Станков Р.* Лексика Исторической Палеи. Велико Търново, 1994.
- Станков 2018 – *Станков Р.* Проблема «преславской» и «кирилло-мефодиевской» лексики в древнеболгарском переводе Хроники Георгия Амартола // Преславска книжовна школа. Шумен, 2018. Т. 18.
- Станчев, Попов 1988 – *Станчев Кр., Попов Г.* Климент Охридски: Живот и творчество. София, 1988.
- Срезн I–III – *Срезневский И. И.* Словарь древнерусского языка. М., 1989. Т. I–III.

- Тасева, Йовчева 2003 – *Тасева Л., Йовчева М.* Увод // Старобългарският превод на Стария завет / Под ред. С. Николовой. София, 2003. Т. 2: Книга на пророк Иезекиил с тълкования.
- Темчин 2004 – Этапы становления славянской гимнографии (863 – около 1098 года). Ч. I. // *Славяноведение*. 2004. № 2.
- Темчин 2004а – Этапы становления славянской гимнографии (863 – около 1098 года). Ч. II. // *Славяне и их соседи*. Вып. 11: Славянский мир между Римом и Константинополем. М., 2004.
- Теория функциональной грамматики 1996 – Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность. СПб., 1996.
- Тетовска-Троева 1988 – *Тетовска-Троева М.* Отглаголни имена за лица в български говори: *Nomina agentis*. София, 1988.
- Тихова 1976 – *Тихова М.* Сложните думи в езика на Григорий Цамблак, Константин Костенечки и Йоасаф Бдински // *Годишник на Висшия педагогически институт*. Шумен, 1976. Год. 1.
- Толстая (в печати) – *Толстая С. М.* К проблеме сложных слов в праславянском // *Studia etymologica Brunensia* (в печати).
- Толстой 1988 – *Толстой Н. И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
- Толстой 1957 – *Толстой Н. И.* Значение кратких и полных форм прилагательных в старославянском языке // *Вопросы славянского языкознания*. М., 1957. Вып. 2.
- Турилов, Мошкова 2006 – *Турилов А. А., Мошкова Л. В.* Гимнография (древнейшая славянская) // *Православная энциклопедия*. М., 2006. Т. 11.
- Турилов 2010 – *Турилов А. А.* *Slavia Cyrillomethodiana*: Источниковедение истории и культуры южных славян и Древней Руси: Межславянские культурные связи эпохи средневековья. М., 2010.
- Турилов 2015 – *Турилов А. А.* К изучению великоморавского литературного наследия: промежуточные итоги, спорные вопросы и перспективы // *Вестник славянских культур*. 2015. № 1 (35).
- Улуханов 1996 – *Улуханов И. С.* Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.
- Фасмер I–IV: *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1986–1987. Т. I–IV.
- Федоскина 2000 – *Федоскина Е. С.* Покаянный канон Климента Охридского в составе древнеславянского Октоиха // *Вестник МГУ. Серия 9: Филология*. 2000. № 3.

- Флоря, Турилов, Иванов 2000 – *Флоря Б. Н., Турилов А. А., Иванов С. А.* Судьбы кирилло-мефодиевской традиции после Кирилла и Мефодия. СПб., 2000.
- Харалампиев 2001 – *Харалампиев И.* Историческа граматика на българския език. В.Търново, 2001.
- Ходова 1964 – *Ходова К. И.* Употребление падежей при синтаксических производных глагола в старославянском языке // Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964.
- Христова 1994 – *Христова И.* Речник на словата на Климент Охридски. София, 1994.
- Цейтлин 1975 – *Цейтлин Р. М.* Сложные слова на вель-, веле-, велне-, велнко- в языке старославянских памятников // Древнерусский язык. Лексикология и словообразование. М., 1975.
- Цейтлин 1977 – *Цейтлин Р. М.* Лексика старославянского языка. Опыт анализа мотивированных слов по данным древнеболгарских рукописей X–XI вв. М., 1977.
- Цейтлин 1986 – *Цейтлин Р. М.* Лексика древнеболгарских рукописей X–XI вв. София, 1986.
- Цейтлин 1986а – *Цейтлин Р. М.* Възстановяване на незасвидетелствувани старобългарски думи (способи и методи) // Български език. 1986. № 2.
- Цейтлин 1999 – *Цейтлин Р. М.* Сколько было слов в книжном древнеболгарском языке? (О проблеме восстановления утраченного) // Търновска книжовна школа. Велико Търново, 1999. Т. 6.
- Чернышева 1984 – *Чернышева М. И.* Эквиваленты, заимствования и кальки в первых славяно-русских переводах с греческого языка // Вопросы языкознания. 1984. № 2.
- Чернышева 1987 – *Чернышева М. И.* Византизмы в языке «Хроники» Иоанна Малалы. Автореферат дисс. канд. филол. наук. М., 1987.
- Чернышева 1991 – *Чернышева М. И.* О понятии «византизмы» в языке славяно-русских переводных памятников // Византийский временник. 1991. Т. 52.
- Чернышева 2008 – *Чернышева М. И.* Семантика словообразовательных моделей с начальными *благо-* и *бого-* (новые данные) // Славянское языкознание. XIV Международный съезд славистов. Охрид, 10–16 сентября 2008 г. Доклады российской делегации. М., 2008.
- Чернышева 2015 – *Чернышева М. И.* Уходящие слова, ускользающие смыслы: историко-лексикологические исследования // Электронное научное

- издание «Альманах Пространство и Время». 2015. Т. 10. Вып. 1: Пространство и время текста.
- Чернышева 2018 – *Чернышева М. И.* Традиционные и новые аспекты изучения роли греческого языка на раннем этапе становления лексики письменного русского языка // Славянская историческая лексикология и лексикография. СПб., 2018. Вып. 1.
- Шатковски 1987 – *Шатковски Я.* Nomina loci в старобългарския език // Кирило-Методиевски студии. София, 1987. Кн. 4.
- Шафарик 1861 – *Шафарик П. Й.* О происхождении и родине глаголитизма. Пер. А. Шемякина. М., 1861.
- Шулежкова 2011 – Фразеологический словарь старославянского языка / Под ред. Шулежковой С. Г. М., 2011.
- Щайнке 1984 – *Щайнке К.* Наблюдения над употребата на старобългарските причастия // Palaeobulgaria. 1984. Год. VIII. № 2.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / Под ред. Трубачева О. Н.; с 2005 г. под ред. Журавлева А. Ф.; с 2016 г. под ред. Варбот Ж. Ж. Вып. 1 – М., 1974 –.
- Aitzetmüller 1958–1971 – *Aitzetmüller R.* Das Hexaemeron des Exarchen Joannes / Editiones monumentorum slavlicorum veteris dialecti. Graz, 1958–1971. Т. I–VI.
- Aitzetmüller 1975 – *Aitzetmüller R.* Das Hexaemeron des Exarchen Joannes. Graz, 1975. Т. VII.
- Alekseev 1986 – *Alekseev A. A.* Der Stellenwert der Textologie bei der Erforschung altkirchenslavischer Übersetzungstexte // Die Welt der Slaven. 1986. Jg. XXXI. № 2.
- Aleksiejewa, Ostapczuk 2013 – *Aleksiejewa M., Ostapczuk O.* Многокомпонентные термины в научном дискурсе и в информационной системе славянского языкознания iSybislaw (на материале русского и польского языков) // Slavia orientalis. 2013. Т. LXII. № 2.
- Bally 1921 – *Bally Ch.* Traité de stylistique française. 2-e ed. Heidelberg, 1921.
- Beekes 2010 – *Beekes R.* Etymological Dictionary of Greek. Leiden; Boston, 2010. Vol. 1.
- Bernstein 1974 – *Bernstein B.* Class, Codes and Control. London, 1974. Vol. 1.
- Bláhová 1996 – *Bláhová E.* Kompozita v staroslověnské terminologii // Slavia. 1996. Roč. 65.
- Blass, Debrunner 1961 – *Blass F., Debrunner A.* A Greek Grammar of the New Testament and Other Early Christian Literature. Cambridge; Chicago, 1961.

- Booij 2009 – *Booij G.* Phrasal Names: A Constructionist Analysis // Word Structure (Special Issue on Words and Phrases). 2009. Vol. 2. № 2.
- Boyer 1984 – *Boyer J. L.* The Classification of Participles: A Statistical Study // Grace Theological Journal. 1984. Vol. 5. № 2.
- Brodowska-Honowska 1960 – *Brodowska-Honowska M.* Słowotwórstwo przymiotnika w języku staro-cerkiewno-słowiańskim. Kraków; Wrocław; Warszawa, 1960.
- Chantraine 1933 – *Chantraine P.* La formation des noms en grec ancien. Paris, 1933.
- Chantraine I–IV – *Chantraine P.* Dictionnaire etymologique de la langue grecque: Histoire des mots. Paris, 1968, 1970, 1974, 1977. T. I–IV.
- Dostál 1954 – *Dostál A.* Studie o vidovém systému v staroslověnině. Praha, 1954.
- Dybo 2010 – *Dybo A.* Bulgars and Slavs: Phonetic Features in Early Loanwords // Studies on the Turkic World. Festschrift in Honour of Stanisław Stachowski / Ed. E. Mańczak-Wohlfeld and B. Podolak. Kraków, 2010.
- ESJS – Etymologický slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1989–2018. Seš. 1–19.
- Fält 1990 – *Fält E.* Compounds in Contact: A Study in Compound Words with Special Reference to the Old Slavonic Translation of Flavius Josephus' Περὶ τοῦ Ἰουδαϊκοῦ πολέμου. Uppsala, 1990.
- Frček 1933–1939 – *Frček J.* Euchologium Sinaiticum // Patrologia orientalis. Paris, 1933. T. XXIV; Paris, 1939. T. XXV.
- Friberg 2000 – *Friberg B., Friberg T., Miller N. F.* Analytical Lexicon of the Greek New Testament. Grand Rapids, 2000.
- Frisk I–II – *Frisk H.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1960. Bd. I; Heidelberg, 1970. Bd. II.
- Goddard, Wierzbicka – *Goddard C., Wierzbicka A.* Words and Meanings: Lexical Semantics across Domains, Languages, and Cultures. Oxford, 2014.
- Jagić 1898; Jagić 1899 – *Jagić V.* Die slavischen Composita in ihrem sprachgeschichtlichen Auftreten // Archiv für slavische Philologie. Berlin, 1898. Bd. 20. S. 516–556; Berlin, 1899. Bd. 21. S. 28–43.
- Jagić 1902 – *Jagić V.* Zum Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache // Denkschriften der kaiserlichen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Classe. Wien, 1902. Bd. 46.
- Jagić 1913 – *Jagić V.* Zum Entstehungsgeschichte der kirchenslavischen Sprache. Berlin, 1913.

- Karcevski 2000 – *Karcevski S.* Du dualisme asymétrique du signe linguistique // *Karcevski S.* Inédits et introuvables / Textes rassemblés et établis par Irina et Gilles Fougeron. Paris, 2000.
- Kastovsky 1986 – *Kastovsky D.* The Problem of Productivity in Word Formation // *Linguistics*. 1986. Vol. 24. № 3.
- Kuchař 1968 – *Kuchař J.* К общей характеристике номинации // *Travaux linguistiques de Prague. Études structurales dédiées au VI Congrès des slavistes*. Prague, 1968.
- Lampe 1961 – *Lampe G. W. H.* A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961.
- Lass 1997 – *Lass R.* Historical Linguistics and Language Change. Cambridge, 1997.
- Leeming 1986 – *Leeming H.* [Рец. на]: Molnár N. The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts. A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices. Köln; Wien, 1985 // *Slavonic and East European Review*. London, 1986. Vol. 64. № 4.
- Liddell, Scott 1996 – *Liddell H. G., Scott R.* A Greek-English Lexicon. Oxford, 1996.
- Masini 2009 – *Masini F.* Phrasal Lexemes, Compounds and Phrases: A Constructionist Perspective // *Word Structure (Special Issue on Words and Phrases)*. 2009. Vol. 2. № 2.
- Meillet 1926 – *Meillet A.* L'hypothèse d'une influence de la Vulgate sur la traduction slave de l'Évangile // *Revue des Études slaves*. Paris, 1926. T. 6. Fasc. 1/2.
- Meissner 2006 – *Meissner T.* S-stem Nouns and Adjectives in Greek and Proto-Indo-European: A Diachronic Study in Word Formation. Oxford, 2006.
- Merk 1984 – *Merk A. S. J.* Novum Testamentum graece et latine: Apparatu critico instructum edidit Augustinus Merk S. J. Ed. 10. Romae, 1984.
- Miklosich 1862–1865 – *Miklosich F.* Lexicon palaeoslovenico-greco-latinum. Vindobonae, 1862–1865.
- Molnár 1985 – *Molnár N.* The Calques of Greek Origin in the Most Ancient Old Slavic Gospel Texts. A Theoretical Examination of Calque Phenomena in the Texts of the Archaic Old Slavic Gospel Codices. Köln; Wien, 1985.
- Moszyński 1974 – *Moszyński L.* Rzeczowniki złożone Synajskiego pateryka na tle złożzeń kanonu staro-cerkiewno-słowiańskiego // *Slovo*. 1974. T. 24.
- Pape 1870 – *Pape W.* Handwörterbuch der griechischen Sprache. Braunschweig, 1870. Bd. III: Wörterbuch der griechischen Eigennamen.

- PG – Patrologiae cursus completus. Series graeca / Ed. Migne J.-P. Paris, 1864. T. LXXXI.
- Příkrylová 2001 – *Příkrylová M.* Staroslavěnská posesivní adjektiva na -jb, -bjb // Cyrillo-Methodiana in honorem Aemiliae Bláhová et Venceslai Konzal. Praha, 2001.
- Rahlfs 1952 – Septuaginta / Ed. A. Rahlfs. Ed. 5. London, 1952. Vol. I–II.
- Ralli 2009 – *Ralli A.* IE, Hellenic: Modern Greek // *Lieber R., Štekauer P.* (eds.). Oxford Handbook of Compounding. Oxford, 2009.
- Ralli 2013 – *Ralli A.* Compounding in Modern Greek. Dordrecht, 2013.
- Reinhart 1995 – *Reinhart J.* (Alt)kirchenslavisch tetegъ ‘Sänfte’ // Wiener Slavistisches Jahrbuch. 1995. Bd. 41.
- Robinson, Pierpont 2005 – *Robinson M. A., Pierpont W. G.* The New Testament in the Original Greek: Byzantine Textform. Southborough, Mass., 2005.
- Rusek 1991 – *Rusek J.* Z dziejów nazw zawodowych w języku bułgarskim // Słownictwo słowiańskie / Pod red. J. Ruska // Zeszyty naukowe Un-tu Jagiellońskiego. CMVIII. Prace językoznawcze. 1991. Zesz. 95.
- Rusek 1996 – *Rusek J.* Dzieje nazw zawodów w językach słowiańskich. Warszawa, 1996.
- Rusek, Raczewa 1980 – *Русек Й., Рачева М.* К древнейшим заимствованиям тюркского происхождения в болгарском языке: тазпыгъ ‘мешок из целой кожи’ // Linguistique Balkanique. 1980. Vol. XXIII. № 1.
- Rusek, Raczewa 1991 – *Rusek J., Raczewa M.* Starobułgarskie jarigъ (arigъ) ‘sakos, worek’ – wczesna pożyczka turecka // Rocznik Sławistyczny. 1991. T. XLVII. Cz. 1.
- Růžička 1963 – *Růžička R.* Das Syntaktische System der altslavischen Partizipien und sein Verhältnis zum Griechischen. Berlin, 1963.
- Ř.-St. Index – Řecko-staroslověnský index. Praha, 2008 – .
- Sadnik, Aitzetmüller 1955 (S–A) – *Sadnik L., Aitzetmüller R.* Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten. Vorwort. Heidelberg, 1955.
- Schumann 1958 – *Schumann K.* Die griechischen Lehnbildungen und Lehnbedeutungen im Altbulgarischen. Berlin, 1958.
- Schwyzer 1977 – *Schwyzer E.* Griechische Grammatik. Bd. I: Allgemeiner Teil, Lautlehre, Wortbildung, Flexion. 5. Aufl. München, 1977.
- SJS – Slovník jazyka staroslověnského. Praha, 1966–1997. T. I–IV.
- Sławski 1974 – *Sławski F.* Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego / Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974. T. 1.

- Sławski 1976 – *Sławski F.* Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego / Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976. T. 2.
- Sprenger 2003 – *Sprenger S. A.* Fixed Expressions and the Production of Idioms. Nijmegen, 2003.
- Tribulato 2015 – *Tribulato O.* Ancient Greek Verb-Initial Compounds: Their Diachronic Development Within the Greek Compound System. Berlin, 2015.
- Vaillant 1974 – *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves: La formation des noms. Paris, 1974. T. IV.
- Večerka 1961 – *Večerka R.* Syntax aktivních participií v staroslověnině. Praha, 1961.
- Večerka 1997 – *Večerka R.* The Influence of Greek on Old Church Slavonic // *Byzantinoslavica*. 1997. T. LVIII. Fasc. 2.
- Večerka 2006 – *Večerka R.* Staroslověnština v kontextu slovanských jazyků. Olomouc; Praha, 2006.
- Večerka 1989–1996 – *Večerka R.* Altkirchenslavische (altbulgarische) Syntax. Freiburg i. Br., 1989. T. I: Die lineare Satzorganisation (*Monumenta linguae slavicae. Dialecti veteris*. T. XXVII); Freiburg i. Br., 1993. T. II: Die innere Satzstruktur (*Monumenta linguae slavicae. Dialecti veteris*. T. XXXIV); Freiburg i. Br., 1996. T. III: Die Satztypen: Der einfache Satz (*Monumenta linguae slavicae. Dialecti veteris*. T. XXXVI).
- Wallace 1996 – *Wallace D. B.* Greek Grammar Beyond the Basic: An Exegetical Syntax of the New Testament. Michigan: Zondervan Publishing House, 1996.
- Wray 2002 – *Wray A.* Formulaic Language and the Lexicon. Cambridge, 2002.
- Wray 2008 – *Wray A.* Formulaic Language: Pushing the Boundaries. Oxford, 2008.
- Zábranský 2010 – *Zábranský L.* Kompozita ve staroslověnině / Compounds in Old Church Slavonic (disertační práce). Praha, 2010.
- Μηναΐα 1888 – *Μηναΐα τοῦ ὄλου ἐνιατοῦ*. Ἐν Ρώμῃ, 1888. T. I.

Summary

The monograph summarizes some results of the author's long-term research on the ways of forming the Old Church Slavonic lexical fund. The author presents her own understanding of the processes that took place in the "creative laboratories" of the Slavic primary teachers Sts. Cyril and Methodius, their disciples and followers.

In the first chapter of the monograph, the author outlines the principles and methods of the Old Church Slavonic vocabulary studies, which she has been using in recent years and which found their application in subsequent chapters devoted to various ways of replenishing the Old Church Slavonic lexical fund. New methods of the Old Church Slavonic lexical inventory research – the method "from a Greek lexeme to an Old Church Slavonic lexeme" (i. e. the method of comparing the Greek vocabulary with the Old Church Slavonic vocabulary, in which the "starting point" is a Greek lexeme) and the method of studying the Old Church Slavonic vocabulary in thesaurus Greek-Old Church Slavonic groups – are presented. Special attention is paid to the problems of differentiation of the Old Church Slavonic lexicon into the Old Slavic vocabulary, drawn by the bookmen from the folk Slavic speech of the time, and the new Old Church Slavonic vocabulary, which was created by the bookmen themselves in the process of translation. The author also expresses her thoughts on one of the main issues of modern palaeoslavistics – the studying of the lexical usage peculiarities of the Ohrid and Preslav schools of writing.

In the second and third chapters of the monograph, the hypothesis is proved that there existed St. Cyril's translation strategies to use certain productive suffixes in derivation as well as in compounding as a compensation of the Greek article. By analyzing the language material, the author tried to show that according to St. Cyril's conception, the use of productive Old Church Slavonic suffixes in the derivation procedures was not intended for calquing Greek suffixes. Translated by Old Church Slavonic single-root derivatives, Greek words sometimes simply did not contain the corresponding suffixes. The purpose of the Old Church Slavonic suffixation was in many cases to compensate the Greek article, which acted as a substantiver

in the original Greek texts. This confirms the idea expressed earlier by the author of the monograph that morphemic calquing as a word-formation procedure in the Old Church Slavonic language needs special revision. There is a fundamental difference between the procedure of compounding and the procedure of the formation of single-root derivatives. During the procedure of compounding bookmen usually translated two root morphemes of the Greek compound – besides using classifying (i. e. derivational and inflectional) morphemes, i. e. they imitated, to a certain extent, the morphological structure of the Greek word. But there is no reason to attribute a great number of single-root Old Church Slavonic derivatives with productive suffixes to morphemic calques.

In the third chapter of the monograph, the comparison of word-formation models of Old Church Slavonic compounds and their Greek counterparts reveals a rather high degree of Slavic bookmen's freedom in the choice of word-formation models. In each case, the choice of the word-formation model could either coincide with the word-formation model of the Greek counterpart or be different, demonstrating orientation towards the Old Church Slavonic word-formation mechanism. In this chapter, the author shows how the initial St. Cyril's strategy for the transfer of the two-root Greek words by single-root words (*simplicia*) evolves further towards the transfer by compounds. At the same time, another St. Cyril's strategy retained: the use of the productive suffixes in the procedure of calquing of the two-root Greek counterparts. This strategy indicated that the newly formed word was associated with adjectives or substantives. In this chapter, the author also reveals that the suffixation by productive suffixes distinguished Old Church Slavonic compounding from compounding in Slavic folk speech of the time and was used more widely than in Greek compounding. The author suggests that in the absence of the article as such in the Slavic grammatical system, St. Cyril purposefully introduced the suffixation into the procedure of compounding to distinguish adjective compounds from substantive compounds that nominated objects (most often persons).

In the fourth and fifth chapters of the monograph, nominations by substantivized participial forms and multi-word nominations are discussed. The author saw her task in the search for a criterion that would allow considering these nominations as units of the Old Church Slavonic lexical fund. The author concludes that the only criterion that can be relied on

when interpreting the Old Church Slavonic text, is the ability of these nominations to function as namings of linguistic concepts. Summing up the definitions of the “linguistic concept” given by representatives of different schools and trends, the author understands the “linguistic concept” as a certain discrete unit of the mental lexicon of a native speaker. Since in the analysis of the Old Church Slavonic texts we mostly deal with “concrete” concepts, they could more traditionally be called the concepts behind the words. Depending on the nature of the linguistic concept nominating, the author divides the nominations by substantivized participial forms into two types: the first type includes the names of objects (in a broad sense, including persons), that nominate them by permanent actions, permanent conditions, and properties, and the second type includes names of objects (persons), that nominate them by non-permanent actions and non-permanent conditions. The author sees fundamental differences between these two types.

The author devotes the sixth chapter of the monograph to St. Cyril’s translation strategies, which allowed to overcome such a difference in the grammatical structure of the Greek and Slavic languages of the epoch of the first translations into Old Church Slavonic, as the presence of adjective and adverbial superlative forms in the Greek language and the absence of such special (synthetic) forms in the Slavic language. In the Old Church Slavonic texts, there is a variety of ways of transmitting the Greek superlative, which is due to many overlapping factors. And last but not least, it is important that in the Greek language of the epoch of the creation of the texts of the Holy Scriptures and early Christian literature, the process of mixing comparative and superlative forms has already begun. The author describes various ways of translating Greek superlative forms and forms with a superlative meaning with the help of the Old Church Slavonic language tools.

The seventh chapter of the monograph examines such an interesting phenomenon as the direct involvement of the stems of Greek origin into word-formation procedures. This phenomenon was especially typical for the initial stage of the formation of the Old Church Slavonic lexical fund.

Научное издание

Валерия Сергеевна Ефимова

**Пути формирования
старославянского
лексического фонда**

Общероссийский классификатор продукции
ОК-034-2014 (КПЕС 2008); 58.11.1 — книги, брошюры печатные

Институт славяноведения РАН
119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А

Подписано в печать 09.02.2021. Формат 60×90¹/16
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная.
Печать цифровая. Объем 16,5 печ. л.
Заказ № 17
Тираж 500 экз.

Отпечатано в ООО «ПОЛИМЕДИА»
143001, Московская обл., г. Одинцово, ул. Западная, д. 13